

А. В. Западов

Русская журналистика XVIII века

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

А. В. ЗАПАДОВ

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

Русская периодическая печать насчитывает более двухсот шестидесяти лет существования и за этот долгий срок прошла ряд ступеней своего развития.

«История рабочей печати в России,— писал В. И. Ленин,— неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шло таким, а не другим каким-либо путем.

Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинный или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время» [1].

В. И. Ленин говорит об истории рабочей печати в России и свой отсчет начинает примерно с 1825 года, ознаменованного восстанием декабристов. Однако до этого события, явившегося вершиной дворянской революционности, русская периодика издавалась в течение ста двадцати с лишним лет, и путь ее представляет большой научный и общественный интерес. Многое из того, что дало себя знать на дворянском этапе освободительного движения в России, подготавливалось в XVIII веке и освещалось на страницах повременных изданий.

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223. Статья «Из прошлого рабочей печати в России», откуда приведена цитата, написана В. И. Лениным в 1914 году.

Вызванная к жизни по инициативе правительства с целью организовать общественное мнение в желательном ему вкусе, русская периодическая печать в начале второй половины XVIII века перестает быть монополией власти. Появляются журналы, выпускаемые отдельными писателями, дружескими объединениями; в прессу проникают взгляды, оппозиционные царской политике. Разумеется, цензурные строгости держали журналистов в рамках феодально-крепостнической идеологии, но и находясь под неусыпным контролем монархии, деятели прогрессивной журналистики умели развивать перед читателями свои идеи, пусть в приглушенном или замаскированном виде.

В библиографическом труде А. Н. Неустроева «Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» (СПб., 1874) описано сто двадцать пять органов печати. Если прибавить сюда некоторые журналы, пропущенные автором, и повторные издания, число это возрастет на два-три десятка названий. Рассматривать подряд полторы сотни журналов, газет и сборников было бы утомительно и нецелесообразно. Среди них немало специальных изданий — научных, военных, медицинских, экономических, музыкальных, не говоря уже о религиозных, масонских, церковных. Гораздо важнее постараться рассказать о тех журналах и газетах, которые имели общественно-политическое и литературное значение и отмечены участием выдающихся русских писателей и ученых. О таких изданиях и пойдет речь на страницах этой книги.

1

Крупнейшие преобразования, происшедшие в России в начале XVIII столетия и связанные с деятельностью Петра I, были подготовлены предшествующим историческим развитием страны.

С первых лет своего царствования Петр стремится обеспечить России свободные выходы к морям, чего настоятельно требовали государственные интересы. Он начинает войну с Турцией за Черное море. В 1696 году была взята турецкая крепость Азов, под стенами которой годом раньше русские войска потерпели поражение от турок. В боевых действиях участвовал флот, построенный Петром под Воронежем и спущенный в воды Дона.

Для дальнейших операций против крепости Керчь, имевших целью утвердить владычество России на Черном море, по-

надобилось значительное усиление флота. Вместе с тем, чтобы успешно вести войну против Турции, нужно было обеспечить союз с европейскими государствами. Во время своей заграничной поездки 1697—1698 годов Петр вел дипломатические переговоры с Австрией, Польшей, Голландией, Англией. Они не привели к желаемым результатам, но это не имело уже прежнего значения: в русской внешней политике наметилась к этому времени новая, гораздо более важная задача. Петр I ясно понял, что выход к Балтийскому морю необходим для страны, и, оставив борьбу на Черном море, стал готовиться к боям за побережье Балтики. В 1700 году с Турцией был заключен мир, и русские полки выступили против армии шведского короля.

Началась Северная война, тянувшаяся более двух десятилетий. Она закончилась утверждением России на берегах Балтийского моря. Военное могущество Швеции было разрушено, и Россия стала одним из сильнейших государств мира.

В ходе войны Петр I вернул России принадлежавшие ей ранее земли, расположенные по реке Неве и на берегах Финского залива. Поначалу в борьбе со шведами русскую армию постигла неудача — она была разбита в 1700 году под Нарвой,— но вскоре добилась блестящих побед. Благодаря быстрому развитию промышленности армия получила новое вооружение. Петр I реорганизовал артиллерию, на многие годы опередив своими реформами практику европейских государств, создал русский военный флот, наладил подготовку офицерского состава, ввел рекрутские наборы для постоянной службы в солдатах взамен ополчения, созывавшегося ранее только во время войны.

Русские войска одержали славные победы над шведами. В 1702 году была взята крепость у истоков Невы Нотебург-Орешек (ныне Петрокрепость); в следующем, 1703 году, удалось очистить от шведов устье Невы и начать постройку новой столицы империи — Петербурга. В 1704 году пала Нарва. Полтавская битва в 1709 году сломила военную мощь шведского королевства. Победа была полной и решающей. Шведская армия перестала существовать. Сражение при Гангуте (1714) доказало бесспорное превосходство молодого русского флота над шведским, немало кичившимся боевыми традициями.

Оборотной стороной этих успехов были тяготы, которые ложились на крепостное крестьянство. Петр I заботливо

охранял интересы дворянства и купечества, но жестоко эксплуатировал крестьян. Народ нес тяжелое бремя помещичьего гнета. Крестьяне должны были поставлять рекрутов в армию, рабочих на заводы и строительство. Голод, беспощадное угнетение, изнурительный труд превосходили меру терпеливости народа и влекли энергичный протест. В 1705 году в Астрахани произошло восстание, вскоре охватившее юго-восток России. Правительство подавило его с небывалой жестокостью.

В 1707—1708 годах на огромной территории Дона и Поволжья разгорелось новое восстание, поднятое атаманом Кондратием Булавиным. Оно приобрело широкий размах, распространилось на многие уезды центральной России, но было беспощадно разгромлено.

Петровские реформы имели врагов и в среде правящих классов. Петр властной рукой разрушал устоявшийся быт, насаждал новые обычаи и порядки, что вызывало недовольство бояр и попытки отпора с их стороны.

В. И. Ленин, говоря о «европеизации» России, указал, что «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [1].

Стремясь как можно скорее ввести Россию в круг западноевропейских государств, преодолеть отсталость боярско-феодального уклада русской жизни, Петр поспешно и без разбора заимствовал иностранные образцы, заставлял русских людей принимать их и во множестве вербовал на службу иностранцев. Вместе с хорошим через распахнутое царем «окно в Европу» проникало и ненужное, вредное, что требовало уважения к себе только по причине своего заграничного происхождения. Низкопоклонство перед Западом в годы петровского царствования начинает пускать корни в дворянском, а затем и в буржуазном обществе.

Петр дважды выезжает за границу, чтобы на месте освоить образцы зарубежной техники и науки. Вслед за государем в Голландию, Англию, Францию, на корабли, верфи, в школы, доки, госпитали посылаются для ученья русские люди.

Однако, понимая, что на иноземцев и на их готовность помочь своими знаниями положиться нельзя, Петр энергичными мерами создавал кадры отечественных специалистов. Заграничные командировки при этом составляли только часть

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 307.

просветительской программы Петра. Гораздо важнее было поставить дело образования в России. В Москве открылась навигационная школа, переведенная позднее в Петербург (Морская академия), затем начались занятия в инженерной и артиллерийской школах, выпускавших офицеров для армии и флота. В хирургической школе проходили подготовку будущие врачи. Арифметику и геометрию изучали в цифирных школах, куда принимали детей солдат, приказных, посадских людей и церковников.

Руководить просвещением страны должна была Академия наук (открыта в 1725 году), в задачи которой входили исследовательская работа и обучение студентов. Петр пригласил на службу лучших зарубежных ученых, в том числе Лейбница, Вольфа и других.

Новые люди петровской эпохи нуждались в приобретении и расширении знаний. Этой задаче в первую очередь отвечала издательская деятельность Петра. При нем начинают печататься наставления и руководства по кораблестроению, навигации, артиллерии, фортификации, архитектуре, переведенные с иностранных языков. Не ограничиваясь только чисто практическими целями, Петр уделял внимание и научным книгам, приказывая переводить политические рассуждения, трактаты по юриспруденции, сочинения по истории, географии, мифологии и т. д.

Светский характер книг потребовал реформы алфавита. Взамен издревле существовавшей в России кириллицы — церковно-славянской азбуки — в 1708 году был составлен и введен новый «гражданский» шрифт. Этим шрифтом с некоторыми видоизменениями мы пользуемся и доныне. Петр I внимательно следил за тем, как издаются русские книги. Он требовал от переводчиков простоты изложения и ясности мысли, а не буквальной точности передачи оригинала, с тем, чтобы «выразумев» текст, «на свой язык уж так писать, как внятнее». Переводчики должны были пользоваться «не высокими словами словенскими, а простым русским языком». Чтобы помочь читателю понять, усвоить содержание книг, к ним прилагались разъясняющие текст предисловия, объяснения встречающихся терминов. После иностранных слов нередко ставились в скобках соответствующие им русские.

При Петре I стала выходить печатная газета «Ведомости», официальный правительственный орган.

За границей первые печатные газеты появляются в XVI—XVII веках. Древнейшая из дошедших до нас газет «Relatio»

выходила в Страсбурге в 1609 году еженедельно. В газетах печатались сообщения из различных стран и городов о происходящих там событиях, о военных действиях, о торговых делах и т. д. Само слово «газета» — итальянское. «Gazzetta» — так называлась мелкая монета, составлявшая цену письменного сообщения о какой-либо новости. В Венеции — городе, являвшемся в XVI веке одним из центров мировой торговли, собирались известия со всех сторон света. Предприимчивые писцы размножали от руки эти сообщения и продавали их деловым людям, требуя за каждый экземпляр «gazzetta». Постепенно наименование цены перешло и на само рукописное сообщение, так что когда появились печатные органы, их сразу назвали газетами.

2

До появления петровских «Ведомостей» Московское государство газет не знало. При царском дворе существовал обычай переводить и переписывать сообщения из заграничных газет. Сохранились рукописные известия от 1621 года и позже. В них говорилось о сражениях, взятии городов, о приемах послов, о государственных договорах, о прибытии кораблей с товарами, о стихийных бедствиях, появлениях комет и т. д. Источниками этих сведений служили немецкие, голландские, польские, шведские газеты. Они поступали в Посольский приказ, где дьяки и подьячие выбирали известия, переводили и переписывали их на узкие длинные листы бумаги — «столбцы». Такая рукописная газета называлась «Вестовые письма» или «Куранты», от французского слова courant — текущий.

Кроме газетной информации, в «Куранты» вносились сведения, полученные от русских людей, находившихся за границей по делам личным или государственным. Но таких материалов в «Курантах» очень немного.

Рукописная газета в России готовилась для царя Михаила Федоровича, а затем Алексея Михайловича и была окружена строгой дипломатической тайной. Газета читалась царю вслух, на некоторых рукописях есть отметки об этом, иногда с сообщением, что новости слушали и бояре: «Великому государю чтено в комнате, а бояре слушали в передней», т. е. в приемной перед кабинетом — «комнатой» — царя.

Эти «Куранты» или «Вестовые письма» после учреждения регулярной почты в 1668 году составлялись два, три и

четыре раза в месяц, большей частью в одном экземпляре, реже в двух-трех, предназначенных, кроме царя, для наиболее видных бояр, и после прочтения должны были возвращаться в Посольский приказ или в приказ Тайных дел.

Петр I, лично руководивший внешней политикой России, регулярно знакомился с иностранными газетами и не нуждался в том, чтобы подьячие собирали для него заграничные известия. Ему нужна была печатная газета, способная знакомить определенные круги читателей с линией правительственной политики, с военными действиями, с новостями русской и заграничной жизни. Петр I желал с помощью печатного слова пропагандировать свои военные и хозяйственные начинания, придавать им популярность.

С этой целью 15 декабря 1702 года он подписал указ о печатании «Ведомостей» для «извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях» всех русских людей. Газета должна была «продаваться в мир по надлежащей цене», т. е. поступать в открытую продажу. Государственные учреждения — приказы — обязывались присылать сообщения о своей деятельности в Монастырский приказ, начальнику которого И. А. Мусину-Пушкину было повелено все собранные сведения «без мотчания» (немедленно) отправлять на Печатный двор. 16 декабря этот указ был напечатан, а уже 17 декабря появился в свет первый номер новой газеты «Ведомости», и его следует считать первенцем русской периодики.

Этот номер в печатном виде не сохранился, видимо потому, что носил пробный характер и был оттиснут в очень небольшом числе экземпляров. Он известен по рукописным копиям, но факт его существования от этого не становится менее убедительным. Через десять дней, 27 декабря, вышел следующий номер газеты, имевший особое название «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотенбурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году». Юрнал — это значит «журнал», и текст его содержал описание осады Нотебурга.

Очередной номер газеты, изданный 2 января 1703 года, дошел до нас в печатном виде, как и все дальнейшие номера петровских «Ведомостей».

Первое сообщение этого номера гласило: «На Москве вновь ныне пушек медных, гаубиц и мартиров вылито 400. Те пушки ядром 24, по 18 и по 12 фунтов... А меди ныне на Пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд лежит».

Начальные строки газеты, таким образом, обнародовали сведения, составляющие большую военную тайну — в них названо количество изготовленных артиллерийских орудий и указаны запасы металла, предназначенного для литья медных пушек, гаубиц и мортир. Несомненно, что Петр I, принимавший ближайшее участие в составлении номера, сознавал секретный характер этих сведений и тем не менее решился их огласить. Сделал он это по соображениям политическим, взявшим здесь верх над всеми другими.

В неудачном бою под Нарвой русская армия потеряла свою артиллерию, т. е. утратила огневую силу. Тяжелы оказались и моральные последствия поражения. Необходимо было вдохнуть бодрость в приунывших офицеров и солдат, уверить их в растущей мощи русского оружия, в том, что армия скоро вновь получит артиллерию. На Пушечный двор свозились, как известно, церковные колокола. Эта крайняя мера, затронувшая чувства религиозных людей, нуждалась в публичном оправдании, и оно появилось в газете — колокольная медь пошла на пушки и славно послужит отечеству в боях со шведами. Наконец, ничего плохого не будет в том, если за границей узнают, как быстро восстанавливает Россия свое вооружение и пополняет утраты. Это повысит международный авторитет страны и заставит шведскую армию поостеречься от новых нападений.

По-видимому, примерно так думал Петр, распоряжаясь напечатанием заметки и ставя ее в номер как самую важную новость.

К этой теме «Ведомости» продолжали обращаться и позже, информируя читателей о находках железной и медной руды и подчеркивая значение их разработок для вооружения русской армии. Это было тем существенней, что шведская металлургия славилась издавна. Швеция называлась «железным государством», а русская сталь и медь еще не пользовались известностью. В одном из номеров газеты за 1703 год, например, писалось:

«В прежних ведомостях объявлено о сыскании железа в Сибири, и ныне июля в 17 день привезли к Москве из Сибири, в сорока дву стругах, триста двадцать три пушки великих, двадцать мартиров, 14 гаубиц, из того железа сделанных, да с теми же пушками привезено железа, стали, укладу немалое число, и еще ожидаем другого каравана вскоре, а в Сибири вельми умножается железный завод, а такого доброго железа в свейской земле нет» (1703, 18 июля, № 23).

В номере «Ведомостей» за 2 января 1703 года далее сообщались такие известия:

«Повелением его величества школы умножаются и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штюрманской школе больше 300 человек учится и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек.

Из Персиды пишут: Индийский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут: На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству».

Лаконические и разнообразные сообщения этого номера русской газеты полны глубокого смысла, и подбор их отнюдь не случаен. Развивается русское просвещение, новые школы полны, и молодые люди «добре науку приемлют». Растет город Москва, население увеличивается. Богаты недра российской земли — нефть и медную руду нашли под Казанью, «медь выплавили изрядну», больше, пожалуй, не понадобится переливать на пушки колокола. А из града Шемахи шагает в Астрахань слон — подарок индийского царя. Значит, сильна Россия, уважают ее иностранные государи. Война идет, и тут успехи на стороне русских. Воюет не только регулярная армия.

Сообщалось об удачных партизанских действиях «города Олонца попа Ивана Окулова». Этот лихой поп, «собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Гиппонскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы». «А на тех заставах шведов побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих. А достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожог». Было убито, «по сказке языков», 450 шведов, «а из попова войска только ранено солдат два человека». Вот какие удальцы сражаются против шведских генералов!

Главной темой петровских «Ведомостей» становится тема Северной войны. В каждом номере газеты печатаются заметки о боевых эпизодах, причем с течением времени они принимают все более развернутый характер, приобретают связность и выразительность изложения.

«И по жестоком с обоих стран огне божиею помощию наше войско мост и переправу овладели, и неприятель, узким и трудным путем версты с две бегучи, ушел на гору, откуду наша конница прогнала его в лес, и порубили неприятелей с тысящу человек, в которых многие были вельми знатные офицеры, а больше того раненые от тяжких ран по лесам померли, а наших побито 32 человека, а несколько ранено» (1703, 18 июля, № 23).

Описание Полтавской битвы, напечатанное в № 11 «Ведомостей» за 1709 год, принадлежит Петру I. Строки набросаны наскоро в день победы над шведами 27 июня, и Петр прежде всего торопится отметить «неописанную храбрость наших солдат», позволившую разгромить опасного врага «малою войск наших кровью».

«Сего дня,— пишет Петр,— на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая хотя зело по достоинству держалась, однакож принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю». Шведские полки стали развивать свое наступление, «против которого наши встречу пошли и тако оного встретили, что тотчас с поля сбили и пушек множество взяли». В плен попали первый министр граф Пипер, генералы Рейншильд, Шлиппенбах и несколько тысяч офицеров и рядовых, «о чем подробну вскоре писать будем (а ноне за скоростью невозможно). И единым словом сказать вся неприятельская армия фаетонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ли или со отцы наши обретается)».

Характерно в этом отрывке некоторое освежение официального текста — упоминание о мифологическом Фаэтоне, сыне бога Гелиоса, который не справился с солнечной колесницей и был поражен молнией Зевса, и шутливо-иносказательная фраза о неизвестности относительно судьбы шведского короля — «с нами ли или со отцы наши обретается», т. е. жив ли он или умер.

В № 12 продолжается подробное описание битвы под Полтавой, а после него на нескольких страницах сообщается реестр пленных шведов.

Материалом для военных известий, печатавшихся в «Ведомостях», служили письма и донесения Петру I от его генералов, официальные извещения о результатах боевых действий и победах русской армии. Заграничная жизнь нередко освещалась по донесениям послов, например Шафирова, представлявшего интересы России в Турции, Бестужева — в Прус-

сии, В. Л. Долгорукого — в Дании и т. д. Из присылаемых ими служебных бумаг выбирались наиболее любопытные известия, которые затем излагались в виде связной заметки. Но основным источником зарубежной информации служили газеты, преимущественно немецкие, такие, как «Nordischen Mercurius» и «Hamburger Relation Courier». Их получал в России Посольский приказ через две-три недели после выхода и внимательно просматривали сам царь или его кабинет-секретарь Макаров. То, что бывало отмечено ими как интересное для «Ведомостей», немедленно переводилось на русский язык и отсылалось в набор.

Петр принимал непосредственное участие в выпуске «Ведомостей», когда ему позволяли обстоятельства. Он отбирал материалы к очередным номерам, снабжал газету поступавшими к нему документами, передавал для печати свои письма и редактировал иногда целые номера. Некоторые из сохранившихся корректурных оттисков «Ведомостей» хранят следы правки Петра I и говорят о том, что он заботился о ясности текста. Так, в одной из заметок № 1 за 1714 год первоначально было написано так: «Вчерашнего числа получили мы из Финляндии от господина генерал-лейтенанта князя Голицына ведомость, что когда оный уведомился (о неприятеле, что оный стоял у Васцы), то собрався с некоторою частию людей, а именно в восьми тысячах человеках на оного пошел».

Эту заметку Петр I собственноручно выправил. Вероятно, показалось неясным, кто такие «мы», получившие ведомости от генерала Голицына, форма изложения лишала текст официальной авторитетности. Не была указана численность противника, даже не сказано, кто он, не определено топографическое местоположение и т. д. После правки в текст были введены эти уточнения, появилось заглавие, и заметка приобрела такой вид:

«Реляция о баталии между войск российских под командою генерал-лейтенанта князя Голицына и свейских под командою генерала майора Армфельда в Финляндии близ города Визы у деревни Лапола. Когда вышереченный генерал князь Голицын уведомился о неприятеле, что оный стоял у помянутого места, про которого взятые языки сказывали, что был в 8000, то собрался с некоторою частью кавалерии и инфантерии, а именно в 8000 человеках на оного пошел» [1].

[1] «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2. 1708—1719. М., 1906, стр. 49.

Слово «реляция» — латинское, значит «донесение», «баталия» — французское, в переводе — битва, сражение. В русский язык начала XVIII века вошло много иностранных слов, и они далеко не всем читателям газеты были известны. Заботясь о понятности текста, редакция «Ведомостей» вслед за иностранным термином часто помещала в скобках его русский перевод: «...Хотя неприятель подкопом наших некую часть подорвал, однакож солдатов тем устрашить не мог, потом в другую, старую крепость неприятель вбежал и бил шамад (сдачу), дабы окорд (договор) или хотя бы пардон (милость) получить, но солдаты наши того и слышать не хотели и в тот час и в оную крепость ворвались, а потом и в самый замок, где неприятелю такой трактамент (потчевание) учинили, что и младенцев немного на сей свет пустили» (1704, 22 августа, № 22).

Первым редактором «Ведомостей» был директор Печатного двора в Москве Федор Поликарпов, литературно образованный человек, писавший стихи. Он непосредственно готовил материалы газеты, обрабатывал переводы из иностранной печати, которые поставляли чиновники Посольского приказа, добывал известия из других приказов, следил за расположением материала в номере и вел корректуру. Когда «Ведомости» перекочевали в Петербург, ими стал заниматься директор столичной типографии Михаил Абрамов. В 1719 году Коллегия иностранных дел, которая после гражданских реформ Петра I пришла на смену Посольского приказа, назначила ответственным за «Ведомости» переводчика Бориса Волкова. Видимо, он привлек к сотрудничеству переводчика Якова Синявича, прикомандированного к газете Коллегией иностранных дел в 1720 году. На попечении Синявича находилась хроника придворной жизни и деятельности коллегий, и его можно, пожалуй, считать первым русским репортером.

Петровские «Ведомости» не имели еще устойчивого наименования. Отдельные номера получали разные заглавия: «Ведомости Московского государства», «Ведомости Московские», «Российские ведомости», иногда заглавием становилось определение официального документа, перепечатанного в газете: «Подлинное доношение», «Реляция». Комплект «Ведомостей» за 1704 год был украшен особым титулом, наиболее полно обозначившим содержание и характер газеты: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных стра-

нах. Начаты в лето от Христа 1704 от генваря, а окончены декабрем сего же года».

Тираж газеты колебался от нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров, что зависело от важности и злободневности материалов. Данные, например, за 1708 год показывают, что отдельные номера «Ведомостей» печатались в количестве 150, 200, 400, 700 и даже 1000 экземпляров, а в 1724 году тираж снизился до 30 экземпляров. Известие о Полтавской битве было отпечатано в количестве 2500 экземпляров, и все разошлись, но ряд номеров не находил распространения и оседал на Печатном дворе. Наивысшим тиражом — 4000 экземпляров — вышел номер от 22 марта 1703 года.

Цена газеты по тому времени была немалой — от одной до четырех денег. Деньгой назывались полкопейки. Три деньги в день за свой труд получали наборщики «Ведомостей».

В первые годы издания «Ведомости» набирались церковным шрифтом. Гражданский алфавит впервые появляется в газете 1 февраля 1710 года, но только с 1715 года окончательно вытесняет старый, «библейный».

До 1715 года «Ведомости» печатались в Москве на Печатном дворе. С 11 мая этого года газета начинает выходить, кроме того, и в Петербурге, большей частью повторяя московские издания, но иногда помещая и совсем другие сообщения. Лишь к 1719 году «Ведомости» окончательно переходят в новую столицу, и в Москве выходят лишь отдельные номера газеты.

Периодичность «Ведомостей» была различной. В 1703 и 1704 годах вышло по 39 номеров, в 1705 — 46. С годами новые номера появляются все реже: известно, например, лишь три номера за 1717 год и один за 1718. Номер состоял из разного числа страниц — от 2 до 22, чем определялась и его цена. Формат был установлен в восьмую долю листа (примерно в половину школьной тетради), однако отдельные номера печатались и в формате листа. С № 3 за 1711 год первая полоса (страница) газеты выходит с гравюрой, на которой изображен вид Петербурга с Невой и Петропавловской крепостью и летящий Меркурий с жезлом.

Понадобилось много лет — более четверти века, чтобы первая русская газета приобрела характер устойчивого, регулярного издания, каким стали с 1728 года «Санкт-Петербургские ведомости», но и то лишь по внешнему оформлению. Содержание газеты было ограничено только хроникальным

материалом, краткими извещениями о фактах русской и зарубежной жизни, военными сообщениями. В петровских «Ведомостях» не было объявлений о торгах на поставки, покупках, продажах — они появляются в 1730-х годах.

3

Газетные жанры только зарождались в массе информационных заметок первых русских «Ведомостей», однако их будущие контуры удается кое-где уловить.

В газете, например, было помещено подробное описание праздника дня Петра и Павла в Петербурге (1719, 1 июля, № 2), изложенное на 22 страницах. Первую половину этого отчета занимает пересказ проповеди митрополита Стефана Яворского, восхвалявшего Петра как полководца, создателя флота и государственного деятеля. Этот газетный материал представляет один из ранних образцов публицистики в русской печати. Вторая половина содержит описание самого праздника, и в ней можно увидеть зарождение будущих жанров репортажа, газетного отчета, составленного очевидцем. Автор описывает «гульбу в вертограде царском, иде же все чувства насладилися». Он подробно перечисляет, чем же были поражены чувства участников праздника: «Зрение, видящи неизреченную красоту различных древес, в линию и перспективу расположенных и фонтанами украшенных, тут же и речная устремления, веселящая и град и огород царский. Благоухание от благовонных цветов имуще свою сладость. Слышание от мусикийских и трубных и пушечных гласов... Последи же по западе солнца были преизрядные фейверки, и огня в гору летущего и по водам плавающего было изобильно».

Образцы публицистики эпохи преобразований лежат еще за пределами газеты. Петр I и его ближайшие сотрудники, кроме принудительных мер, настойчиво разъясняют значение реформ, придавая публицистический характер многочисленным официальным и частным документам (указы, реляции, предисловия к книгам и т. д.).

В книге П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр Первый... к начатию войны против короля Карола XII шведского 1700 году имел», изданной в 1717 году,— в частности в ее обширном предисловии,— дан обзор истекших лет царствования Петра и подведены его некоторые итоги. Точка зрения Шафирова не является только его личной; книга

редактировалась Петром, написавшим в ней заключение: недаром она переиздавалась и имела огромный для своего времени тираж — свыше двадцати тысяч экземпляров.

Восторженный панегирик Петру слагается из разбора его успехов на всех поприщах государственной жизни. Петр «не токмо сам показал себя великим вождем, и неустрашаемым и рассудительным воином... но и подданных своих, которые в регулярном воинстве никакого искусства, ни знания не имели, в такое состояние и порядок привел, что ныне между лучших войск в Европе почитаются... И где прежде сего токмо о имени российского народа без всякого известия слышали, тамо ныне оружием его вайи (пальмовые ветви, греч.— *А. З.*) победоносные и венцы победы одержаны... На воде же кто слыхал быти российского государства единому кораблю, ныне же преизрядный флот, равняющийся или еще и превосходящий неприятельский».

Обращаясь к «другим наукам», Шафиров отмечает успехи овладения иностранными языками, в которых искусны «несколько тысячей подданных российского народа... и такого притом убеждения, что нестыдно могут равнятися со всеми другими европейскими народы как в том, так и в других многих поведениях. И вместо того, что кроме церковных книг почитай никаких других в России не печатывано, ныне многие не токмо на чужестранных языках, но и на славенороссийском тщанием и повелением его величества напечатаны, и еще печати предаются, исторические, политические, воинские, гражданские, архитектурные, артиллерийские, о фортификации, о корабельном строении и других хитростях».

Шафиров описывает развитие художеств и рукоделий, «учреждение порядочного купечества», создание коллегий, строительство крепостей, портов, каналов, словом, приводит обширный перечень «чудесных и славных дел», которые были выполнены царем «во время еще не великое его государствования», и приходит к выводу, что Петр I «сочинил из России» «самую метаморфозис, или претворение».

«Метаморфозис» действительно была «сочинена» в России в небывало короткий срок и произвела глубочайшее впечатление на современников. Наиболее дальновидные из них сознавали, что просвещение едва только начало внедряться, что главная работа еще впереди. Своими советами и критикой эти люди, принимавшие целиком дух петровских преобразований, хотели прийти на помощь делу реформы. В этой связи следует прежде всего назвать замечательных публи-

цистов петровской эпохи — И. Т. Посошкова и В. Н. Татищева.

Иван Тихонович Посошков (1652—1726), по происхождению оброчный крестьянин, талантливый и умный мыслитель, обладавший к тому же богатым житейским опытом, в своих сочинениях, оставшихся в его время ненапечатанными и увидевшими свет лишь в XIX веке, выступает горячим поборником просвещения. Он видит пользу наук и художеств, настаивает на их распространении, признавая необходимость использовать иностранный опыт, но еще сохраняет заметную связь с дореформенным мировоззрением, с консервативной идеологией некоторых слоев купечества и крестьянства. Посошков понимает трудности, стоящие перед страной: «Видим мы... как великий наш монарх... трудит себя, да ничего не успеет,— писал он,— потому что пособников по его желанию немного: он на гору аще и сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут; то како дело его споро будет».

В своей «Книге о скудости и богатстве» (1724), поднесенной Петру I с предусмотрительной просьбой не открывать имени автора, Посошков высказывает ряд мыслей о состоянии общественных классов в России и выясняет причины ее внутреннего неустройства. Он возмущается нерадением дворянства о нуждах отечества, требует ограничить эксплуатацию крестьян помещиками, укрепить торговлю русских купцов, ставит задачу развития производительных сил страны, рекомендует Петру несколько практических проектов. Вместе с тем Посошков настроен религиозно; в наставлениях его сыну («Завещание отеческое») мелькают иногда домостроевские черты, многих нововведений он чуждается, опасаясь «люторовой ереси», и в особенности не доверяет он иностранцам, принимая их все же как неизбежное на первых порах зло.

«Немцы никогда нас не поучат на то, чтобы мы бережно жили и ничего напрасно не теряли,— говорит Посошков в «Книге о скудости и богатстве»,— только то выхваляют, от чего б нажиток какой им припал, а не нам». Подобные высказывания не раз встречаются у Посошкова, и появление их связано с сильным чувством национального достоинства и верой в творческие способности русских людей, свойственными в это время не одному Посошкову, но выраженными им наиболее ярко.

Иным складом мышления обладал видный публицист и ученый эпохи преобразований Василий Никитич Татищев

(1686—1750), принадлежавший к славной плеяде просветителей XVIII века. Мировоззрение его носило целиком светский характер и было чуждо схоластики. Строго отграничивая философию от религии, Татищев отводил каждой определенную область и видел цель человеческой жизни в развитии разума.

Придерживаясь позиции естественного права, Татищев считал, что рабство является насилием. Однако, принимая идеи передовой буржуазной мысли, Татищев, подобно многим другим дворянским идеологам, развивал их своеобразно и не пытался осуществить в действительности; он был сторонником абсолютной монархии, твердого единовластия и не считал возможным освобождать крестьян, ссылаясь на конкретные политические условия России. Тем не менее в «Экономических записках» Татищев заявляет себя заботливым и разумным хозяином крепостных, говорит о необходимости обучения крестьянских детей обоего пола, о постройке в деревнях школ, бань, богаделен, об улучшении имущественного и бытового положения крестьян.

Татищев был непосредственным участником петровских реформ и разделял свойственное духу времени увлечение практицизмом, утилитарными знаниями. Развертывая в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733) свою просветительскую программу, Татищев постоянно учитывал практическую пользу науки, подчеркивал важность подготовки работников для государственного аппарата, предлагая открыть училища по всем городам и провинциям.

Сам Татищев неутомимо занимался наукой, и его «История Российская с самых древнейших времен» в пяти книгах, доведенная до царствования Михаила Федоровича, имеет немалую ценность. Этот труд, содержащий сводку летописных данных, явился первым опытом изучения истории России, еще несовершенным в силу недостаточной критики источников, но все же подготовившим почву для дальнейшего развития русской исторической науки в работах Ломоносова, Щербатова, Карамзина.

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» И «ПРИМЕЧАНИЯ» К НИМ

1

После смерти Петра I при его ближайших преемниках начинается реакция на государственные преобразования, делается попытка возврата к «старине», беспощадно изгонявшейся Петром. Но повернуть Россию назад было уже невозможно.

В стране складывались новые экономические отношения, росли производительные силы, расширялась торговля и промышленность, умножались связи с зарубежными странами. Все это вызывало потребность в информации, постоянную необходимость знать, что происходит внутри страны и за ее пределами.

С 1728 года издание «Ведомостей» было поручено Академии наук, и газета получила название «Санкт-Петербургские ведомости». Первым ее редактором-составителем был Г. Ф. Миллер (1705—1783). Он приехал в Россию из Германии в 1725 году, был зачислен студентом Академии наук и одновременно начал преподавать латинский язык, историю и географию в академической гимназии.

Миллер занимался «Ведомостями» с 1728 по 1730 год. Он подбирал материалы для каждого номера, переводил иностранные известия, черпая их из зарубежной прессы, вел корректуру и следил за выпуском газеты.

Первый номер «Ведомостей» за 1728 год был отпечатан на четырех страницах в четвертую долю листа, остальные выходили в таком же формате. На первой странице под заголовком газеты помещался виньет, изображавший двуглавого орла с цепью ордена Андрея Первозванного. Ниже следовала дата издания.

Содержание номера составляли известия из Гамбурга, Лондона, Вены, Берлина, Рима, Парижа и других европейских

городов, а также придворная хроника — сообщения о поздравлениях государя с новым годом, о производстве в чинах и награждениях офицеров и штатских лиц.

«Ведомости» издавались два раза в неделю, по вторникам и пятницам; за 1728 год вышло 105 номеров. Кроме того, газета имела «Суплемент» (дополнение, добавление — лат.) — 12 номеров, в которых печатались разнообразные дополнительные материалы, например парламентская речь английского короля, манифест короля шведского, указы об изъятии гривенников 1726 и 1727 годов, о вывозе товаров в Нарву и Ревель. В течение года было издано в качестве приложений четыре реляции — о въезде Петра II в Москву, о его коронации и о похоронах царевны Анны Петровны (две).

На протяжении всего XVIII века «Санкт-Петербургские ведомости» не изменили своей периодичности — они продолжали выходить дважды в неделю, лишь меняя время от времени дни выхода в связи с изменениями «почтовых дней», когда из Петербурга отправлялась почта по всей Российской империи. Вскоре к иностранным и внутренним известиям прибавились объявления о торгах, подрядах, продажах, о выходе новых книг, театральных спектаклях и т. д. Эти объявления содержат немалый материал для историков русской культуры, так как позволяют уточнить дату издания той или иной книги, журнала, появления новой пьесы.

С «Ведомостями» связан важный этап участия в русской периодической печати Ломоносова. В 1748 году канцелярия Академии наук назначила несколько переводчиков для того, чтобы выбирать известия из иностранных изданий, «а те переводы править и последнюю оных ревизию отправлять и над всем тем, что к тому принадлежит, труд нести г. профессору Ломоносову», указывалось в решении [1].

В особой «Инструкции ведомостной экспедиции» определялся порядок составления «Ведомостей», хранения оригиналов для газеты и т. д. Редакцию обязывали «в писании от всякого умствования и предосудительных экспрессий удерживаться; особливо что к предосуждению России или ее союзников касается в «Ведомости» не вносить». Отпечатанные экземпляры, перед тем как их «пустить в народ», еще раз просматривала канцелярия.

В сущности Ломоносов становится редактором «Ведомостей», ибо из восьми полос каждого номера газеты не менее

[1] См. П. П. Пекарский. История Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 395.

пяти-шести занимали иностранные известия, остальные заполнялись объявлениями. Русские новости — преимущественно придворная хроника — представляли собой две-три заметки, появлявшиеся далеко не в каждом номере.

При всей своей занятости Ломоносов с полной ответственностью отнесся к новому поручению и принялся руководить подбором иностранной информации, внимательно редактируя тексты. Общий хроникальный характер заметок «Ведомостей» от этого не изменился — редактор имел дело с переводами, ничего не сочинял сам, а только отбирал и правил. Известия о войне за Нидерланды, о морских столкновениях между Англией и Испанией, о семейной жизни владетельных особ — королей, герцогов и маркграфов, сведения о землетрясениях, бурях и пожарах постоянно печатаются при Ломоносове, как было и до него. Но нельзя не заметить увеличения числа заметок, касающихся не военных, а гражданских новостей, научных сообщений, сведений об открытиях иностранных ученых. Меняется и манера письма — она делается более ясной, доступной, фразы укорачиваются.

Иностранные известия в «Санкт-Петербургских ведомостях» обычно выглядели так: «Из Лондона от 1 января. Находящиеся здесь от сторон римско-католицких государей министры, против королевской публикации от 17 числа сего месяца, по силе которой ни одному иезуиту или католицкому попу здесь в городе и вкруг на 20 миль от оного быть не позволяется, не токмо изустно представляли нашим штатским секретарям, но и мемориал формою протестации им подали, требуя, чтоб их священники без разбору из оной публикации выключены были, а правительство выключило только тех, которые не природные англичане, но с министрами из других краев сюда пришли» (1746, № 6).

Это значит, что английский король запретил пребывание иезуитов в Лондоне и вокруг него, а послы католических государств выразили свой протест против этой меры. Английское правительство сделало некоторую уступку: иезуитам, находящимся в составе посольств, разрешено было остаться.

Отредактированные Ломоносовым заметки выглядят по-другому:

«Жители Нового Йорка комиссарам купечества и селений представляли, что сделан опыт, как можно легко достать великое множество меди из тамошних рудокопных заводов, о которой из искусства известно, что она добротою и изрядством европейской не уступает. Помещики около Бостона, что

в Новой Англии, приняли намерение пеньку там сеять, что всеконечно умножению купечества в сей провинции способствовать будет» (1749, № 2).

«Король со своею фамилиею за несколько дней назад из Шоази в Версалию назад возвратился. Здесь готовят фейерверк, который для изъявления радости о взятии Мастрихта зажжен быть имеет. Однако народ желает, чтоб фейерверк зажжен был лучше для непрерывного миру, нежели для толь многих завоеваний. От великой дороговизны съестных припасов во всех провинциях его королевства простой народ много терпит и того ради в печали весьма желает миру» (1748, № 43).

Фраза становится более короткой, энергичной, четкой по мысли, удобной для чтения вслух. Можно предположить, что и желание мира, высказываемое народом Франции, вовсе не столь определенно было подчеркнуто в переведенном тексте и приняло такую форму лишь под пером редактора «Иностранных артикулов» Ломоносова. Слова «мир», и «мирный договор» часто встречаются па страницах «Ведомостей» за 1748—1749 годы, и, несомненно, вниманием к себе они обязаны Ломоносову.

Немалый труд, который вкладывал Ломоносов в руководство изданием «Санкт-Петербургских ведомостей», отнимал у него время от научных занятий, и потому в марте 1751 года он просил об увольнении от этой обязанности. Академия наук передала редактирование «Ведомостей» Тауберту.

2

С января по декабрь 1728 года раз в месяц к «Ведомостям» прилагались «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях», по восемь страниц каждый номер. Они были связаны с содержанием газеты, более подробно толкуя различные известия и сообщая дополнительно любопытные материалы.

Так, в первой тетради «Примечаний», отпечатанной 23 февраля 1728 года, шли следующие сообщения: «Папа Римский пожаловал вновь кардиналов; Фецские и Марокские королевские братья имели разные жестокие баталии между собою; герцог Бурбонский принят в Версали от короля и королевы зело милостиво» и т. д. Но уже в майской тетради начинается научно-популярная статья «О камне азбесте и полотне, которое из оного камня делается» — она занимает

также июньский и июльский номера «Примечаний». В августе публикуется статья о часах с висячим маятником. Однако придворные известия преобладают над остальным материалом.

«Примечания» как новый вид печатного органа в России оказались полезным и интересным для читателя изданием, подтверждением чего служит их редкая для периодики XVIII века долговечность: они выходили с 1728 по 1742 год. Редакция не замедлила почти сразу же определить характер и направление издания. Так, в предисловии к первой части «Примечаний», вышедшей 4 января 1729 года, составители сообщают, что они будут не только «новую политическую историю, генеалогию и географию изъяснять, но и о всем прочем, что только в ведомостях приключиться может, на наше мнение объявлять... временем на древние и средние времена обращаться и о тогдашнем состоянии государств, земель и высоких фамилий рассматривать. Таколжде не оставим при данном случае из разных частей натуральной, церковной и ученой истории многое прибавлять».

Эта программа была выполнена. С 1729 года «Примечания» прилагаются к каждому номеру «Ведомостей». Читатель одновременно получает газету и журнал — явление, позже не наблюдавшееся в русской журналистике. Заголовок претерпевает изменения. В 1729—1731 годах он звучит так: «Исторических, генеалогических и географических примечаний в ведомостях часть...» (выпуски получают название частей и римскую нумерацию), а с 1732 года они именуются просто «Примечания на Ведомости». В год выходило 102—105 частей «Примечаний», но нередко номера сдваивались, когда статья имела значительный объем. С 1738 года под статьями ставятся инициалы автора и переводчика: А. И., А. П., А. С., Л. К., Т. А., Т. В. и т. д., где А., например, обозначает Адодурова, Л.— Ломоносова, Т.— Тредиаковского.

Содержание «Примечаний» за тринадцать лет их существования поражает разносторонностью и обширностью тематики. Так, в 1729 году наряду с известием о состоянии инквизиции в Венеции (ч. 15) идет очерк «Борьба воловья в Гишпании и Португалии, или о битве с волами», т. е. о бое быков (ч. 19). Вслед за серией статей об открытии Америки (ч. 29—31) — статья «О Перпетуо Мобиле, непременном или непрестанном движении» (ч. 56). В части 87 помещаются «Стихи или вирши акцизного секретаря Ганкена в Польше», части 95—101 заняты обширной статьей «О полагании руки фран-

Петербург XVIII века.
Рисунок М. И. Махаева

цузского короля на больных или о излечении желез прикосновением», части 88—91 содержат статью «О прибывании большой воды в реке Неве» и т. д. В последующие годы это разнообразие содержания еще увеличилось. Появились большие статьи на естественнонаучные темы, практические рецепты, медицинские рекомендации, описания иллюминаций и многое другое.

В «Примечаниях» было опубликовано несколько статей по вопросам литературы и искусства: «О позорищных играх или комедиях и трагедиях» (1733, ч. 44—46), «Историческое описание оного театрального действия, которое называется опера» акад. Я. Штелина (1738, ч. 17—21, 33—34, 39—49), «О немых комедиантах у древних» акад. Ф. Г. Штрубе де Пирмон (1739, ч. 87); «О бардах или первых стихотворцах у древних немцев» Штелина (1740, ч. 1—2) и др. Разумеется, появление этих первых в русской печати статей, затрагивающих вопросы истории и теории искусства, имело свое положительное значение и было полезно для читателей, однако нельзя не заметить полного равнодушия редакции к русскому искусству, литературе, науке. Немецкие редакторы «Примечаний», как позже «Ежемесячных сочинений», из номера в номер внушали читателям мысль о превосходстве иноземной культуры, о неспособности русских людей к занятиям наукой и искусством, о необходимости все заимствовать и перенимать у Западной Европы. Именно потому присланные Ломоносовым в 1739 году из Германии «Письмо о правилах российского стихотворства» и приложенная к нему «Ода на взятие Хотина» не увидели света в свое время.

Первые шаги Ломоносова в Петербургской Академии наук по возвращении из заграничной командировки связаны с участием в газете. Ломоносов был назначен адъюнктом физических классов в январе 1742 года, а до этого в течение полугода он работал в приложении к газете «Санкт-Петербургские ведомости» — «Примечания на Ведомости» — в качестве автора и переводчика. В 1741 году он печатает в «Примечаниях» три оды — на день рождения Ивана Антоновича (18 августа, ч. 66—69), на победу русских войск над шведами при Вильманстранде (11 сентября, ч. 73—74) и поздравление новой императрице Елизавете Петровне (8 декабря, ч. 98—102).

Кроме того, Ломоносов перевел несколько работ акад. Крафта — «О сохранении здоровья» (ч. 80—83), «Продолжение о твердости разных тел» (ч. 84—88) и др. В общей

сложности десять частей «Примечаний» 1741 года подряд оказались занятыми переводами Ломоносова, и только опубликовав их, редакция перешла к другим темам.

В последний год существования «Примечаний» (1742) Ломоносов поместил там свой перевод статьи акад. Крафта «Продолжение описания разных машин» (ч. 15, 16, 41—46). В статье содержались краткие описания 124 различных машин от простейшего ворота до «самоходной телеги с парусами».

В октябре 1742 года Академия наук прекратила издание «Примечаний», но читательский интерес к ним не охладел. В 1765 году в Москве, вероятно Миллером, был издан сборник в составе 25 заимствованных из «Примечаний» статей, а в 1766 году в Сенатской типографии вышло еще четыре книги, в которых перепечатывались материалы этого издания. Наконец, к своему первому журналу обратилась Академия наук: в 1787 году была напечатана книга «Собрание географических, астрономических и физических примечаний», а в 1791 году эту книгу переиздали с добавлением еще одной части новых извлечений из того же источника.

Таким образом, научные статьи «Примечаний» в течение десятилетий сохраняли свой интерес, что неудивительно при относительно медленном развитии науки XVIII столетия и при ценности статей, которые помещались в «Примечаниях», по их существу и по форме изложения.

«ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ»

После того как в 1742 году были закрыты «Примечания», в течение 12 лет в России выходило только одно периодическое издание — «Санкт-Петербургские ведомости», орган официальный и только информационный. Быстро растущие научные и литературные силы страны должны были иметь возможность печатать свои работы. В Академии наук, кроме Ломоносова, Тредиаковского, Крашенинникова, работало несколько молодых русских ученых, среди которых особенно выделялся талантливый ученик Ломоносова Н. Н. Поповский. Все шире становилось известным имя поэта А. П. Сумарокова, автора песен, стихотворений и трагедий, в стенах Сухопутного шляхетного кадетского корпуса подрастала группа молодежи, не замедлившая занять свои позиции в литературе,— М. М. Херасков и другие.

Все это знал и видел Ломоносов, озабоченный состоянием просвещения в России. В начале 50-х годов у Ломоносова появились возможности для осуществления просветительских планов. Фаворит Елизаветы Петровны И. И. Шувалов, ставший богатым вельможей, выделялся в придворной среде своим пусть поверхностным, но неподдельным интересом к науке и поэзии. Личность Ломоносова произвела на него большое впечатление, и он постарался сблизиться с великим ученым. Ломоносов не замедлил воспользоваться дружбой Шувалова для нужд русской науки и литературы, добиваясь через него осуществления своих проектов и намерений.

Таких проектов всегда было у Ломоносова множество. Известно, что в 1753—1754 годах он внушал Шувалову мысль о создании в Москве университета и что по его инициативе, по его плану это ныне старейшее высшее учебное заведение

в нашей стране было открыто 26 апреля (7 мая) 1755 года.

Ломоносов настоял на необходимости открыть при университете типографию. Он интересовался делами академической типографии и книжной лавки, был недоволен ими и хлопотал о полиграфической базе для университетских изданий. Эту идею через год удалось осуществить: университетская типография была открыта в апреле 1756 г. Первыми книгами, напечатанными в ней, были перевод произведения английского поэта А. Попа «Опыт о человеке», сделанный профессором университета Поповским, а вслед за тем сочинения Ломоносова.

Открытие университета и типографии вызвало появление нового периодического издания — газеты «Московские ведомости», ставшей органом Московского университета. Следовательно, в значительной мере своим существованием эта газета была обязана также Ломоносову.

Выходила газета два раза в неделю на восьми страницах. Редактировал ее профессор А. А. Барсов, в 1766 году его сменил профессор П. Д. Вениаминов. Несмотря на то, что газета содержала в основном иностранные известия, она имела определенный «университетский» отпечаток. В «Московских ведомостях» регулярно публиковались сведения о торжественных актах, новых курсах и лекциях, о диссертациях и т. д. Газета сообщала об успеваемости студентов, печатала списки награжденных за успехи в науках и переводимых с курса на курс. Кроме того, в «Московских ведомостях» помещались объявления о купле-продаже, подрядах, новых книгах, велась придворная хроника.

Исследователи отмечают самостоятельность редакции «Московских ведомостей»: она составляла иностранные сообщения непосредственно по материалам заграничных газет, а не перепечатывала их из «Санкт-Петербургских ведомостей». В ряде случаев редакция не ограничивалась простой информацией о фактах и старалась дать им оценку, выразить свое отношение к ним. Просветительский смысл выступлений газеты становился очевидным, и ее официальность не следует преувеличивать.

Одновременно с хлопотами об открытии университета Ломоносов задумывает издание научного журнала и убеждает в необходимости этого И. И. Шувалова.

«Примечания к Ведомостям» продолжали интересовать читателей, их комплекты целиком разошлись из академиче-

ской типографии. В ответ на просьбу Шувалова достать ему экземпляр «Примечаний» Ломоносов в письме 3 января 1754 года сообщил, что не может этого сделать, «затем, что их помалу было печатано и не по мере Российского государства, а особливо ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их редкости». В связи с этим Ломоносов ставит перед Шуваловым вопрос о создании нового академического журнала, который следует выпускать «повсямесячно или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две материи содержались в книжке, и в меньшем формате» [1]. Так были установлены тип, размер и периодичность журнала Академии наук. Все же прошел почти год, прежде чем инициатива Ломоносова осуществилась.

Первоначально журнал предполагали назвать «Санкт-Петербургские академические примечания». Однако когда Ломоносов ознакомился с корректурой первого номера, он заявил протест. Миллер, сообщавший об этом в академическую канцелярию, писал: «А особливо о титуле сказал он (Ломоносов.— *А. З.*), что хотя бы назвать книгу санкт-петербургскими штанами, то сие таково же прилично будет, как имя «Примечаний», потому что и стихи вноситься будут, а стихи де не примечания» [2]. Название было изменено, и новый журнал стал выходить с титулом «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Первый номер увидел свет в январе 1755 года. Редактором «Ежемесячных сочинений» был назначен Г. Ф. Миллер.

После двухлетних трудов по редактированию «Санкт-Петербургских ведомостей», в 1730 году Миллер получил звание профессора и выехал на три года за границу. По возвращении в Россию Миллер принял участие в Камчатской экспедиции вместе с академиком Гмелином. Он провел в Сибири свыше десяти лет, изъездил огромные пространства, ознакомился со многими городами и районами края, собрал ценнейшие архивные материалы и древние акты в местных канцеляриях, отыскал сибирские летописи. Многочисленные труды Миллера, которые он печатал в повременных изданиях, широко освещали историю и географию Сибири, а собранные им документы оказались чрезвычайно ценными для позднейших исследователей и сохраняют до наших дней свое значение.

---

[1] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 498.

[2] П. П. Пекарский. История Академии наук в Петербурге, т. II, стр. 562.

Миллер деятельно принялся за организацию выпуска журнала, заказывал, читал и редактировал статьи, привлекал авторов, вел с ними переписку. На страницах «Ежемесячных сочинений» выступали видные русские писатели — А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, М. М. Херасков, И. П. Елагин и другие. Большое участие в журнале принимали известный краевед и экономист П. И. Рычков, напечатавший ряд научных работ («Переписка между двумя приятелями о коммерции», «История Оренбургская» и др.), а также Ф. И. Соймонов. Свыше двух десятков статей опубликовал Миллер, в том числе такие значительные, как «О торгах сибирских» (шесть номеров в 1755 и 1756 годах), «История о странах, при реке Амуре лежащих» (июль — октябрь 1757 года), «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных» (12 номеров 1758 года), «Опыт новейшей истории о России» (январь — март 1761 года) и другие.

В журнале печатали переводы и статьи сотрудники Академии наук И. Голубцов, В. Лебедев — старые товарищи Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии; позднее — студенты университета Академии наук и ее штатные переводчики Н. Поповский, А. Дубровский, А. Разумов. С. Порошин, С. Волков; помещали свои работы академики И. Браун, И. Фишер, Ф. Эпинус, Я. Штелин, И. Кельрейтер и другие.

Тираж «Ежемесячных сочинений» по распоряжению президента Академии наук графа К. Г. Разумовского был установлен в 2000 экземпляров, подписка на год стоила два рубля. Из этого тиража расходилось по подписке и путем розничной продажи не более 700 экземпляров. С 1758 года академическая канцелярия уменьшила тираж «Ежемесячных сочинений» до 1250 экземпляров. Одновременно было изменено и название журнала на «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». В 1763 году название вновь подверглось переделке, и до конца своего существования журнал именовался «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

На титульном листе под заглавием печатался виньет, изображавший часть земного шара с расположением России, двуглавого орла с вензелем Елизаветы Петровны и солнце, в лучах которого красовалась надпись «Для всех».

В предуведомлении к первой книжке редакция сообщала, что в журнале будут помещаться не только чисто научные сочинения, но и такие, которые имеют практический, при-

кладной характер и полезны обществу в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в мануфактурах, механических рукоделиях, архитектуре и т. д. При этом все помещаемое в журнале будет изложено таким образом, «чтоб всякий, какого бы кто звания или понятия ни был, мог разуметь предлагаемые материи».

Особо подчеркивала редакция свое стремление «сохранить благопристойность» и не допускать никаких перебранок и личных выпадов. Сделать это было трудно: некоторые авторы обнаруживали крайнюю нетерпимость и желали во что бы то ни стало «неблагопристойно» аттестовать своих оппонентов. Сам редактор Миллер жестоко враждовал с Ломоносовым и отказывался печатать стихи и статьи Тредиаковского.

Первые же номера нового журнала, находившегося в распоряжении Миллера, показали, что в журнале не найдется места Ломоносову. Неслыханный факт — единственный журнал Академии наук сумел промолчать об открытии нового очага науки и просвещения — Московского университета, в чем нельзя не видеть неприязни редакции к его великому основателю. Лишь несколько месяцев спустя название нового учебного заведения появилось на страницах журнала, и произошло это опять-таки вследствие вмешательства Ломоносова.

В день открытия Московского университета, 26 апреля 1755 года, Н. Н. Поповский, назначенный ректором университетской гимназии, начал чтение лекций по философии вступительной речью. Неверно думать, будто излагать философию можно только на латинском языке, утверждал Поповский. Русский язык вполне пригоден для изъяснения философии. «Что же касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою б по росийски изъяснить было невозможно. Что же до особливых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться». И он с большим успехом прочел свой курс на русском языке. Речь Поповского была выправлена рукою Ломоносова и по его настоянию напечатана в «Ежемесячных сочинениях» (1755, август).

Сам Ломоносов опубликовал в журнале только два своих стихотворения, появившихся в заключительной, девятой книжке 1764 года. Он не хотел и не мог работать с полновластным распорядителем издания Миллером, своим идейным противником. Еще в 1749 году Ломоносов выступил с критикой речи Миллера «Происхождение народа и имени рос-

сийского», резко возразив против «норманской теории» происхождения русского государства, которую развивал Миллер. Общее направление журнала, обилие переводных статей и исторических диссертаций самого редактора, преклонение перед заграничной наукой были чужды Ломоносову.

В литературном отделе до 1759 года ведущая роль была предоставлена Миллером Сумарокову, и Ломоносов не стремился там печататься. Только изредка позволял себе Ломоносов вмешиваться в ведение Миллером журнала, и это происходило в тех случаях, когда он видел опасность унижения русского национального достоинства и бывал оскорблен в своих патриотических чувствах. Так, в 1757 году Миллер непременно хотел напечатать в «Ежемесячных сочинениях» статью некоего Г. Полетики о просвещении в России. Прочитав в рукописи эту статью, Ломоносов увидел, что она изобиловала крупными пробелами, искажала историческую перспективу, и после многих хлопот добился ее снятия. В 1761 году Ломоносов указал на ошибку, допущенную редакцией «Ежемесячных сочинений» в связи с вопросом о пограничной деревне Андреево, которую автор одной из статей назвал персидским в прошлом владением.

Статьи по истории появлялись в «Ежемесячных сочинениях» наиболее часто, причем большинство из них занимало по несколько номеров. Видное место отводилось также географическим материалам. В течение 1762 года из номера в номер печаталась «Топография Оренбургской губернии» П. И. Рычкова, в 1763 году — «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний» Ф. И. Соймонова (январь — ноябрь).

Значительное внимание редакция «Ежемесячных сочинений» уделяла вопросам экономики и торговли, помещая на эти темы многочисленные оригинальные и переводные статьи. Авторы, в основном, стояли на позициях меркантилизма. Однако не все придерживались меркантилистских взглядов. П. И. Рычков, например, в своих статьях приближался к мысли, что основным источником народного богатства является производство.

В «Ежемесячных сочинениях» появлялись и статьи о литературе и искусстве. Наиболее важные из них были опубликованы в 1755 году: «О качествах стихотворца рассуждение», «Рассуждение о начале стихотворства» (обе анонимные) и «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (с инициалами В. Тредиаковского).

Первая статья развивала мысль о том, что литература должна воспитывать читателей, быть серьезной и поучающей. Стихотворство в ней изображалось, в соответствии с установками поэтики классицизма, сложной наукой, пройти которую писателю совершенно необходимо. Статья имела в виду дворянских поэтов, может быть и Сумарокова, которые, по мнению автора, «без науки и в худых рифмах» пишут салонные стихи, не имеющие гражданского значения, но воображают себя «добрыми писателями». Она заканчивалась цитатой из Цицерона, выразительно подводящей итог всему рассуждению: «В безделицах я стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки» [1].

В 1763 году редакция постаралась расширить журнал: к каждому номеру «Ежемесячных сочинений» прилагался отдел «Известия о ученых делах», где сообщались сведения о докладах в Академии наук, ее изданиях, о защите диссертаций и пр. Разноообразной была зарубежная научная хроника — печатались сообщения из Парижа, Лондона, Женевы, Бреславля и других городов.

Первый журнал Академии наук, немало содействовавший сплочению литературных сил России, в последние годы снизил содержательность своих материалов: возникли журналы, издаваемые частными лицами, и в них стали сотрудничать многие авторы. Наступал новый период в истории русской периодики. В 1765 году «Ежемесячные сочинения» были закрыты.

---

[1] П. Н. Берков признает статью «О качествах стихотворца рассуждение» принадлежащей Ломоносову («Ломоносов и литературная полемика его времени». М.— Л., 1936, стр. 156—170) Г. С. Васецкий включил эту статью в «Избранные философские произведения» Ломоносова, ничем не аргументируя ее принадлежность этому автору. Однако подробное рассмотрение вопроса в докторской диссертации Л. Б. Модзалевского «Литературные отношения Ломоносова в Академии наук» (Л., 1947) убеждает в ошибочности такой точки зрения и заставляет считать автором статьи Г. Н. Теплова.

ЛОМОНОСОВ И НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

1

Академия наук в Петербурге вскоре после основания развертывает издательскую деятельность. В 1727 году на латинском языке стали выходить «Комментарии», в которых печатались целиком и в извлечениях работы петербургских академиков. Одновременно в 1728 году на русском языке было выпущено «Краткое описание комментариев Академии наук на 1726 год, часть первая». Выпуск делился на четыре «класса», посвященных математике, физике, истории и астрономии. Некоторые работы были напечатаны полностью, большинство же — в «повести», в «повествовании», т. е. в сокращенном пересказе. Это было первое научное издание в России.

В обширном предисловии, разъяснявшем задачи «Краткого описания комментариев», были отмечены трудности изложения и перевода: «Не сетуй же на перевод,—говорилось там,— якобы оный был невразумителен или не весьма красен, ведати бо подобает, что весьма трудно есть вещь добре переводити, ибо не точию оба оные языки, с которого и на который переводится, совершенно знать надлежит, но и самыя переводимыя вещи ясное разумение».

Труды членов академии и ее корреспондентов Бернулли, Бильфингера, Вольфа, Делиля и ряда других переводили академические переводчики, в том числе Адодуров, Ильинский, Коровин.

Издание «Краткого описания комментариев» прекратилось, однако, на первой части. Конец 20-х годов XVIII века, когда Кантемир писал в своей сатире «На хулящих учения»:

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита,
Знаться с нею не хотят, бегут ее дружбы
Как страдавши на море корабельной службы,—

был временем, неблагоприятным для развития науки.

Новая попытка наладить публикацию академических трудов на русском языке была предпринята лишь два десятилетия спустя, и в ее осуществлении принял участие Ломоносов. Немецкие академики, тесно связанные с западноевропейской прессой, не торопились печатать свои работы в России. В Петербурге с 1728 года выходили «Комментарии» Академии наук на латинском языке, с 1750 года — «Новые комментарии». Однако русские читатели по-прежнему оказывались в неведении относительно трудов Академии наук, ибо ученые сочинения на латинском языке были им трудно доступны.

Это не могло не волновать Ломоносова, который стремился как можно шире распространять научные знания; именно он должен был поставить вопрос о публикации научных трудов в понятном русским читателям изложении, об этом говорят его более поздние проекты. Вот почему вполне естественно выпуск нового издания Академии наук на русском языке — «Содержание ученых рассуждений» — связывается с именем Ломоносова.

В этом издании, выходившем с 1748 по 1754 год в четырех томах, печаталось на русском языке сокращенное изложение академических диссертаций, целиком публиковавшихся в латинском издании «Новых комментариев». Было принято решение печатать только работы естественнонаучного характера, «а касающиеся до истории и критики... оставлены». Сборник издается «особливо для российского народа, чтобы оному во удовольствие яснее понять можно было, в чем именно авторы сих рассуждений о приращении наук полагали старание».

Ломоносов напечатал в первом томе «Рассуждений» свои статьи «О причине теплоты и стужи», «О упругости воздуха», «О химических растворах вообще» и ряд других. Участвовал он и во втором томе издания.

Тем временем издаваемые на латинском языке «Новые комментарии» Петербургской Академии наук становились широко известны за границей. Книжки их за 1750 год вызвали несколько рецензий в повременных изданиях. Неблагоприятной оценке были подвергнуты только работы Ломо-

носова. В 1752 году лейпцигский научный журнал напечатал критическую статью о трудах Ломоносова, а в 1754 году в «Гамбургском корреспонденте» появилась статья о диссертации некоего Арнольда, якобы опровергавшей теорию теплоты, созданную Ломоносовым.

Эти выступления начинали принимать систематический характер. Открытия Ломоносова создавали эпоху в каждой области науки, к которой он обращался, и опережали свое время порой на много десятков лет. Ломоносовская теория теплоты, которая казалась немецкому диссертанту Арнольду неверной, легла в основу современных научных представлений об этом явлении. В работах, посвященных упругой силе воздуха, также вызвавших неодобрительные отзывы заграничных журналистов, Ломоносов вновь надолго опередил европейскую науку XVIII столетия, создав кинетическую теорию газового состояния. То же можно сказать и о многих других открытиях и теориях Ломоносова.

Ломоносов решил отвечать своим зарубежным противникам. Он составил свое возражение и переслал его знаменитому математику Эйлеру, который знал эти диссертации Ломоносова и одобрял их. Эйлер сообщил, что ответ Ломоносова он передал для публикации в один из французских журналов. Вскоре статья увидела свет во французском (с латинсого языка) переводе в амстердамском журнале «Nouvelle Bibliothèque germanique ou histoire littéraire de l'Allemange, de Suisse et des Payes du Nord» (1755, т. 6, ч. II). По желанию Ломоносова его подписи не было.

Статья-ответ Ломоносова заграничным рецензентам имеет заглавие: «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» [1]. Речь, следовательно, идет о статьях на научные темы, могущих иметь дискуссионный характер, излагающих мысли, не получившие еще широкого распространения, общей поддержки.

«Всем известно,— пишет Ломоносов,— сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было

---

[1] Латинский текст статьи «Рассуждение об обязанностях журналистов...» не сохранился. Французский текст и русский перевод см.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 3. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 202—232. В дальнейшем ссылки на страницы этого издания помещаются в тексте.

бы не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и оружие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины» (стр. 217). Свободным высказыванием научных суждений Ломоносов в высшей степени дорожит, и недобросовестные журналисты представляются ему помехой, которая может задерживать развитие науки, препятствовать плодотворному обмену мнениями.

В своей статье Ломоносов расматривает одну из сторон деятельности журналистов, которую он считал наиболее ответственной и важной — участие их в распространении научных знаний, в оценке работы ученых. Академики, еще до того как их работы будут опубликованы, обсуждают научные открытия в своем кругу, «не позволяя примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательства, а старое за новое». В свою очередь, журналы обязаны «давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоят в том, чтобы быстрее распространить в республике наук сведения о книгах» (стр. 218).

Ломоносов считает вполне допустимыми суждения журналистов об излагаемых ими предметах, но предупреждает о необходимой осторожности и справедливости при вынесении оценок. «Силы и добрая воля — вот что от них требуется. Силы — чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля — для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти» (стр. 218).

Этих важнейших качеств Ломоносов не находит в европейской журналистике. Авторы публикуемых статей и отчетов слишком часто судят неверно, руководствуясь личными и групповыми соображениями, гонясь за денежной подачкой, расхваливая дурные сочинения и порицая удачные. «Поэтому здравомыслящие читатели охотно пользуются теми из журналов, которые признаны лучшими, и оставляют без внимания все жалкие компиляции, в которых только списывается и часто коверкается то, что уже сказано другими, или такие, вся заслуга которых в том, чтобы неумеренно и без всякой сдержки изливать желчь и яд. Ученый, проницатель-

М. В. Ломоносов.

С гравюры Э. Фессара, переделанной по указанию Ломоносова Х. Вортманом

ный, справедливый и скромный журналист стал чем-то вроде феникса»,— с горечью замечает Ломоносов (стр. 219).

На многих примерах недобросовестного и поверхностного изложения в лейпцигском журнале его работ Ломоносов показывает, какую опасность для науки может представить «невежественный или несправедливый критик». Ученый защищает право исследователя выводить общие законы на основании опытов, что грубо и бездоказательно отвергается рецензентом. «В начале объявляется о замысле журналиста; оно грозное, молния уже образуется в туче и готова сверкнуть. „Господин Ломоносов,— так сказано,— хочет дойти до чего-то большего, чем простые опыты“» (стр. 280). Да, опыты нужны для постижения закономерностей природы, и неужели, иронически спрашивает Ломоносов, «химик осужден на то, чтобы вечно держать в одной руке щипцы, а в другой тигель и ни на одно мгновение не отходить от углей и пепла»?

Диссертация «Размышления о причине теплоты и холода», не оцененная заграничным рецензентом, была особенно дорога Ломоносову, и он знал ей цену. Первый вариант диссертации Ломоносов представил в Академию наук в 1744 году, к разработке темы приступил двумя-тремя годами ранее. С полным основанием он придавал этой своей работе большое значение. «Размышления о причине теплоты и холода» являются одной из самых выдающихся работ Ломоносова по физике, содержащей последовательно развитую молекулярно-кинетическую теорию теплоты, которую он выдвигал взамен метафизической теории «теплорода». Открытие Ломоносова более чем на сто лет опередило развитие современной ему физики.

Внимательно и с редкой для него терпеливостью Ломоносов на ряде примеров разъясняет ошибки рецензента, доказывает справедливость своих воззрений на «вращательное движение частиц» как причину возникновения теплоты. Оговариваясь, что он «отнюдь не намерен давать уроки физики судье», Ломоносов тем не менее дает их, пересыпая рассуждения язвительными фразами.

В заключение статьи Ломоносов излагает требования, которым, по его словам, должен удовлетворять журналист, пишущий на научные темы. Берясь за этот тяжелый и ответственный труд, он обязан прежде всего «уметь схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми». Ломоно-

сов требует от журналиста беспристрастной оценки работ, непредубежденной критики. Автор может противоречить общепринятым точкам зрения, но нельзя принуждать его рабски подчиняться господствующим взглядам, а в случае отказа — поносить в печати.

«Естественные законы справедливости и благопристойности» должны соблюдаться критиком при разборе каждого сочинения, написанного отдельным лицом или выходящего от имени ученого общества. «Однако надо согласиться с тем, что осторожность следует удвоить, когда дело идет о сочинениях, уже отмеченных печатью одобрения, внушающего почтение, сочинениях, просмотренных и признанных достойными опубликования людьми, соединенные познания которых естественно должны превосходить познания журналиста» (стр. 231).

Особым пунктом выдвигается мысль о том, что журналист не должен спешить с осуждением гипотез. «Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе». Ломоносов требует от журналиста уменья мыслить и честного отношения к своим обязанностям. Постыдно красть чужие идеи и выдавать их за собственные открытия, нужно до конца, внимательно ознакомиться со взглядами автора, и если возражать ему, то по существу, с убедительной аргументацией. «Простые сомнения или произвольно поставленные вопросы не дают такого права; ибо нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем их может разрешить самый знающий человек». Наконец, Ломоносов призывает журналистов к скромности в оценке собственных суждений по научным проблемам.

В своей статье Ломоносов борется за право ученых высказывать выработанные ими взгляды, не боясь нападок со стороны невежественных рецензентов. Он стремится обеспечить свободную борьбу мнений в науке, широкую публикацию новых сочинений и возлагает на плечи журналистов обязанность рассказывать об этих работах читательской аудитории. Журналист должен быть первым распространителем знаний, науки, просвещения — думал Ломоносов. Вот зачем ему необходимы эрудиция, уменье оценивать прочитанное, но больше всего — добросовестное отношение к делу.

Неудовлетворенный состоянием журнала «Ежемесячные сочинения», Ломоносов выступил с новым проектом академического журнала. 1 мая 1758 года он предложил канцелярии Академии наук еженедельно публиковать сообщения «о делах ученых людей» как русских, так и иностранных. Называться новый орган печати должен был «Санкт-Петербургские ведомости о делах ученых людей». Ломоносов предполагал, что на страницах журнала профессора Академии наук будут излагать содержание написанных ими книг и диссертаций, делая общим достоянием научные открытия.

«Ученые ведомости» должны следить за новинками иностранной литературы, за новостями научной жизни в соседних государствах, «притом выкинув все неприличности и убегая насмешек и ругательств». Ломоносов рекомендовал, не дожидаясь получения вновь вышедшей заграничной книги, брать известия о ней из газет, «чтобы книга ранее учинилась в России известна».

Заботясь о приоритете русской науки, Ломоносов предложил печатать в «Ученых ведомостях» сообщения о работах Академии наук и докладах ее членов, не дожидаясь их опубликования в томах «Комментариев» — издании громоздком и редко выходящем в свет. Иначе, пишет Ломоносов, «легко случиться может, что прежде, нежели „Комментарии“ из печати выйдут, в другом месте здешнего академика изобретение изданием предускорено будет к его неудовольствию» [1].

Это «неудовольствие» слишком хорошо было знакомо Ломоносову. Его собственные работы, известия о которых академические недруги Ломоносова пересылали за границу, толковались там вкривь и вкось и порой появлялись под чужим именем.

Однако идея Ломоносова, способная принести огромную пользу отечественной науке, не получила поддержки. Академики-иностранцы не были заинтересованы в научном журнале. Пропаганда достижений науки в России их не касалась.

Убедившись, что его проект не будет осуществлен, Ломоносов вскоре выступил с новым предложением.

«По примеру других государств,— писал он в Академию наук 15 июля 1759 года,— весьма полезно быть, рассуждаю, чтобы учредить при Академии наук печатание внутренних

---

[1] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 32.

«Российских ведомостей», которые бы в государственной экономии и приватных людей, а особенно в купечестве приносили пользу отечеству сообщением знания о внутреннем состоянии государства, в чем где избыток или недостаток; например, плодородия хлебов или недороду, о вывозе и привозах товару или припасов, и о многих других вещах, надобных как для известия во всех в государстве присутственных местах, так и для знания приватным людям, торгами и промыслами пропитание себе имеющим».

Далее шли требования Ломоносова к новому изданию: «1) Чтобы сии ведомости печатать на одном российском языке;

2) К оным бы припечатывать все, что к обыкновенным ведомостям припечатывается для известия;

3) Вместо того припечатывать к политическим ведомостям сокращения новых книг и прочего;

4) Начало положить с нового 1760 года;

5) Представить доношением Правительствующему Сенату о присылке из губерний и городов потребных к тому известий, которым сделать в Академии проект...» [1].

В новом плане Ломоносова выражено стремление, используя печать, объединить различные области русского государства, облегчить торгово-промышленные связи в стране, помочь развитию внутреннего рынка. Не надеясь особенно на частную инициативу, Ломоносов предлагает возложить на администрацию городов и губерний обязанность доставлять «Ведомостям» необходимый материал.

Обращает внимание первый пункт проекта о печатании «Ведомостей» только на русском языке. Это должно быть издание, полезное для России, а не для предприимчивых чужеземцев, которые желали бы извлечь свою пользу из информации «Ведомостей».

Как всегда, предложения Ломоносова опираются на твердую почву практики. «Внутренние российские ведомости» находятся в непосредственной связи с проектом Ломоносова «Мнение о учреждении государственной коллегии (сельского) земского домостроительства» [2]. Ломоносов предлагал создать учреждение, ведающее вопросами сельского хозяйства и обеспечивающее сбор и широкое распространение информации. Труды коллегии подлежали публикации, предполагалось на-

---

[1] Там же, стр. 78.
[2] Там же, т. 6, 1952, стр. 409—413.

личие своей типографии и особого секретаря по издательским делам. К работе коллегии Ломоносов требовал привлекать людей из всех местностей России, всех, способных помочь знанием местных условий развитию государственной экономики.

В провинциях нужно было назначить членов-корреспондентов, которые стали бы сообщать «новые в коллегию в натуре приключения», «известия и ведомости о погодах и о урожаях, и недородах, и пересухах». К этому пункту Ломоносов сделал примечание: «смотри о экономических ведомостях». Проект новой газеты, таким образом, предусматривал создание корреспондентского актива, привлечение местных сил.

Ломоносов считал, что «коллегия сельского домостроительства всех нужнее». Однако в феодальной России невозможно было решить столь величественную задачу. Проект Ломоносова вновь остался только проектом. Предложение об издании «Внутренних российских ведомостей» постигла та же участь. Дело было передано в Сенат и погибло там навсегда. В справке академической канцелярии, составленной в апреле 1762 года, сказано по этому поводу: «До кого оного проекта сочинение надлежит, в резолюции не изъяснено, и дальнего ничего не происходило» [1].

Не дожидаясь ответа на это свое представление, Ломоносов в феврале 1761 года вновь написал в канцелярию Академии наук о своих соображениях по поводу издававшихся ею «Комментариев». Он настойчиво добивался публикации трудов Академии, руководствуясь интересами науки, охраняя приоритет русских исследователей. «Новые изобретения остаются без объявления в свете,— писал Ломоносов,— и нередко в других Академиях те же выходят прежде здешних».

Ломоносов предлагал издавать работы Академии по частям на каждую треть года, «а по прошествии года, сочинив общее предисловие и титул, собрать в один том». Ученые должны составлять рефераты о своих работах, ибо автор «свое сочинение лучше, нежели кто другой, разумеет», все диссертации печатать на русском языке.

С помощью печати Ломоносов стремился приблизить деятельность Академии наук к нуждам России, направить ход научной мысли на решение насущных вопросов хозяйственной жизни страны. Знакомство с новыми открытиями давало

---

[1] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 620.

бы пищу уму пытливых читателей, содействовало распространению знаний и прогрессу науки.

Для перевода диссертаций с латинского и немецкого на русский язык он предлагает назначить студентов — и они будут привыкать к переводам и сочинениям диссертаций «с профессорских примеров». Несомненно, что такие работы помогли бы подготовке молодых ученых. Однако и на это представление Ломоносова «резолюции не последовало».

Незадолго до смерти Ломоносов, обсуждая с другими академиками вопрос о продолжении издания «Ежемесячных сочинений», 28 января 1765 года предложил вместо этого журнала «печатать каждые три месяца журнал на русском языке, посвященный вопросам экономики и физики» [1]. Он упорно боролся за создание научной прессы в России.

Многочисленным проектам Ломоносова в области журналистики не суждено было претвориться в жизнь. В них он опережал свое время, выдвигая перед русской периодикой такие задачи, которые в ту пору были для нее невыполнимы. Но заслуживает великого уважения постоянный интерес Ломоносова к журналистике, его стремление принять в ней активное участие.

Творчество Ломоносова было предметом споров, разоблачение церковников в «Гимне бороде» породило довольно большую полемическую литературу. Ломоносов не оставлял без ответа нападки своих врагов и ожесточенно возражал им в эпиграммах и письмах. Однако на страницы «Ежемесячных сочинений» полемика эта не проникала прежде всего потому, что редакция журнала поставила своей целью избегать «явных споров для сохранения благопристойности и для отвращения всяких противных следствий» и отказывалась печатать что-либо «с обидою написанное против кого бы то ни было». Таким образом, прямой полемики в «Ежемесячных сочинениях» не найти, как нет в журнале и выступлений самого Ломоносова.

Наиболее важные соображения о государственном устройстве, о нуждах России Ломоносов просто не мог освещать в печати. Показательна в этом смысле история его работы «О сохранении и размножении Российского народа». Написанная на очень острую и важную тему, статья эта была из-

---

[1] П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750—1765. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 107, со ссылкой на «Протоколы заседаний конференции Академии наук» (т. II, стр. 532).

ложена Ломоносовым в форме письма к И. И. Шувалову 1 ноября 1761 года. Не рассчитывая на возможности печати, Ломоносов предпочел обратиться к Шувалову, близкому к царице человеку, который мог помочь реализации его предложений. Наличие в статье резких выпадов против духовенства делало ее непригодной для помещения в подцензурной печати.

Статья «О сохранении и размножении Российского народа» представляла собой первую главу большого труда, задуманного, но не выполненного Ломоносовым. Следом за ней должны были идти главы: «О истреблении праздности», «О исправлении нравов и о большем народа просвещении», «О исправлении земледелия» и другие — всего восемь глав. Мысли Ломоносова, «простирающиеся к приращению общей пользы», глубоко оригинальны и смелы, проникнуты верным пониманием обстановки в России и осознанием ее потребностей [1].

Написанная превосходным, чистым языком необычайно логично и выразительно, статья содержит много наблюдений над бытом русских людей. Она характерна отрицательным отношением к религиозным обрядам и к духовенству и выдвигает ряд практических предложений о том, как уменьшить смертность в России. Много лет статья оставалась забытой. Только в 1819 году она была опубликована с пропуском наиболее резких мест в «Журнале древней и новой словесности» (ч. V, март, № 6) и тогда же вышла отдельным изданием. Появление этой работы Ломоносова вызвало негодование министра духовных дел и народного просвещения, так как она была признана распространяющей «мысли предосудительные, несправедливые, противные православной церкви и оскорбляющие честь нашего духовенства». Цензор понес служебное взыскание, хотя и оправдывался тем, что статья представляет собой «одну из любопытнейших страниц в похвальном слове Ломоносову».

Славное имя Ломоносова прочно утвердилось в истории русской журналистики. Великий ученый и патриот, поэт-гражданин, он был верным сыном своей Родины и стремился служить ей всеми способами, в том числе и словом журналиста.

---

[1] См. М. В. Птуха. М. В. Ломоносов как статистик и экономист.— «Ломоносов». Сборник статей и материалов, т. II. М.— Л., 1956, стр. 182—215.

«ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА» И «ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯ...»

1

Большим событием в истории русской периодической печати было возникновение первых частных изданий. В течение более чем полувека правительство непосредственно и через Академию наук держало свою монополию на печатное слово, и только в конце 1750-х годов в России появляются в качестве издателей частные лица.

В конце января 1759 года в Петербурге вышел первый номер ежемесячного журнала «Трудолюбивая пчела», издателем которого был Александр Петрович Сумароков (1717—1777), известный писатель, автор многих трагедий и комедий, десятков стихотворений и песен. Решив издавать «Трудолюбивую пчелу», он отказался от участия в «Ежемесячных сочинениях».

Сумароков обратился в канцелярию Академии наук за разрешением печатать каждый номер в количестве 1200 экземпляров и соглашался на цензурные условия Академии, однако с характерной оговоркой. «Что же касается до рассмотрения изданий,— писал он,— нет ли чего в оных противного, сие могут просматривать, ежели благоволено будет, те люди, которые просматривают академические журнальные издания, моих изданий слогу не касаяся» [1]. «Своим слогом» Сумароков дорожил и не мог доверить никому его исправление.

В «Трудолюбивой пчеле», кроме самого редактора-издателя, принимали участие А. Аблесимов, С. Глебов, И. Дмит-

---

[1] А. Н. Неустроев. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1875, стр. 78.

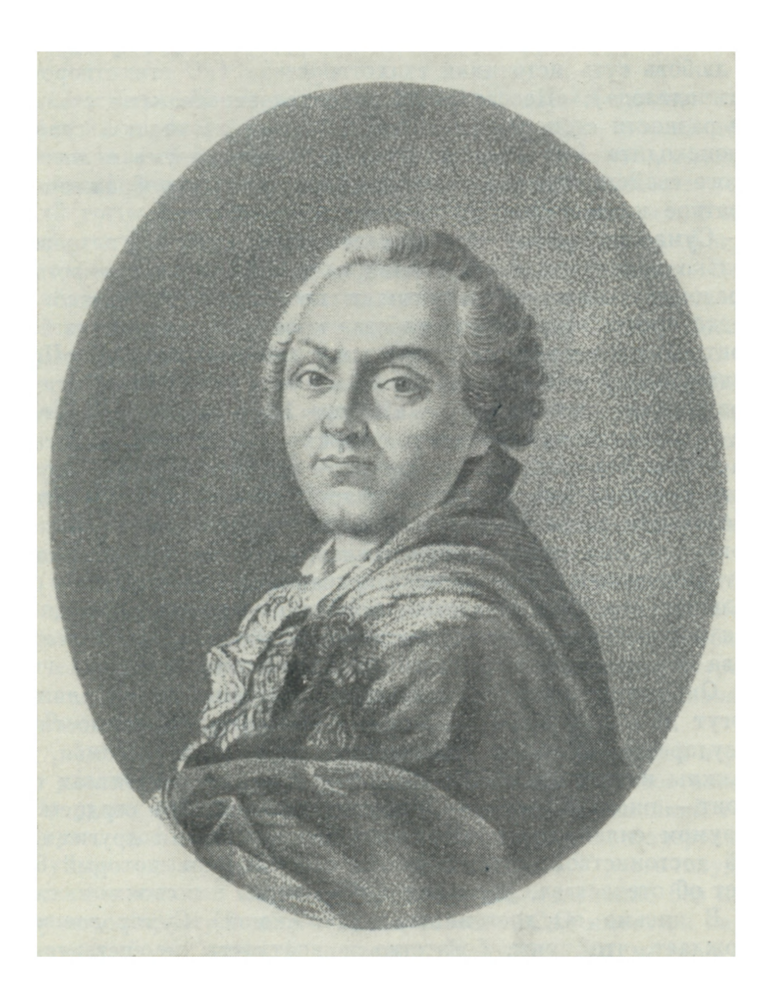
риевский, Г. Козицкий, К. Кондратович, Н. Мотонис, А. Нартов, Алексей, Василий и Семен Нарышкины, А. Ржевский, Е. Сумарокова, В. Тредиаковский и другие. Многие из них годом позже стали печататься в журналах, выходивших при Московском университете и возглавлявшихся М. М. Херасковым.

Журнал открывался посвящением жене наследника престола Петра Федоровича Екатерине Алексеевне, будущей императрице Екатерине II. Сумароков называл ее «Минервой» и просил покровительства. Он явно ориентировался на «малый двор» великого князя, а не на царицу Елизавету Петровну и ее вельмож. Сама по себе эта ориентация носила оппозиционный характер. Екатерина находилась в опале, подозреваемая царицей (и вполне справедливо) в политических интригах и тайных сношениях с иностранными дипломатами. Оппозиционное направление журнала усиливали многочисленные нападки Сумарокова на представителей государственного аппарата, достигавшие подчас большой остроты.

Несмотря на то, что в «Трудолюбивой пчеле» печатался ряд современных авторов, журнал все же оставался изданием одного лица — именно Сумарокова. Он носит отпечаток его сильной и незаурядной личности. Это обусловливается не столько многочисленными стихами Сумарокова, помещенными на страницах «Трудолюбивой пчелы», сколько его заметками на различные темы, связывающими книжки журнала в некое целое, объединенное личностью автора-издателя. Они создают как бы дневник писателя, посвященный самым разнообразным темам. Многое было продумано Сумароковым, многое для себя решено, и он делился с читателем своими мыслями и утверждениями, видимо, дорожа возможностью высказаться без помех. Сумароков легко и свободно разговаривает со страниц журнала со своим читателем, делится мыслями, учит и наставляет его.

Не ставя перед собой далеко идущих художественных задач, как он делал это в поэзии и драматургии, Сумароков развивает жанр сатирического очерка и фельетона, обнаруживая смелость мысли и тонкую наблюдательность. Его журнальные статьи сыграли свою роль в развитии русской прозы, хотя их автор и предпочитал в творчестве поэзию, «язык богов», и высмеивал авторов романов.

Заметки Сумарокова — отрывки взволнованного монолога писателя, озабоченного судьбами русской литературы, России в целом. Они начинаются всегда неожиданно, с какого-

А. П. Сумароков.

С портрета маслом работы А. П. Лосенко

либо тезиса, потом получающего развитие и аргументацию. Например: «Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка» («О истреблении чужих слов из русского языка»); «Свобода, праздность и любовь суть источники стихотворства» («О стихотворстве камчадалов»); «Несогласие в роде человеческом не столько от разности степеней разума, сколько от несходства сердец происходит» («О несогласии»); «Остроте разума человеческого свойственно скорое проницание, точное воображение и краткое изъяснение» («Об остроумном слове»).

Сумароков был убежденным монархистом, возражал только против злоупотребления властью, считал крепостное право явлением естественным и необходимым. Однако он резко протестовал против рабства крестьян, отданных в бесконтрольное владение неразумным и злым помещикам. «Продавать людей как скотину не должно»,— утверждал Сумароков в своих замечаниях на «Наказ» Екатерины II. Крестьяне — необходимый элемент государства, они должны работать на земле. Дело дворян — руководить страной, разумно управлять крестьянским трудом. Сумароков предъявлял большие требования к дворянству, стремясь очистить этот класс от присущих ему пороков, приблизить к идеалу. Он не жалел сатирических красок, высмеивая недостатки дворянства и отдельных его представителей, боролся с рабовладением, но так как рабовладельцами были все дворяне, удары Сумарокова обращались на крепостническую систему в целом.

Он считает, что только личные достоинства дворянина могут дать ему право занимать руководящие должности в государстве. «Порода», происхождение, знатность семьи, не должны играть никакой роли. «Честь наша не в титлах состоит,— писал Сумароков,— тот сиятельней, кто сердцем и разумом сияет, тот превосходительней, который других людей достоинством превосходит, и тот болярин, который болеет об отечестве». Эту мысль он развивал и в своих стихах.

В письме «О достоинстве» (1759, май) Сумароков утверждает, что чины, богатство и знатность не составляют еще достоинств человека: «Справедливо ли говорится вместо „человек, имеющий великий чин", и вместо „человек знатного рода",— честный человек. Из сего следует, что все крестьяне бесчестные люди, а это неправда; земледелие не воровство, не грабительство, но почтенное упражнение.

Пращур боярина отдан на съедение червям и в прах превратился. Пращур крестьянина также.

От боярина того нет уж больше страха,
И боярин, и мужик, все потомки праха».

В статье «Четыре ответа» (1759, июнь) Сумароков отвечает на вопрос, что бы он сделал, если бы был «малый человек и малый господин, великий человек и малый господин, великий человек и великий господин, малый человек и великий господин». Ответы его полны жгучего сарказма. В первом случае он изображает жалкого прихлебателя, фигуру столь ненавистного ему подъячего, будущего воеводу. Великий человек и малый господин будет преданно служить отечеству, но заслугу его не оценят, он сойдет с ума. «Малый человек и великий господин» станет жить великолепно, «а что бы я делал, этого я не скажу», добавляет Сумароков. «Великий человек и великий господин» — крупный государственный деятель, дворянин по личным достоинствам, а не только по происхождению. Он должен стараться о благополучии отечества, о наказании за взятки, грабительство, воровство, заботиться о приращении наук, о воспитании молодежи, о том, чтобы искоренять великолепие и тунеядство.

Свою положительную программу, весьма неясную и сбивчивую, Сумароков излагает в утопии «Сон. Щастливое общество», помещенной в декабрьской книжке «Трудолюбивой пчелы». По сути дела этой утопией и кончается журнал: вслед за ней идут прощальные реплики Сумарокова и «Расставание с Музами».

Автор говорит о том, что он был «в мечтательной стране и рассмотрел подробно мечтательное оныя благосостояние». Во главе страны стоит «великий человек» и «великий государь», чьи действия протекают по программе, начертанной Сумароковым в заметке «Что бы я делал...» У этого государя «достоинство не остается без воздания, беззаконие без наказания, а преступление без исправления. Сам имеет он народную любовь, страх и почтение. Получить его милость нет иной дороги, кроме достоинства». Далее Сумароков рисует положение духовного и военного сословий и особенно подробно говорит о судебном и чиновничьем аппарате, лишенном всех обычных для России недостатков. Сумароков подчеркивает, что «книга узаконений их не больше нашего календаря и у всех выучена наизусть, а грамоте тамо все знают. Сия книга начинается тако: чего себе не хочешь, того и другому

не делай. А оканчивается: за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь».

Утопические мечтания Сумарокова об идеальном дворянском государстве подчеркивали его критическое отношение к окружающей действительности. Сложившиеся у него взгляды на то, каким должно быть дворянство, непритворное осуждение злоупотреблений крепостным правом и эксплуатации крестьян, критика представителей государственного аппарата, чиновников и откупщиков делали Сумарокова неприемлемым для правительства литератором, несмотря на его желание служить монархии так, как он это понимал. Сумароков высмеивал самодуров-крепостников типа Скотининых и Простаковых, господствовавших в России, и сатира его получала широкое звучание, потому что оказывалась обращенной против дворянского класса в целом.

Сумароков издавал «Трудолюбивую пчелу» в течение 1759 года. На двенадцатой книжке журнал закрылся по причинам не только материального, но главным образом общественного порядка: слишком резкий характер носили нападки Сумарокова на правящий класс. Последний номер журнала Сумароков закончил стихотворением «Расставание с Музами»:

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин;
С Парнаса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущего я жара моего.

И не взойду по смерть я больше на него:
Судьба моей то доли.
Прощайте, Музы, навсегда.
Я более писать не буду никогда.

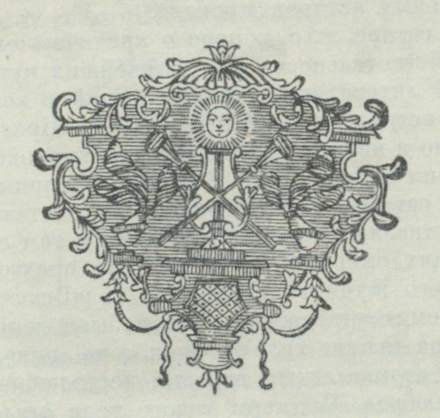
Это обещание Сумароков не выполнил: он продолжал писать, но к изданию журнала больше не возвращался.

2

В том же 1759 году стал выходить еженедельный журнал «Праздное время, в пользу употребленное». Его издавала группа преподавателей и выпускников Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в Петербурге, тираж составлял 600 экземпляров. В 1760 году редактором-издателем был преподаватель корпуса П. Пастухов, часто печатавший на страницах журнала свои переводы.

ТРУДОЛЮБИВАЯ
ПЧЕЛА.

Генварь 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Титульный лист журнала «Трудолюбивая пчела»

В шляхетном корпусе, основанном в 1732 году, всегда были сильны литературные интересы. Из стен корпуса вышли такие видные русские писатели, как А. П. Сумароков и М. М. Херасков, кроме них — И. П. Елагин, А. А. Нартов, С. П. Порошин, братья П. и И. Мелиссино и многие другие. Нет ничего удивительного в том, что после крупного успеха первого русского журнала «Ежемесячные сочинения» молодые литераторы шляхетного корпуса решили выступить со своим еженедельным изданием.

Журнал «Праздное время» не блистал литературными дарованиями и оригинальными статьями и стихотворениями. Известную смелость и злободневность придали ему только выступления А. П. Сумарокова, который стал печататься там после закрытия «Трудолюбивой пчелы». Общий тон материалов журнала — благонамеренно-нравоучительный, но переводы появлялись без подписи, поэтому трудно было установить отдельных авторов журнала.

Вопрос о сатире, т. е. вопрос о критическом отношении к русской действительности и о дальнейших путях развития национальной литературы, приобретавший с каждым годом все большую остроту, решался в журнале «Праздное время» примирительно и не так, как его решал Сумароков. В «Письме о позволении сатир» (1760, 8 апреля), например, устанавливается, что сатиры, вообще говоря, позволительны, потому что они представляют пороки смешными и тем самым «причиняют в людях омерзение к оным». Но предвосхищая позицию будущего журнала Екатерины II «Всякая всячина», «Праздное время» утверждает, что «обыкновенное правило есть сие: сатира должна хулить порок, а не лица». К порокам же относятся «три главные страсти: честолюбие, сребролюбие и сластолюбие». Примеры такого рода отвлеченной сатиры, не касавшейся язв русской жизни, иногда встречаются на страницах журнала преимущественно в виде переводов «из английского спектатора», т. е. из журнала Стила и Адиссона «Зритель», выходившего в Лондоне в 1711—1714 годах. Но такие переводы печатались и позже «Всякой всячиной».

Моралистические рассуждения о надежде, об успокоении совести, о чести, о душевном спокойствии, о ревности, о молчаливости, многочисленные «разговоры в царстве мертвых» великих людей древности, статьи на исторические темы занимают страницы «Праздного времени». Лишь с марта 1760 года, когда в журнале начинает выступать Сумароков, общий — довольно унылый и нравоучительный — колорит из-

дания оживляется. Сумароков печатает свои притчи, эпиграммы, стихи и песни, прозаические отрывки, полные злых нападок на «крапивное семя» — подьячих, выражавшие обиду на утеснения русских авторов в пользу иностранцев. Редакция «Праздного времени» заклинала беречься сатиры как «опасного упражнения, имеющего много могущественных врагов», и утверждала, что «сатира должна быть вообще» (1760, 28 апреля). А Сумароков печатал в журнале притчу «Две дочери подьячих», в которой так характеризовал представителей чиновничества:

Что Хамово то племя,
И что крапивно семя,
И что не возлетят их души к небесам,
И что наперсники подьячие бесам,
Я все то знаю сам...

Или публиковал свою «Песню о Саве»:

Савушка грешен,
Сава повешен.
Савушка, Сава,
Где твоя слава?
Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава,
Где твоя слава?! и т. д.

Как справедливо отметил П. Н. Берков, «мысль о том, что культура является прерогативой одного только просвещенного дворянства, повторяется довольно часто на страницах кадетского журнала» [1]. В подтверждение приведена весьма характерная цитата из статьи «Письмо о пространстве разума и о пределах оного» (1759, 30 апреля): «Если бы земледелец был проницателен, остроумен и чрезмерно любопытен, восхотел ли бы он день и ночь в полях скитаться за стадом? Не почел ли бы себе за оскорбление, что должен с неусыпным попечением ходить за презренными сими животными. Между тем ежели скот и земля оставлены будут в небрежении, останемся все без одежды и без пропитания,

---

[1] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.— Л., Изд во АН СССР, 1952, стр. 126.

всюду родится бедствие и нестроение. Итак, грубость и невежество поселянина немалое есть для нас благодеяние».

Последний номер журнала «Праздное время, в пользу употребленное», вышел 23 декабря 1760 года. Редакция не объяснила причины прекращения выхода журнала, но, думается, сумароковская сатира, занявшая видное место на его страницах, могла ухудшить отношение к нему придворных кругов Елизаветы Петровны и способствовать его закрытию.

ЖУРНАЛИСТИКА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В начале 1760-х годов при Московском университете возникает группа периодических изданий. Это — литературные журналы «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Доброе намерение», «Невинное упражнение» и «Собрание лучших сочинений».

В Московском университете — видном центре культуры и просвещения России — развернул свою деятельность известный писатель М. М. Херасков. Окончив Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Херасков, после нескольких лет военной и статской службы, в 1755 году определился в штат Московского университета, в котором на разных должностях прослужил в течение трех десятилетий. Он явился организатором и руководителем ряда печатных изданий — еженедельных и ежемесячных журналов, выходивших в типографии университета.

Вокруг Хераскова образовалась многочисленная — свыше тридцати человек — группа молодых литераторов, по преимуществу, поэтов, произведениями которых заполнялись страницы университетских изданий. Не все эти люди учились в университете или служили в его учреждениях, но все были связаны с Херасковым лично и в той или иной степени испытывали его влияние. Он был признанным учителем этой образованной дворянской молодежи.

Группа Хераскова не имела осознанной политической программы, не задавалась планами государственных реформ, но сходные установки в литературных интересах членов кружка несомненно заметны. Они заключаются в попытке создания общества независимых дворян, отделявших себя от третьесословных элементов и далеких от правительственных

кругов. Ясно дают себя знать и масонские интересы кружка, в особенности его руководителя Хераскова. Темы личного усовершенствования, мира и дружбы между людьми, религиозные мотивы характеризуют лирику молодых поэтов — воспитанников Хераскова.

Наиболее важным из серии университетских изданий является журнал «Полезное увеселение». Он выходил с января 1760 по июнь 1762 года, первые два года еженедельно, последнее полугодие — помесячно. Основными сотрудниками журнала, кроме самого издателя Хераскова, были И. Богданович, С. Домашнев, А. Карин, Алексей и Семен Нарышкины, А. Ржевский, Денис и Павел Фонвизины. Журнал был исключительно литературным органом, статьи на естественно-научные темы в нем не печатались. Стихи первенствовали над всеми материалами: журнал издавали поэты.

Группа «Полезного увеселения» по своим творческим установкам заметно отличалась от Сумарокова. Патриотический дух его творчества, сатирическая направленность, элементы национальной самобытности притч и песен Сумарокова, не находят отклика среди членов кружка Хераскова. Им чужда также общественная активность Сумарокова, его живая, нервная реакция на те или иные недостатки общественного уклада. Политические позиции журнала «Полезное увеселение» умеренно-консервативны. Представители группы ничего не собираются менять в российских порядках, положение крепостных крестьян оставляет их равнодушными, даже сетований на жестокосердных помещиков не найдется в журнале. Авторами его владеют пессимистические настроения. Можно с уверенностью сказать, что для стихов, печатавшихся в «Полезном увеселении», был общим мотив бренности земного, выраженный в стихотворении Хераскова «Прошедшее»:

Все тщета в подлунном мире,
Исключенья смертным нет;
В лаврах, рубище, порфире —
Всем должно оставить свет.
...Что такое есть — родиться?
Что есть наше житие?
Шаг ступить — и возвратиться
В прежнее небытие.

Обращает на себя внимание также принципиальный отказ от сатиры, объявленный «Полезным увеселением». Херасков считает, что сатира не способна исправлять людей

М. М. Херасков.
Гравюра Майра с рисунка Галленберга

и может лишь ожесточать их. Необходимы другие меры и прежде всего — каждый человек должен стремиться к личному усовершенствованию.

Подводя итоги первого года издания журнала в № 1 за 1761 год, Херасков писал, что авторы «Полезного увеселения» имели своей целью защищать добродетель, преследовать пороки и увеселять общество. Но желаемых результатов они не достигли: «порок обличен мало». Почему это произошло? «Или сила сочинений развратные сердца слаба поразить была, или вредные страсти так утвердели, что их ничто поколебать не может».

Но автор не отчаивается: «Пускай же гибнут пороки в своем неистовстве, пускай их злоба самих их терзает, пускай истина и обличение им не чувствительны и мы в сем намерении неудачны; то по крайней мере, прославляя по нашей возможности добродетель и сделав удовольствие ее любителям, пользу и увеселение обществу принесть могли».

Осуждение пороков, таким образом, редакция отвергла и принялась в новом году прославлять добродетель с помощью положительных примеров.

В этом высказывании бросается в глаза наивная и горячая вера издателей журнала в силу печатного слова. Похоже, что им действительно казалось, будто печатные обличения могут исправлять нравы дворянского общества.

Мотивы личного совершенствования человека, пропаганда образцов добродетели, идеи духовного богатства членов ограниченного кружка людей, думы о загробной жизни, к которой надо готовиться человеку,— все это типично для масонского умонастроения и заставляет видеть в кружке «Полезного увеселения» тайную масонскую группу. В той или иной мере все ее участники были связаны с масонством в более поздние годы, что документально подтверждается. Следует полагать, что масонская ложа в начале 1760-х годов существовала в Москве и Херасков был одним из ее руководителей.

Литературная позиция авторов «Полезного увеселения» обусловлена поэтикой классицизма на новом этапе развития этого стиля в России. Поэтика Ломоносова им чужда и не раз становится предметом критики и насмешек в журнале. Они приближаются к Сумарокову в пренебрежении к «надутости» слога, но лишены присущего ему сознания общественной важности литературы. Для творчества поэтов журнала характерен интерес к философической оде, жанру дружеского

послания, к элегиям, стансам. Они сознают себя группой, обмениваются стихотворными обращениями: А. и С. Нарышкины пишут Ржевскому, он в свою очередь им отвечает. Карин и Нартов, соревнуясь, разрабатывают одну и ту же тему, их стихи печатаются рядом, чтобы читатель мог сравнить и отметить лучший вариант (1760, август, № 1 и 6).

При быстрой смене правителей на российском престоле в 1761—1762 годах группа «Полезного увеселения» пожелала иметь время для размышлений и выбора ориентировки и на июньском номере 1762 года прекратила издание журнала.

На смену ему с января 1763 года появился ежемесячный журнал «Свободные часы», выходивший в течение года. Он издавался при Московском университете, редактором был Херасков, печатались там участники «Полезного увеселения» — А. Ржевский, В. Санковский, А. Карин, А. Вершницкий и другие, а кроме них — А. Сумароков и В. Майков.

За прошедшие полгода Херасков вполне успел выяснить свои позиции и показал себя горячим сторонником новой императрицы. Екатерина II, еще непрочно утвердившаяся на престоле, была, видимо, рада поддержке главы московской дворянской интеллигенции. Она привлекла Хераскова к торжествам на коронации, к подготовке маскарадного шествия «Торжествующая Минерва», а после окончания празднеств назначила его директором Московского университета.

На страницах «Свободных часов» печатаются оды в честь Екатерины II и ее сына Павла, журнал приобретает официозный тон. Настроение авторов заметно улучшается, исчезают «кладбищенские мотивы», столь заметные в «Полезном увеселении», однако рассуждения о суетности мира не оставляются. На протяжении пяти первых номеров в журнале печатаются переводные очерки о древних историках — Геродоте, Фукидиде, Ксенофонте, Полибии, затем публикуются «Превращения» Овидия в переводе В. Майкова и ряд других переводных произведений. Оригинальные стихи не выходили из рамок малых жанров — элегии, притчи, эпиграммы, анакреонтической оды. Из прозаических набросков следует отметить статью «О московском наречии», которое автор признает наиболее правильным в России.

В мартовском номере журнала было напечатано «Письмо к приятелю» Сумарокова на немецком языке с переводом на русский. Сумароков, сочувственно относившийся к Локку, о чем он писал в «Трудолюбивой пчеле» (1759, май), и здесь возражает против Декарта: «Почти вся картезианская

философия есть голый роман. Все без изъятия метафизики бредили, не исключая славного и славы достойного Лейбница». Но в отличие от статьи «Трудолюбивой пчелы» Сумароков развивает в своем письме материалистические взгляды, утверждая материальность мира, состоящего из «частиц». Мир произошел вовсе не из четырех элементов, как думали древние, число элементов бесконечно; воздух, земля и вода — явления одной материи. «Во всяком субъекте ото всех бесчисленных элементов, по различию меры, нечто содержится».

Одновременно со «Свободными часами» при Московском университете стал выходить и второй ежемесячный журнал, «Невинное упражнение». Ближайшее участие в его издании принимал И. Ф. Богданович (1743—1803), воспитанник М. М. Хераскова, сотрудник «Полезного увеселения», занимавший должность инспектора классов Московского университета.

Из предисловия к первой книжке «Невинного упражнения» явствует, что журнал выпускали «молодые авторы», только что вступившие в «письменную республику». В нем нет прямых похвал в адрес императрицы и поздравительных од, однако проповедь осторожности и отрицание сатиры, звучащие в большом стихотворении «Сатира» (1763, апрель), являлись косвенной поддержкой Екатерины II, и позднее в журнале «Всякая всячина» она сама с новой силой повторит отрицательную оценку сатиры, данную «Невинным упражнением».

В журнале были напечатаны поэма Вольтера «На разрушение Лиссабона» в переводе Богдановича, выполненные Е. Р. Дашковой переводы статей «О источнике страстей (из Гельвеция)», «О эпическом стихотворстве», несколько мелких переводных статей и большое количество аллегорий, мадригалов, любовных стихов, эпиграмм, не имевших подписей авторов. В журнале выдвигался образец скромного существования каждого на своем месте с разумным учетом всего для этого необходимого, например денег:

Умеренная жизнь одна
Благополучия полна,
От злата надлежит стеречься,
Но вовсе прочь его гоня...
Мы зябнем в стуже без огня,
И можем близ его ожечься.
(«Ода», 1763, январь).

СВОБОДНЫЯ ЧАСЫ.

Генварь 1763 года.

при Императорскомъ Московскомъ Универзитетѣ.

Титульный лист журнала «Свободные часы».

«Невинное упражнение» окончилось на июньском номере 1763 года, вышло всего шесть книжек. В заключительном письме к читателям редакция сообщала, что журнал прекращен «по многим неотвратимым препятствиям и, в-первых, потому, что как издатели, так и те, кои подписались брать наш журнал, из Москвы разъехались». Действительно, после длительных коронационных торжеств императрица и двор возвратились в Петербург, с ними уехал и Богданович.

Следующим по времени литературным изданием, выходившим при Московском университете, был ежемесячный журнал «Доброе намерение». Выпускал его в течение 1764 года В. С. Санковский, ранее сотрудничавший с Херасковым в «Полезном увеселении» и «Свободных часах». Участвовали в новом издании молодые литераторы, связанные с Московским университетом: А. Вершницкий, С. Веницеев, А. Костровский, М. Пермский и другие. Эта была разночинная молодежь, далекая от политических и моральных установок «Полезного увеселения», но в литературном отношении во многом зависевшая от этого журнала.

В «Добром намерении» печатались переводы «Превращений» Овидия, отрывки из английского сатирического журнала «Зритель» и других иностранных изданий. Редакция знакомила читателей с произведениями знаменитых итальянских новеллистов Боккаччо и Мазуччо в переводах В. Санковского и В. Рубана. Это тяготение к занимательной прозе, новелле, роману было характерно для третьесословного автора и читателя 1760-х годов, в то время как писатели-классицисты, образованные дворяне, с негодованием осуждали такую прозу, отдавая предпочтение оде и трагедии.

Темы душевного беспокойства, поисков нравственного идеала, характерные для «Полезного увеселения», в новом журнале отсутствуют. Более того, в нем уже возникает мотив удовлетворения жизнью:

Покоем наслаждаюсь,
В спокойстве нет сует,
Я в них не колебаюсь,
Ни в чем мне нужды нет...

(1764, октябрь).

По отношению к Екатерине журнал держался подобострастно, заранее прославляя и начатые и обещанные ею мероприятия.

Четыре журнала, выходившие при Московском университете в начале 1760-х годов, были изданиями литературными. В них участвовали известные писатели — Сумароков, Херасков, Тредиаковский и обширная группа молодежи, начинавшая пробовать свои силы в творчестве. Пятый университетский журнал этой поры имел другой вид и назначение, но также делался руками студентов университета.

Этот журнал носил длинное название: «Собрание лучших сочинений, к распространению знания и к произведению удовольствия, или смешанная библиотека о разных, физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах». Выходил он в течение 1762 года раз в три месяца. Издателем его был профессор Московского университета Иоганн Готфрид Рейхель (1727—1778). Прибыв в Россию в 1757 году, Рейхель преподавал немецкий язык, историю и статистику. Он был дельным работником и старался принести пользу русскому юношеству. В числе его слушателей находился Д. И. Фонвизин, переводы которого Рейхель весьма одобрял.

Фонвизин принимал активное участие в журнале «Собрание лучших сочинений». Его перу принадлежит несколько переводов, напечатанных там: отрывок из романа аббата Террасона «Геройская добродетель или жизнь Сифа, царя египетского», «Торг семи муз, из Кригеровых снов», «О действии и существе стихотворства» Г. Ярта и другие. Кроме него, свои переводы печатали в журнале А. Воронцов, Я. Дашков, В. Золотницкий, А. Корсаков, П. Фонвизин и другие студенты университета.

В соответствии со своими научными интересами Рейхель уделял главное внимание вопросам коммерции, мануфактур и экономии («домостроительства»). В журнале печатались статьи «О пользе, которую физика приносит в экономии», «Политическое рассуждение о коммерции», «Изображение мануфактур-коллегии» и т. д. Часто встречаются статьи на хозяйственные темы: «О способе поправления овечьей шерсти», «Новые опыты об открашивании красного вина» и др.

Разнообразие материалов журнала — в нем печатались и отрывки из иностранных сатирических изданий — делало его любопытным для нескольких поколений читателей. По смерти Рейхеля Н. И. Новиков в 1787 году выпустил «Собрание лучших сочинений» вторым изданием.

К 70-м годам XVIII столетия русская журналистика прошла немалый путь своего развития, накопила некоторый опыт политической борьбы и стала заметной общественной силой. Ее прогрессивные качества проявились затем в 1769—1774 годах в спорах по крестьянскому вопросу и о путях развития русской литературы, разгоревшихся между журналами Н. И. Новикова и Екатерины II. Издания Новикова открывали дорогу передовой русской журналистике последующего времени.

НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

1

К 60-м годам XVIII века в феодально-крепостническом укладе России все отчетливее обозначается рост капиталистических элементов. Малопроизводительный крепостной труд становится серьезной помехой на пути развития новых производственных отношений. Но не в интересах правящих кругов было ликвидировать крепостное право, составлявшее главную опору их существования. Они предпочитают усилить нажим на крепостное крестьянство, больше его эксплуатировать, расширить барщину, увеличить оброки. Крестьяне, приписанные к государственным и частным заводам и фабрикам, также испытывают новый натиск своих владельцев.

Народное недовольство растет. Непосильный труд вызывает ропот и возмущение голодных людей. Все чаще предпринимаются попытки отпора угнетателям. За десятилетие с 1762 по 1772 год в России официальными документами отмечено 40 крупных восстаний, охвативших до 250 тысяч крестьян. Все они жестоко подавлялись с помощью войск.

Правительство Екатерины II, стремясь восстановить спокойствие в государстве, всемерно усиливало господство помещиков. Им была дана власть над жизнью и смертью миллионов людей. В 1765 году помещики получили право самолично, без государственного суда, отправлять своих крепостных на каторжные работы. Указом того же года, подкрепленным новым указом в 1767 году, крестьянам настрого запрещалось подавать жалобы на своих господ представителям государственной власти и самой императрице. Нужно было покоряться и терпеть, никто не мог оборонить крепостного

человека от злой воли его господина. Крестьянин был «в законе мертв», как сказал А. Н. Радищев, и закон вспоминал о нем лишь тогда, когда он совершал преступление. В России торговали людьми, помещики продавали крестьян семьями и в одиночку, разлучая сына с матерью и мужа с женой.

Доведенные до отчаяния крепостные нередко мстили жестоким и корыстолюбивым владельцам. Иногда крестьяне даже убивали своих мучителей. Дворянское сословие жило под страхом народного гнева и, боясь его открытого взрыва, беспощадно расправлялось с малейшими проявлениями протеста. Бегство крестьян от помещиков в 60-е годы стало массовым — десятки тысяч крепостных пробирались на юг России, где господская власть еще не давала себя чувствовать так, как в центральных губерниях, переходили за рубеж, в Польшу.

Крайне напряженное внутреннее положение в стране весьма беспокоило правительство, пытавшееся разрядить накал с помощью мер административного порядка, которые, однако, не достигали своей цели. Попыток облегчить угнетение народа не предпринималось, ибо любая из них должна была затронуть классовые интересы дворянства, чего Екатерина II, по природе своей власти, сделать не могла.

В этой обстановке с конца 50-х — начала 60-х годов XVIII века в России происходит оформление первых антидворянских течений в литературе и публицистике. «Вольномыслие» Екатерины II, ее заигрывание с передовыми философами Западной Европы имели показной характер и вскоре были оставлены, уступив место неприкрытой реакции. Но в среде дворянской интеллигенции увлечение прогрессивными мыслителями Франции сыграло положительную роль. Оно помогло также выявлению идеологии недворянских слоев русского общества, представлявших собой в культурном отношении значительную величину.

Русская буржуазия, купечество XVIII века, в силу своего положения в феодальной стране, шли за дворянством. Но самосознание широкого слоя «разночинцев» этой эпохи имело ясно выраженный демократический характер. К этой социальной группе можно отнести привилегированных крестьян-однодворцев; рядовое сельское духовенство, близкое в то время к крестьянской массе даже в смысле своего юридического бесправия; беднейших представителей дворянских «низов», в сущности, мало отличавшихся по культуре и иму-

щественному состоянию от тех же однодворцев; городское мещанство, мелкое чиновничество, провинциальное офицерство — словом, немалый слой населения страны, придавленный феодальным строем, но не закрепощенный им окончательно. Из этой среды во второй половине XVIII века вырос ряд писателей и ученых, шедших по пути создания радикальной демократической идеологии. В их среде не было открытых высказываний против самодержавия и крепостного права — на это оказался способным только величайший представитель XVIII века А. Н. Радищев,— но для них характерны наличие поисков недворянских социальных, политических, юридических норм, настойчиво проводившаяся пропаганда антифеодального мировоззрения, в конечном счете разрушительно действовавшая на устои крепостнической идеологии.

Замечательный русский юрист Семен Десницкий, профессор Московского университета, был учеником Адама Смита, лекции которого слушал в Англии. Он передавал своим многочисленным ученикам новую науку, освобожденную от схоластических элементов. Десницкий преодолевает механистичность рационалистического мировоззрения, оспаривает теорию общественного договора, утверждая, что мораль и религия обусловлены социальной природой людей, а не созданы внеисторическим «разумом» законодателей, что брак вызван потребностями хозяйственной жизни людей. Во взглядах Десницкого значителен элемент историзма.

Как практик-юрист, он считает необходимым введение гласного суда с прениями сторон, т. е. стремится к созданию суда буржуазно-демократического типа. Вместе с Десницким в Московском университете преподавали Дмитрий Аничков, напечатавший в 1769 году атеистическое «Рассуждение из натурального богословия о начале и происшествии натурального почитания», где доказывалось земное происхождение религии, и Семен Зыбелин, профессор медицины, высказывавший в речах озабоченность бедственным положением крестьянства.

Особенный интерес представляет деятельность Якова Козельского, публициста и ученого, человека энциклопедической образованности. По своим взглядам тяготевший к материализму, Козельский приближается к Гельвецию; его книга «Философические предложения» наполнена смелой критикой схоластических авторитетов, проявлениями свободной мысли. Козельский — враг социального неравенства; он впервые формулирует требование восьмичасового рабочего дня

в обществе, где труд становится обязанностью для всех. В своей непримиримой вражде к тирании, при явном сочувствии к республике и демократии, Козельский поднимается до морального оправдания мятежа угнетенных.

2

Общественное настроение в России 60-х годов требовало выхода, и Екатерина II попыталась создать видимость, что этот выход ему будет предоставлен, что положение дел в стране, по крайней мере в части законодательства, может быть предано гласному обсуждению. Манифестом 14 декабря 1766 года было объявлено о созыве Комиссии по составлению Нового уложения, т. е. собрания российских законов. Перед своими заграничными корреспондентами императрица делала вид, что предпринимается невиданное еще в России начинание, она давала понять, будто Комиссия представляет собой род учредительного собрания, которое поможет государыне, трудясь под ее руководством, осуществить в стране принципы, выработанные философами-энциклопедистами. На самом же деле комиссии такого рода были далеко не новостью для России, их начал собирать еще Петр I, и Екатерина провела пятую по счету попытку пересмотреть старинные указы с помощью выборных депутатов.

Комиссия по составлению Нового уложения имела целью, как объявлялось об этом, упорядочить русские законы, которые не пересматривались со времен Уложения царя Алексея Михайловича, утвержденного в 1649 году. В Комиссию было избрано 564 депутата, из них 28 — от государственных учреждений, 161 — от дворянства, 206 — от городов, 57 — от казачества, 112 — от податных крестьян. В число последних входили депутаты от пахотных солдат, однодворцев, черносошных крестьян — людей лично свободных, хотя и трудившихся на земле. Важно подчеркнуть, что крепостное крестьянство, а оно составляло в это время свыше половины всего населения России, в Комиссии представлено не было, депутатов не выбирало.

Екатерина не придавала серьезного значения работам Комиссии. Подробно составленный регламент исключал постановку каких-либо вопросов по инициативе участников. Депутаты должны были только слушать и обсуждать Наказ — наскоро составленный самой императрицей документ, для ко-

торого она обильно заимствовала мысли и положения из книг западноевропейских философов и юристов — Монтескье, Беккариа и других. Выдержки из сочинений были сильно изменены Екатериной, урезаны в смелости выражений и приспособлены для ушей самодержавного правителя. Вся затея с Комиссией были рассчитана на то, чтобы произвести эффект среди общественных кругов Западной Европы, создать впечатление об Екатерине, как о либеральной государыне, привлечь к ней симпатии. И цель эта была в известной мере достигнута. Как замечает А. С. Пушкин, «фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие: «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтоб поставить ее наряду с Титами и Траянами, но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования» [1].

Несмотря на крайне стесненную обстановку заседаний Комиссии, депутаты не могли не коснуться острейших и злободневных вопросов положения русского крестьянства. Они заспорили о том, может ли крепостной обладать собственным имуществом, не принадлежащим его господину, и стали искать причины массового бегства крестьян от помещиков. Ограничения прав крепостников требовали пахотный солдат Жеребцов, однодворец Маслов, казак Олейников, депутат города Дерпта Урсинус. Но ярче всего высказал эти требования депутат Козловского дворянства Григорий Коробьин, резко выступивший в защиту угнетенного крестьянства. Он заявил в Комиссии:

«...Как известно, что земледельцы есть душа обществу, следовательно, когда в изнурении пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет: итак, от изнеможения души общества недействительными через то самое остаются и члены общества; т. е. разоряя крестьян, разоряются и все прочие в государстве. А сие зло коль пагубно государству, всяк удобно понять может от единого токмо воображения разоренных граждан» [2].

Коробьин сказал, что причина бегства крестьян — «по большей части суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением», что зло заключено в неограниченной вла-

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VIII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 127.

[2] «Сборник Русского исторического общества», т. XXXII, СПб., 1881, стр. 407.

сти помещика над собственностью его крестьян, «и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало» [1].

Крепостники-дворяне защищали свои исконные права и ожесточенно спорили с защитниками крестьянских интересов. Особое старание проявили тут князь М. Щербатов и М. Глазов, рьяно выступавшие против ораторов демократической группы. Никакого решения Комиссия принять не могла, но дискуссии, разгоревшиеся в ней, показали Екатерине II, что дальнейшая игра в либерализм может стать опасной. Взгляды были высказаны, столкновение сторон обозначилось ясно, опыт созыва депутатов следовало прекратить. И в декабре 1768 года, под предлогом начавшейся войны с Турцией, требовавшей возвращения офицеров в полки, а чиновников на службу, императрица распорядилась прекратить деятельность Комиссии. Однако то, что говорилось на заседаниях, не пропало бесследно. В Комиссии впервые гласно было заявлено о бедственном состоянии крепостных крестьян, раздались требования ограничить власть помещиков, предоставить какие-то права крепостным. Ряд русских писателей, в том числе Н. И. Новиков, М. И. Попов, А. А. Аблесимов, Г. Р. Державин и другие, участвовали в работе Комиссии в качестве секретарей и то, что они слышали там, хорошо запомнили. Даже в тех крайне суженных пределах, которые ей были предоставлены, Комиссия сыграла заметную роль в развитии русской общественной мысли.

Сами крестьяне в Комиссии не участвовали. Они показали свое отношение к существовавшему порядку в годы восстания Пугачева, тысячами примыкая к войскам «крестьянского царя» и уничтожая ненавистные барские усадьбы. Непосредственно голос крепостного крестьянства звучит в фольклоре; здесь мы находим много песен и сказок, в которых изображается угнетенное, бесправное положение крепостных и звучит открытый протест против насильников. В письменной литературе таких проявлений художественного творчества народа можно встретить очень немного, прежде всего в силу почти всеобщей неграмотности крестьян. Если в числе дворянских депутатов в Комиссии по составлению Нового уложения по отдельным губерниям насчитывалось до 60 процентов неграмотных, то что же говорить о крестьянстве? И тем не менее кое-что было записано народными грамотеями и сохранилось до нашего времени.

---

[1] «Сборник Русского исторического общества», т. XXXII, СПб., 1881, стр. 408.

Наказание крестьянки

Рисунок Х. Гейсслера

Одним из наиболее замечательных произведений этого рода является «Плач холопов», датирующийся 1767—1769 годами (в нем упоминается Комиссия по составлению Нового уложения). В этом славном памятнике народной поэзии запечатлены настроения крепостного крестьянства в канун восстания Пугачева.

О горе нам, холопам, за господами жить.
И не знаем, как их свирепству служить,—

восклицает безымянный автор, описывая далее бесчисленные притеснения, чинимые помещиками крестьянам и «холопам», т. е. барским слугам. Затаенная мечта о свободе выражена в следующих строках стихотворения:

Ах, когда б нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли б мы, братцы, в солдатскую службу
И сделали б между собою дружбу,
Всякую б неправду стали бы выводить
И злых господ корень переводить.

Солдатские песни, часть которых дошла в записанном виде, полны жалоб на невыносимые мучения и издевательства офицеров, на тяготы солдатской жизни. В большом стихотворении «Солдатская челобитная» изображаются тяжелая служба в отвоеванном у турок Крыму, воровство офицеров и непосильный труд солдат, превращенных в рабочие машины.

Все это, однако, произведения «подпольной поэзии», распространявшиеся в списках по рукам, передававшиеся устно. Свободно голос крестьянства прозвучал в XVIII веке только в годы крестьянской войны в среде повстанцев. Кроме фольклорных произведений этой поры, сохранились манифесты Пугачева к народу, написанные с огромной силой убеждения и художественной выразительности:

«Заблудившие, изнурительные, в печали находящиеся, по мне соскучившиеся, услыша мое имя, ко мне идти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающие. Без всякого сумнения идите и как прежде ваши отцы и деды, моим отцам и дедам же служа, выходили против злодеев в походы, проливали кровь, а с приятелями были приятели, так и вы ко мне верно, душевно и усердно, бессумненно к моему светлому лицу и сладоязычному вашему государю для похода без измены и применения сердцов и без криводушия в подданство и в мои повеления [*идите?*]... Ныне я вас, во-первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, селами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу» [1].

Библейский пафос первых строк придает тексту внушительную интонацию, перечень благ, передаваемых народу, делает манифест конкретным и убедительным. Пушкин заметил, что «первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного» [2]. Это красноречие действовало безошибочно на слушателей из крестьян и увлекало их. Лаконично и прямо излагается положение страны в обращении пугачевцев ко «всякого звания людям» города Челябинска:

---

[1] «Русская проза XVIII века», т. I. М.— Л., Гослитиздат, 1950, стр. 246—247.

[2] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VIII, стр. 351.

«Сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж — вам самим то небезызвестно: Дворянство обладает крестьянами, но, хотя в законе божием и написано, чтоб они крестьян так же содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали полян (псов.— *А. З.*) своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в ссылках того никогда не бывало, да и нет...» [1]

Голос крепостного крестьянства в XVIII веке был услышан и подхвачен в литературе А. Н. Радищевым в его революционной книге «Путешествие из Петербурга в Москву», но сочувствие угнетенному народу и осуждение помещиков ясно дают себя знать на страницах сатирических журналов Н. И. Новикова.

---

[1] «Русская проза XVIII века», т. I, стр. 265.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА» И ЕЕ «ВНУКИ»

1

Второго января 1769 года на улицах Петербурга прохожим раздавали листки печатной бумаги, на которых крупно было написано: «Всякая всячина» и ниже, шрифтом помельче: «Сим листом бью челом; а следующий впредь изволь покупать». На других страницах можно было прочесть «Поздравление с новым годом» и обращение «К читателю». Подписей никаких не значилось. Так начал свой выход журнал «Всякая всячина», вслед за которым, одно за другим, появилось еще семь периодических изданий.

«Всякую всячину», объявившую себя «бабушкой» новых журналов, издавал Г. В. Козицкий, секретарь Екатерины II, и за его плечами стояла сама императрица. Она решила выступить на поприще журналистики для того, чтобы принять руководство общественным мнением в России, излагать печатно свои взгляды на управление страной и постараться завербовать себе сторонников.

Екатерина рассчитывала на то, что пример «Всякой всячины» вызовет подражание, и постаралась поддержать это издание. Так, желающие выпускать новый журнал могли подавать прошения в Академическую комиссию, распоряжавшуюся единственной тогда в Петербурге типографией, без оглашения своих имен, поставив подпись «Аноним». Между тем, для того чтобы принять к печати любую книгу, типография должна была осведомиться об авторе или переводчике. Имена издателей журналов, таким образом, хранились в секрете. Вследствие этого мы так и не знаем, кто выпускал, например, журнал «Смесь», и вынуждены довольствоваться предположениями.

Журналы 1769 года оказались разнообразны по своему характеру, объему, периодичности и в целом отнюдь не могут объединяться под общим именем «сатирических», как обычно принято их именовать даже в специальных работах. «Полезное с приятным» или «И то и се» были далеки от сатирического направления. Не грешила сатирой и «Всякая всячина». Подлинно сатирические материалы содержатся лишь в «Трутне», а вслед за ним — в «Смеси» и «Адской почте».

Большинство журналов выходило еженедельно. «Полезное с приятным» было объявлено как двухнедельное издание и лишь после выпуска двух номеров перешло в число еженедельников, сохранив, однако, за номерами название «полумесяцев». Журнал «Поденщина» выпускался ежедневно, всего на четырех страницах и на протяжении лишь пяти неполных недель. «Адская почта» появлялась в виде ежемесячных книжек, с июля по декабрь 1769 года вышло шесть номеров.

Возникали эти издания на протяжении полугода в следующем порядке. «Всякая всячина» стала выходить в начале января. За нею, в конце этого месяца, выступил журнал «И то и се». В феврале начались три новых издания: «Ни то ни се», «Полезное с приятным» и «Поденщина». Март не принес увеличения числа журналов. С 1 апреля появилась «Смесь», с 1 мая — «Трутень», оказавшийся седьмым по порядковому счету изданием 1769 года, и, наконец, в июле читатели познакомились с первой книгой журнала «Адская почта».

Тиражи изданий были различны и неустойчивы. «Всякая всячина» вышла в первый раз в количестве 1692 экземпляров, следующие 12 номеров имели тираж 1500, затем он снизился до 1000, а последние шесть номеров печатались по 600 экземпляров. Число читателей «Всякой всячины» неуклонно падало. Зато тираж «Трутня» возрастал. Первые двенадцать номеров (листов), печатавшиеся в количестве 626 экземпляров, через три месяца потребовали переиздания и были выпущены вторым тиснением по 500—700 экземпляров каждый. Начиная с 13-го листа «Трутень» имел тираж 1240 экземпляров до конца 1769 года. Журналы «И то и се», «Ни то ни се», «Смесь» печатались в количестве 600 экземпляров, «Поденщина» — 500.

Издание большинства журналов прекратилось в 1769 году. На 1770 год перешли только «Трутень» и «Всякая всячина», выходившая под названием «Барышок Всякой всячины».

В восемнадцати номерах «Барышка» допечатывались материалы, скопившиеся в редакции, главным образом, переводы. «Трутень» выпустил в 1770 году 17 листов.

Таким образом, в 1769 году в Петербурге составился бойкий и несогласный хор из нескольких журналов, в котором выделялись голоса новиковского «Трутня» и официозной «Всякой всячины». Вторую столицу России — Москву — журнальное поветрие не затронуло, там не появилось в это время ни одного нового издания.

О чем же говорили новые журналы, что составляло предмет их интересов, каковы были водоразделы, по которым проходили споры между ними и велась острая полемика?

Речь шла прежде всего о том, что́ они могут высмеивать и чего касаться нельзя, что́ должно быть объектом журнальной сатиры и в каких пределах эта сатира вообще допустима в печатных изданиях.

«Всякая всячина» объявила, что она стоит за сатиру в «улыбательном духе», которая не затрагивает отдельных лиц и конкретных недостатков государственно-политического строя России, а выступает лишь против людских пороков вообще, не целя ни в кого персонально. Императрица Екатерина II не хотела терпеть никакой критики. Все, что было ею заведено в стране, она считала замечательным, совершенным по мысли и по исполнению и не желала слушать ничьих советов. Если и были недостатки в управлении Россией, то все они относились за счет предыдущих царствований, а нынешнее, по мнению Екатерины, от этих недостатков стало свободным.

Из номера в номер, всем своим содержанием, журнал Екатерины II пропагандировал тезис, сформулированный в одной из статей: «Всякий честный согражданин признаться должен, что, может быть, никогда, нигде какое бы то ни было правление не имело более попечения о своих подданных, как ныне царствующая над нами монархиня имеет о нас, в чем ей, сколько нам известно и из самых опытов доказывается, стараются подражать и главные правительства вообще».

Лихоимство, поборы с просителей, неправедный суд издавна царили в присутственных местах Российской империи и вызывали гнев и возмущение всех, кому приходилось сталкиваться с царской администрацией. Вступив на престол и мечтая о завоевании популярности, Екатерина II особым манифестом от 18 июля 1762 года осудила взяточничество, расписав его самыми яркими красками:

«Ищет ли кто места, платит; защищается ли кто от клеветы, обороняется деньгами; клевещет ли на кого кто, все происки свои хитрые подкрепляет дарами. Напротиву того, многие судящие освященное свое место, в котором они именем нашим должны показывать правосудие, в торжище превращают; вменяя себе вверенное от нас звание судии бескорыстного и нелицеприятного за пожалованный будто им доход в поправление дому своему, а не службу, приносимую богу, нам и отечеству, и мздоприимством богомерзким претворяют клевету в праведный донос, разорение государственных доходов в прибыль государственную, а иногда нищего делают богатым, а богатого нищим». [1]

Изменилось ли что-нибудь в русской юстиции за семь первых лет царствования Екатерины? Нет. Взятки судьи брали по-прежнему, а кое-кто и пуще принялся грабить ближнего. Однако Екатерина II предпочитала утверждать, что суд в России исправился и Фемида стала неподкупной. «Всякая всячина» не замедлила разъяснить это читателям. Те, кто недоволен судейскими порядками и жалуются на взяточничество, беспокоятся напрасно, ибо сами навлекли на себя злоключения. Законы в России — лучше, чем в Западной Европе, а если они и были несколько запутаны, так «ее величеством созвана вся нация для составления нового проекта узаконений». И судьи хороши, они назначаются императрицей, которая неустанно заботится о народном благе, в Европе же патенты на судебные должности продаются. Стало быть, в России виновными оказываются те, кто обращается в суд. Жалобщики искушают судей, те, по слабости человеческой, мирволят иным, а отсюда и рождаются подчас несправедливые решения, в которых, по мнению «Всякой всячины», ни закон, ни судьи не виноваты. И журнал обращается к тем, кого он считает источником зла — к русским людям: «Любезные сограждане! Перестанем быть злыми, не будем иметь причины жаловаться на правосудие».

Изложив это лицемерное рассуждение, «Всякая всячина» дальше уже с обидой заявляет: «Некоторые дурные шмели нажужжали мне уши своими разговорами о мнимом неправосудии судебных мест». Малейшие критические замечания в адрес правительственных инстанций кажутся «злостными»

---

[1] «Полное собрание Российских законов», т. XVI. СПб., 1830, стр. 22.

и «опасными» журналу императрицы, и он спешит их опровергать.

Решительно отводит «Всякая всячина», например, жалобы на чиновников-подьячих, часто исходившие из уст русских писателей и журналистов. «Не подьячие и их должности суть вредны,— поучает журнал,— но статься может, что тот или другой из них бессовестен. Они менее других исключены из пословицы, которая говорит, что нет рода без урода, для того, что они более многих подвержены искушению. Подлежит еще и то вопросу: если бы менее было около них искушателей, не умалилися ли бы тогда и на них жалобы».

Не «искушать» же подьячих весьма легко, для этого не нужно... вовсе к ним обращаться: «не обижайте никого: кто же вас обижает, с тем полюбовно миритеся без подьячих, сдерживайте слово, и избегайте всякого рода хлопот» («Всякая всячина», стр. 160).

Мера, как видим, предлагалась простая и решительная—не обращаться к суду, чтобы не причинять себе лишних неприятностей и не соблазнять подьячих. О том, чтобы исправить юридический аппарат, журнал императрицы вовсе не думал.

Приведенная в качестве примера трактовка вопроса о суде на страницах «Всякой всячины» характерна для освещения в этом журнале и других вопросов русской действительности. Недостатки режима либо отрицались, либо замалчивались. Отвечая на письма, присылаемые в редакцию, «Всякая всячина» не раз заявляла, что не будет ставить злободневных вопросов, привлекающих общественное внимание: «Сии и сим подобные вещи в наших листах места не имеют; они не на нас положены, но в числе статских, сиречь составляющих существо правления, вмещены быть могут».

Журналистам рекомендовалось писать о достоинствах правительства и не критиковать недостатков русской жизни: «Добросердечный сочинитель изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбити человечество: но располагая свои другим наставления, поставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостью; описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовью и верностью к государю и отечеству, изображает миролюбивого гражданина, искреннего друга, верного хранителя тайны и т. д.» («Всякая всячина», стр. 213).

Сама «Всякая всячина» вовсе не желала касаться общественных пороков, предпочитая говорить иногда о человече-

ских «слабостях». Зато каким благородным негодованием загорался журнальный автор, выступая с критикой некоторых, казавшихся ему возмутительными, фактов. «Многие молодые девушки,— с осуждением писала «Всякая всячина»,— чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через что подымают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего» (стр. 156). Право, могло показаться, что от дурно натянутых чулок происходят все беды российского государства!

При этом «Всякая всячина» не упускала случая преподать свою точку зрения на существенные вопросы современности, иногда прибегая к прозрачным иносказаниям. В № 22 редакция напечатала сказку о том, как некие портные шили мужику новый кафтан, ибо из старого владелец вырос. Добрый приказчик созвал портных, выбрали покрой, решили кроить в запас; между тем мужик дрожит от холода на дворе. Но когда приступили к работе, «вошли четыре мальчика, коих хозяева недавно взяли с улицы, где они с голода и холода помирали». Им приказали помогать портным, однако дело только замедлилось, так как, хотя «сии мальчики умели грамоте, но были весьма дерзки и нахальны: зачали прыгать и шуметь» (стр. 166). Мальчики выкрикивали свои требования, критиковали портных и не поддавались благоразумным уговорам.

Статья эта не окончена, «продолжение впредь сообщу», обещала редакция, тем не менее его не последовало. Нетрудно видеть, что в этой весьма прозрачной аллегории «Всякая всячина» выражала свое (и, разумеется, царицыно) недовольство работой Комиссии по составлению Нового уложения. «Мужику» — населению России — затеяли шить новый кафтан, т. е. приводить в порядок законы, а дерзкие мальчики (читай: группа сочувствовавших крестьянству депутатов) сорвали полезную деятельность «портных», которую они начали по указанию «дворецкого» — самой императрицы. «Мужик» остался без кафтана, он продолжает мерзнуть, но в этом вина не правительства, а добровольных народных заступников, утверждала «Всякая всячина», и нужно негодовать против них, а не против государственной власти.

Можно с уверенностью полагать, что основные материалы «Всякой всячины» принадлежат Екатерине II, при которой Козицкий выполнял функции литературного редактора, потому что она писала по-русски совсем неграмотно, хотя очень много и чрезвычайно охотно.

В журнале участвовали А. О. Аблесимов, Н. Ф. Берг, И. П. Елагин, Г. В. Козицкий, А. П. Сумароков, граф А. П. Шувалов, А. В. Храповицкий, вероятно — его сестра М. В. Храповицкая-Сушкова и другие. П. Н. Берков предполагает, что под псевдонимом «Фалалей» скрывался Д. И. Фонвизин [1].

2

Второй по времени возникновения журнал 1769 года, «И то и се», издавал писатель Михаил Дмитриевич Чулков (1734—1792). Основные черты его творчества — интерес к фольклору, отчетливые национальные тенденции, борьба с классическими жанрами в литературе, стремление создать новые жанры бытовой повести и рассказа. Чулков был связан с демократической массой читателей и в своей литературной деятельности ориентировался именно на нее. Мировоззрение Чулкова политически неотчетливо; он избегает социальных обобщений и чуждается сатиры. Ведущей идеей литературного творчества Чулкова является борьба «маленького человека» за свое место в жизни; для него ясно, что имеющий деньги крестьянин не склонится перед бояриным, и, наоборот, обедневший аристократ значит гораздо меньше разбогатевшего горожанина.

Вслед за выходом в январе 1769 года журнала Екатерины II «Всякая всячина» Чулков начал выпускать еженедельник «И то и се», пародировавший название своего предшественника. Этот журнал не имел сатирического характера, стоял в стороне от политики и не касался наболевших тем. В частности, «И то и се» совсем не затрагивал вопросов крепостного права, столь резко ставившихся в журналах Новикова.

Чулков тесно связан с читателем из городской мещанской малообразованной среды. Ему он рассказывает свои истории, учит житейской мудрости, говорит о всемогущей силе рубля и аршина, поучает деловой опытности и развлекает его. Читатели нуждались в таком издании, об этом свидетельствует успех «Письмовника» Курганова, с которым журнал Чулкова имел много общего: в обоих обширно представлены анекдоты, почти всегда одни и те же и в одинаковых редакциях, взятые из одного источника; народные песни,

---

[1] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 228.

М. Д. Чулков

С портрета маслом работы неизвестного художника

пословицы, рассыпанные Чулковым в тексте, у Курганова выделены в особый отдел, в направлении же отбора они совпадают; наконец, в обоих изданиях есть толковый и мифологический словари. Наличие последних характеризует желание Чулкова дать своему читателю запас необходимых сведений из истории культуры, объяснить фигуры античного Олимпа, истолковать термины делового, преимущественно коммерческого, языка. И в этой близости обоих изданий следует видеть причину того, что журнал Чулкова не переиздавался, в то время как журналы Новикова и Эмина потребовали перепечатки. Злободневные намеки, встречающиеся в журнале «И то и се», устарели, песни Чулков издал в 1770 году, свои стихи — также, этнографические заметки выделил в особую книгу, а в остальном его заменил непрерывно переиздававшийся «Письмовник».

Но если Чулков не вступал в обсуждение общественных проблем, что делали его собратья-журналисты, то он вел оживленную полемику со своими литературными противниками, ввязываясь в спор и с официозной «Всякой всячиной». Отрицая каноны классического искусства и основы его эстетики, Чулков выдвигал жанры рассказа, фельетона, бытового очерка и пародировал высокие образцы героической эпопеи в поэме «Плачевное падение стихотворцев». Он протестует против придворных одописцев, против космических масштабов «знакомцев Пиндара», витающих в надзвездных сферах и не видящих того, что делается на земле.

Журнал «И то и се» заполнял почти целиком его издатель Чулков. Небольшое участие приняли лишь А. П. Сумароков (пятая и шестая недели составлены из его произведений) и М. И. Попов.

В феврале 1769 года В. Г. Рубан, незначительный литератор, живший на средства знатных людей, которым он подносил хвалебные стихи, начал издавать свой журнал «Ни то ни се», в котором печатал преимущественно переводные произведения. Журнал был далек от сатиры, стихотворения издателя, во множестве появлявшиеся на его страницах, носят льстивый характер. В «Ни то ни се» есть переводы и статьи С. Башилова, Ил. Дебольцова, В. Петрова, М. Попова, Я. Хорошкевича и некоторых других авторов.

Приступая к изданию, Рубан объявил, что в листках его будет смесь из прозы и стихов, сочинений и переводов, которая, может быть, покажется полезной, а может быть — и бесполезной. Впрочем, и это не смущает издателя: «Мы уже

будем не первые,— пишет он,— отягощать свет бесполезными сочинениями: между множеством ослов и мы вислоухими быть не покраснеем». Начатое с такой сомнительной установкой издание, естественно, долго не просуществовало и в июле 1769 года, на двадцатом номере, прекратилось.

Журнал «Полезное с приятным» издавался преподавателями Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса И. Ф. Румянцевым и И. А. де Тейльсом с 24 февраля по 25 июля 1769 года. Он был задуман как полумесячное издание, но после двух первых книжек стал еженедельным. Материалом для него служили преимущественно переводы нравоучительных статей из заграничных журналов, например из английского «Зрителя». Статьи эти были довольно серьезного содержания: «О воспитании», «О науках», «Об обхождении и избрании друзей», «О ревности» и т. д.

Материалы «Полезного с приятным» не касались вопросов русской жизни и не претендовали на ее сатирическое освещение, за исключением «Письма Фомы Стародурова» (полумесяц 2), в котором высмеивается скупость богача, жалеющего деньги на приглашение в дом учителей. В завязавшейся между журналами 1769 года полемике «Полезное с приятным» не участвовало.

С 1 марта по 4 апреля 1769 года офицер Василий Тузов издавал ежедневные листки под названием «Поденщина». Первые номера были выпущены вперед на неделю, а затем каждый день стали появляться номера «Поденщины», состоявшие из четырех страничек текста.

Это было странное издание. Тузов писал, что намерен излагать свои собственные и заемные мысли и будет счастлив, если «хотя одна строчка послужит к угодности читателей». В первом листе начинается рассказ некоего маляра о том, как он ехал из Алатыря в Петербург, затем приводится описание петербургской весны. Несколько дней заняты разговорами знахаря, пришедшего лечить издателя от болезни, за этим следуют рассуждения о волшебстве. Далее помещены сведения о «некоторых художествах» — живописи, архитектуре, музыке, перевод из Овидия об искусстве украсить лицо, две переводные басни, наконец, 31 марта печатается несколько строк на арабском языке и последние листы 2, 3, 4 апреля заняты их переводом и толкованием.

Кто такой Тузов, почему он пожелал ежедневно издавать листки «Поденщины», наполненные случайным, разнородным материалом,— остается неясным. Возможно, что он увлекся

новой литературной модой и выступил на издательском поприще, не представляя себе, насколько сложны и ответственны обязанности журналиста, и через месяц бросил надоевшую игру. Впрочем, иногда здесь можно встретить кое-какие наблюдения над провинциальным бытом и полемические реплики в адрес журнала «И то и се», издатель которого М. Д. Чулков с насмешкой отзывался о «Поденщине».

Имя издателя еженедельного журнала «Смесь», выходившего с 1 апреля до конца 1769 года, в точности не известно. В. П. Семенников называл издателем этого журнала Ф. А. Эмина, П. Н. Берков полагает, что «Смесь» издавал Лука Иванович Сичкарев, поэт, переводчик, преподаватель в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе. Приводимые им доказательства достаточно убедительны, но все же вопрос нельзя еще считать окончательно решенным.

«Смесь» не была целиком оригинальным изданием. Исследователю удалось найти для большей половины номеров (22 из 40) источники заимствования — французские журналы 1710—1720-х годов, брошюры и книжки [1]. Но издатель «Смеси» переводный материал умел «перекраивать на свой салтык», приближать к русской жизни, а кроме того, поместил около тридцати самостоятельных статей, главным образом полемических. В журнальной борьбе издатель «Смеси» держал сторону новиковского «Трутня» и насмешливо выступал против «Всякой всячины».

Сатирические материалы «Смеси» были посвящены недостаткам дворянского сословия, в них высмеивались пороки духовенства, чиновничества. Издатель не раз с большим участием говорит о тяжелой судьбе простого народа и относится к нему с большой симпатией. Журнал, например, предлагал своим читателям решить задачу: «Кто полезнее обществу, простой ли мещанин, у которого на фабрике работают около двухсот человек и, получая за то деньги, исправляют свои надобности. Или превосходительный Надмен, коего все достоинства в том и состоят, что на своем веку застрелил 6 диких уток и затравил 120 зайцев?» Всем своим содержанием журнал «Смесь» осуждал «превосходительных Надменов» и говорил о сочувствии к людям незнатным и трудолюбивым.

Особенно сильно эти мысли выражены в статье «Речь о существе простого народа». Автор в форме сатирической па-

---

[1] См. В. Ф. Солнцев. «Смесь», сатирический журнал 1769 года. СПб., 1894.

родии ставит вопрос о различиях между крестьянами и «благородными» людьми, т. е. дворянством. Говорят, что крестьяне очень много работают, равняясь тем с лошадьми или волами. Труд составляет для них естественную потребность, и тем самым они уподобляются шелковичным червям, «беспрестанно испускающим шелк». Поэтому напрасно искать у них разум, с помощью которого благородные люди живут в великолепных домах, спят в мягких постелях, питаются хорошей пищей. «Разумные люди знают, что надобно иметь хороший чин, защиту и место, и тогда уже начинают грабить: ибо приняв все нужные предосторожности, не опасаются наказания».

Можно ли считать крестьян разумными людьми, задается ироническим вопросом автор и сообщает, что в поисках ответа на этот вопрос он обратился к анатомисту. «Сей искусный человек, к великому моему удивлению, показал мне в крестьянской голове все составы, жилы и прочее, способствующее к составлению понятия, и через свой микроскоп увидел, что крестьянин умел мыслить основательно о многих полезных вещах. Но в знатной голове нашел весьма неосновательные размышления: требование чести без малейших заслуг, высокомерие, смешанное с подлостью, любовные мечтания, худое понятие о службе и пустую родословную. Наконец, уверил меня, что и простой народ есть создание, одаренное разумом, хотя князья и бояре утверждают противное».

Доброе желание автора помочь несправедливо обижаемому простому человеку ясно дает себя знать в заключительных строках этой превосходной статьи: «Пусть народ погружен в незнании; но я сие говорю богатым и знатным, утесняющим человечество в подобном себе создании».

Издатель журнала «Адская почта» Федор Александрович Эмин (1735—1770), приехав в 1761 году в Петербург после странствований за границей, принялся за литературную деятельность и превратил ее в профессиональное занятие, из которого извлекал коммерческую выгоду. Один за другим, за какие-нибудь три года, он выпускает объемистые романы — «Непостоянная фортуна, или похождение Мирамонда», «Письма Ернеста и Доравры» и другие. Романы эти, обычно имевшие в основе увлекательный авантюрный сюжет, прослоенный морально-политическими рассуждениями, пользовались большим успехом у читателей и выходили повторными изданиями. Эмин занимался переводами, написал «Историю России» — сочинение весьма недостоверное, а в 1769 году издавал журнал «Адская почта». Он сам указывал, что пишет для «пре-

провождения времени и для пропитания, которое единственно от пера, а часто и несчастного, имею», т. е. литературный заработок был для него средством к жизни.

Недворянский характер имело и мировоззрение Эмина. В своих книгах он не раз заявлял о том, что «купечество есть душа государства», иногда противопоставляя его первому сословию империи. Однако такие выпады сочетаются у Эмина с безусловным признанием основ феодально-дворянского режима. С этой стороны взгляды его отражают положение русской буржуазии XVIII века, не только не являвшейся сколько-нибудь революционным классом, наподобие буржуазии французской, но вполне примирившейся со своим местом в системе российской монархии и мечтавшей о расширении крепостного права; русские купцы хотели иметь рабов, о чем они открыто заявляли в Комиссии 1767—1768 годов.

Считая купечество важнейшей частью государственного организма, Эмин соглашается с понятием социального неравенства и признает, что судьбу каждого человека определяют права, доставшиеся ему по рождению. Он полагает, что крестьянам не нужно образования, что необходимы строгие меры против хлебопашцев, покидающих село для городских заработков, и в этом смысле приближается к позициям дворянских идеологов, ратовавших против развития промышленности в пользу укрепления поместного хозяйства.

С другой стороны, нельзя не отметить ноток сочувствия Эмина низшему сословию. В «Адской почте» он говорит о том, что помещики вольны отнимать у крестьян все, в нарушение божеских и человеческих законов. Но, критикуя злоупотребления крепостным правом, Эмин не поднимается до протеста против его сущности, и конкретная социальная политика, намечаемая им, консервативна; он не стремится разрушить устои феодально-крепостнического государства и пытается приспособиться к его условиям.

Журнал «Адская почта» был ежемесячным изданием. С июля по декабрь 1769 года Эмин выпустил шесть книжек, составленных в виде переписки двух бесов — «Хромоногого» и «Кривого», делящихся друг с другом своими впечатлениями о встречах с людьми, об их речах и поступках. В конце каждой книжки помещались «Ведомости из ада», сатирические известия о прибывающих в ад и т. п.

«Адская почта» представляет собой, в сущности, самостоятельное литературное произведение, принадлежащее к распространенному в XVIII веке жанру сатирических писем, образ-

цом которых являются, например, «Персидские письма» Монтескье, а в России «Почта духов» И. А. Крылова (1789). В письмах бесов можно встретить известные анекдоты и литературные заимствования, но вместе с тем совершенно очевидно, что материалом для Эмина служили действительные происшествия петербургской жизни, ряд описываемых персонажей имел реальных прототипов, что не оставалось тайной для современников. Как отмечает П. Н. Берков, спецификой этого журнала «было именно осмеяние конкретных носителей самых разнообразных «пороков» высшего и, вероятно, среднего общества тех лет, тогда как «Трутень» и «Смесь» касались основных, существеннейших и социально важнейших пороков крепостнического строя — конечно, в пределах своих возможностей и со своих идеологических позиций. Именно это разнообразие «пороков» в галерее «Адской почты» снижает ее социальную значимость, но сохраняет за этим журналом значение небесполезного историко-бытового источника»[1].

В полемике между «Всякой всячиной» и «Трутнем» Эмин решительно принял сторону Новикова. Он упрекал «Всякую всячину» в том, что она «справедливости принадлежащие вещи» называет злонравием, и, осуждая эту тактику, писал: «Знай, что от всеснедающего времени ничто укрыться не может. Оно когда-нибудь пожрет и твою слабую политику. Когда твои политические белила и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видным сделается».

Это и не замедлил показать сатирический журнал Н. И. Новикова «Трутень».

---

[1] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 263.

«ТРУТЕНЬ»

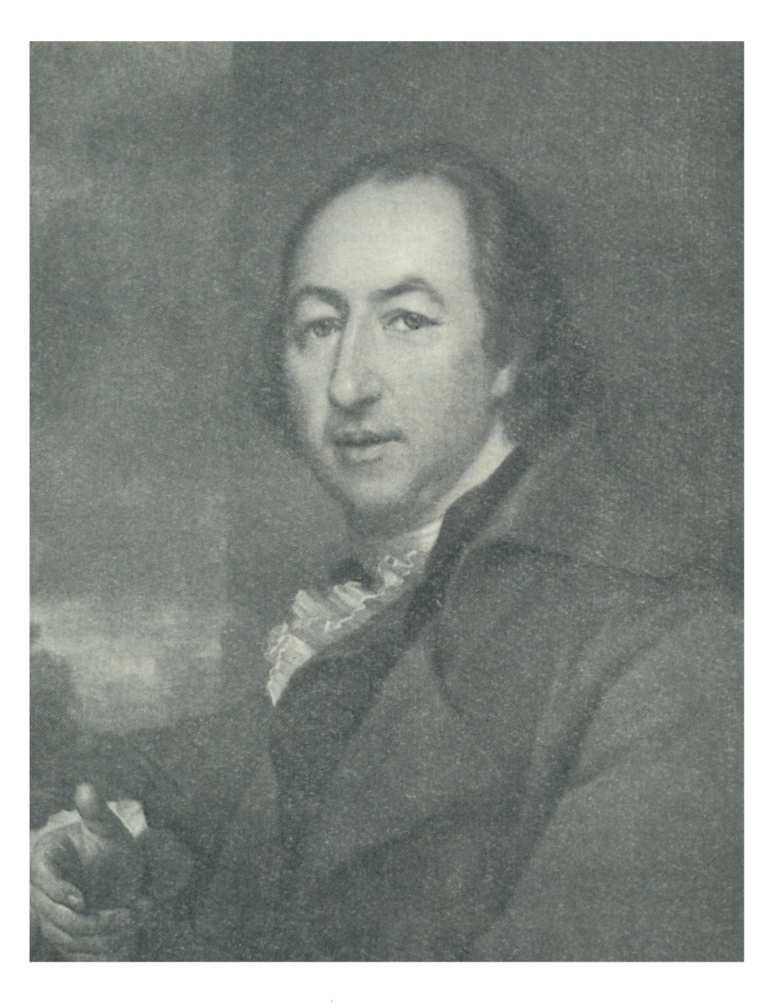
1

Самым содержательным и подлинно сатирически острым изданием 1769 года был журнал Н. И. Новикова «Трутень», и потому, думается, возможно, в нарушение хронологического обзора, выделить и рассмотреть его особо.

По времени своего появления — 1 мая 1769 года — «Трутень» был седьмым журналом, вышедшим после «Всякой всячины». Позже его возникла только «Адская почта» Эмина. Однако именно «Трутень» внес дух боевой полемики в русскую журналистику этой поры, лишь его выступления были по-настоящему смелы и злободневны и приковали к себе общественное внимание. Успех журнала у читателей, таким образом, обусловлен его направлением и характером.

Издатель «Трутня» Николай Иванович Новиков (1744—1818) происходил из дворянской семьи. Отец его служил воеводой в Алатыре и вышел в отставку с чином статского советника. В течение нескольких лет Новиков учился в гимназии при Московском университете. Именно там складываются у Новикова его просветительские интересы, зарождается мысль посвятить свои труды просвещению сограждан, и очень скоро он приступает к практической деятельности на этом поприще.

Когда на престол вступил Петр III, он потребовал на службу всех молодых дворян, по тогдашнему обычаю с детства записанных в гвардейские полки и отпущенных по домам для первоначального обучения наукам. Новиков с января 1762 года стал солдатом Измайловского полка в Петербурге. В связи с началом работы Комиссии по составлению Нового уложения в 1767 году Новиков был прикомандирован к ней, в числе других грамотных офицеров и сержантов, для состав-

Н. И. Новиков

Портрет маслом работы Д. Г. Левицкого

ления письменных документов. Он был назначен «держателем дневной записки», т. е. протоколистом.

Работа в Комиссии ввела Новикова в атмосферу общественно-политической борьбы эпохи, раскрыла перед ним бесправное положение русского крепостного крестьянства, обнажила жестокость помещиков, стремившихся удержать народ в состоянии рабской покорности. Впечатления были очень сильны. Новиков слушал и записывал речи защитников крестьянских интересов — депутатов Коробьина, Козельского, Маслова и других, вникал в требования представителей дворян-крепостников — Глазова, князя Щербатова, и в нем зрело намерение поднять свой голос протеста против насилий и издевательств, чинимых над русским народом.

В 1768 году в связи с окончанием работы Комиссии Новиков ушел с военной службы и до 1770 года, когда он занял должность переводчика в Коллегии иностранных дел, не служил [1], отдавшись издательской деятельности: он начал выпускать журнал «Трутень».

На страницах этого издания перед читателем во всем своем значении возникла крестьянская тема. Новиков открыто заявил, что он сочувствует крепостному народу, и осудил господ, глумившихся над подвластными им людьми. Материалы «Трутня» с большой сатирической глубиной показали полнейшее юридическое бесправие крестьян и дали понять, что вопрос о положении крестьянства в России имеет важнейшее государственное значение. Так, в таком объеме и с такой силой вопрос этот еще не ставился в русской литературе.

Следует, однако, заметить, что из числа периодических изданий 1769 года первой напомнила о крестьянах «Всякая всячина». Предвидя неизбежность освещения этого вопроса в печати, так как он привлекал к себе общественное внимание, редакция правительственного журнала вознамерилась обезопасить его постановку и дать ему наиболее безболезненное для себя направление. С этой целью в одной из статеек «Всякой всячины» («Мне скучилося жить в наемных домах...») был рассказан следующий эпизод:

---

[1] В 1773 году Новиков окончательно вышел в отставку и более на государственной службе не состоял. Как показал П. Н. Берков, утверждение Г. П. Макогоненко о том, что после Комиссии Новиков нигде не служил,— противоречит документальным данным. См. П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.— Л. Изд-во АН СССР, 1952, стр. 221.

«Лишь успел я переехать, то услышал вместо поздравленья с новосельем превеликий крик. Я осведомился, что тому причиною? Мне сказали, что мой сосед милостиво наказывает своих людей на конюшне своей плетьми. Я спросил: часто ли то бывает? Ответствовавли мне, что кроме воскресных дней и господских праздников почти всякий день» («Всякая всячина», стр. 89—90).

Затем автор переходит к другой теме, а в конце статьи вновь возвращается к наказанным дворовым. Однако способов помочь крепостным холопам он не видит и не ищет. Обычная гуманность заставляет сочувствовать им, но мысль о необходимости изменить бесправное положение крестьян не приходит в голову автору. Статья «Всякой всячины» заключается следующей фразой: «Но кто за людей смеет вступиться? Хотя сердце соболезнует о их страдании. О всещедрый боже! Всели человеколюбие в сердце людей твоих!» («Всякая всячина», стр. 95).

«Всели человеколюбие» — и только. Нельзя улучшить положение крестьян, нужно молиться о ниспослании душевных добродетелей их свирепым владельцам... Только такой совет давала «Всякая всячина» и только он был безопасен для государственного режима, который поддерживался этим журналом. После всех ужасов крестьянской жизни, раскрывшихся перед многими представителями российских сословий на заседаниях Комиссии, после громкого требования ограничить бесконтрольную власть помещиков и учредить положение о «собственном рабов имуществе», журнал Екатерины II воззвал лишь к частному милосердию.

Это была попытка уклониться от решения важнейшего злободневного вопроса, намерение внушить журналистам единственный, по мнению императрицы, возможный вид отношения к крестьянской теме в русской литературе. Но мог ли истинный просветитель примириться с таким решением?

Статья «Мне скучилося жить в наемных домах», где сообщалось об избиении крепостных, появилась в тринадцатом листе «Всякой всячины» в апреле 1769 года. Таково было первое упоминание о крепостном праве в современной печати.

Н. И. Новиков приходит к мысли о необходимости дать должный ответ правительственному изданию: в мае 1769 года он начинает выпускать свой журнал «Трутень», в котором показывает крепостное право с его ужасами, как бедствие для народа. Противопоставление господ и крепостных, помещиков

и крестьян подчеркнуто в эпиграфе, взятом из притчи Сумарокова, украшавшем титульный лист «Трутня» в 1769 году: «Они работают, а вы их труд ядите». И само название новиковского журнала было связано с этой основной его темой и полемически направлялось против журнала Екатерины II.

Как известно, названия большинства периодических изданий 1769 года так или иначе перекликаются с именем их «прабабушки» — «Всякой всячины». Эти слова видоизменены Чулковым в «И то и се». После него Рубан, в духе характерного для него самоуничижения, назвал свое издание «Ни то ни се». «Полезное с приятным», повторяя ходовую формулу XVIII века, в сущности, тоже обещает на своих страницах и то и другое, и то и се. Об этом же, примерно, говорит и заглавие «Смесь», под которым легко соединяются и полезное и приятное, и одно и другое.

Названия двух журналов, не являясь перефразировкой «Всякой всячины», были подобраны по другим основаниям. «Поденщина» выходила ежедневно, о чем и оповещало ее заглавие, не содержавшее для XVIII века оттенка значения утомительного, однообразного, неквалифицированного труда. «Адская почта» была названа так потому, что содержала переписку «Хромоного беса с Кривым» и в целом тяготела к форме связного прозаического повествования.

Среди этих названий особняком стоит новиковский «Трутень». Издатель объяснил, что имя это согласно с его пороком, т. е. ленью, что он писать будет мало и станет печатать присылаемые к нему письма, сочинения и переводы. Это объяснение принималось всеми исследователями без попытки разглядеть причину его возникновения. А между тем она существует и также ведет нас к страницам правительственного журнала 1769 года.

В первом номере «Всякой всячины», обращаясь к читателям, издатель писал о себе: «Я, право, дважды в день сыт, и еще остается столько, что и вас покормить можно. Я знаю, что все сие отправляется на чужой счет: ибо доход мой есть дань, мною наложенная на людей, кои более меня работают в поте лица своего; а я то проживаю без толикого труда и часто без благодарности к ним, в чем уже друзья мои часто мне попрекали, говоря, что стыдно в том быть не признательну и что я равных себе мало уважаю, хотя во мне спесь и невелика. Я сей свой порок приписываю дурному воспитанию и хулительному тех людей, с коими обращаюся, примеру, а отнюдь не своей гордости».

Как нужно назвать охарактеризованного выше человека, с чем его можно сравнить? В мире пчел — это трутень. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» объясняет это слово так: трутень — «лентяй, дармоед, тунеяд, бездельный шатун, прихлебатель, живущий без дела, либо на чужой счет... Трутни живут дармоедами, не работая».

Вступая в число журналистов 1769 года, Новиков, естественно, перечитал современные издания во главе со «Всякой всячиной». В предисловии к ней он нашел беглый набросок фигуры представителя сословия господ, живущего чужими трудами. Он воспользовался образом, предложенным журналом императрицы в качестве издателя «Всякой всячины», и, отталкиваясь от него, нарисовал фигуру издателя «Трутня». И то, как он выполнил эту задачу, заслуживает самого пристального внимания.

Бездельник, изображенный во «Всякой всячине», — подлинный трутень, довольный тем, что может жить на нетрудовые доходы. Издатель «Трутня», принимая на себя это неуважительное имя, сознает, что он, как дворянин, живет также за счет других людей, но тяготится этим и желает быть полезным своему отечеству. Где и как? В предисловии Новиков критически оценивает три рода служебной деятельности, предстоящие дворянину,— военную, гражданскую и придворную, в особенности сурово отзываясь о последней.

Полно глубокого смысла сомнение, выраженное в конце этого обзора: «Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы, или ленность, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать, но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать» («Трутень, 1769, л. 1). Нельзя не понять, что упоминанья о лености звучат здесь только отговоркой и что именно нежелание подличать и унижаться заставляет автора отказываться от государственной службы.

Необычайно важен вопрос, который ставит себе автор, заключив приведенное рассуждение: «К чему же потребен я в обществе?» Одним из первых в русской литературе спросил себя об этом дворянский интеллигент Николай Новиков, и ответ прозвучал наиболее достойным образом. «Б е з п о л ь з ы в с в е т е ж и т ь, т я г ч и т ь л и ш ь т о л ь к о з е м л ю, сказал славный российский стихотворец (А. П. Сумароков.— *А. З.*). Сие взяв рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал

иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принесть пользу моим согражданам».

Отвергнув все служебные карьеры, Новиков находит для себя возможным только один вид деятельности — издание трудов своих сограждан, «особливо сатирических, критических и прочих ко исправлению нравов служащих», ибо намерение его — исправлять нравы. Перед нами — сложившаяся программа действий. С виду шутливое предисловие к «Трутню» на самом деле оказывается глубоко продуманным изложением прочно устоявшихся взглядов Новикова и, более того, является напутствием для всех его дальнейших трудов на ниве русского просвещения. Что это были не случайно написанные фразы, показывает факт издания Новиковым в 1766 году двух книг — «Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение детей Промифеевых», в переводе М. Попова, и реестра книг, продаваемых в книжной лавке на Морской улице в Петербурге. Кроме того, он брал на комиссию книгу М. Чулкова «Пересмешник, или славенские сказки» [1]. Следовательно, некоторый издательский опыт у Новикова уже имелся, и, умудренный им, он приступил к выпуску своего журнала.

2

Первые же номера «Трутня» показали, насколько серьезно понимал свой журналистский долг Н. И. Новиков, какими сильными сатирическими средствами он пользовался и как ожесточенно выступила против него официозная «Всякая всячина».

В листе 2 «Трутня», вышедшем 5 мая, Новиков поместил письмо дяди к племяннику с рекомендацией поступать в «приказную службу», т. е. стать чиновником. «Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку». Дядя пишет, что по приезде на воеводство он увеличил число своих крестьян с 60 до 300 и нажил бы больше, если бы «посогласнее» с ним был прокурор. Он советует племяннику проситься на

---

[1] В. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 111.

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
мѣсяцъ май.

Опасно наставленье строго,
Родъ зверства и безумства много.
притч: Р. Сумар:

Печатано вторымъ тисненіемъ
въ санктпетербургѣ.

Титульный лист второго издания журнала «Трутень»

родину прокурором, уверяя, что «коли будет ум, так и еще жалованьев под десяток в год получишь».

Это письмо, говорившее о том, что в судах процветают взятки, что на воеводстве можно нажиться, не понравилось «Всякой всячине». Екатерина II считала, что с началом ее правления все недостатки аппарата монархии уже уничтожены и отошли в прошлое.

Как бы упреждая выступления «Трутня», «Всякая всячина» в номере 19 поместила письмо Афиногена Перочинова, направленное против критики и сатиры вообще. Автор рассказывает о своей встрече с человеком, «который, для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, возмечтал, что свет не так стоит; люди все не так делают; его не чтут, как ему хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал; сего он хотя и не выговаривает, но из его речей легко то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имев таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству».

Заключение письма содержит следующие правила, рекомендуемые «Всякой всячиной» людям: «1. Никогда не называть слабости пороком. 2. Хранить во всех случаях человеколюбие. 3. Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4. Просить бога, чтобы нам дал дух кротости и снисхождения».

Однако этого редакции показалось мало, и потому письмо было усилено таким постскриптумом: «Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить».

Начальственный гневный окрик ясно слышится в этих строках и принадлежит он именно негласному редактору «Всякой всячины» — Екатерине II. Этот тон она сразу усвоила в спорах с непокорными литераторами, и именно так заговорила позже с Фонвизиным, отвечая в «Собеседнике» на его вопросы, обращенные к автору «Былей и небылиц», т. е. к Екатерине II.

Программа уничтожения журнальной сатиры, предложенная императрицей с помощью письма Афиногена Перочинова, вызвала резкую отповедь Новикова, выступившего в V листе «Трутня» 26 мая за подписью «Правдулюбов», которая стала затем постоянным псевдонимом издателя в полемике 1769 года. Новиков писал:

«Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человека обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее называть пороколюбием. По моему мнению больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным снисходит, или (сказать по-русски) потакает...»

Далее Новиков высмеивает попытку «Всякой всячины» разграничить «слабости» и «пороки». «Любить деньги есть та же слабость, — пишет он, — почему слабому человеку простительно брать взятки и обогащаться грабежами... словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно, а беззаконие дело другое».

«Всякая всячина» не замедлила с ответом:

«На ругательства, напечатанные в «Трутне» под пятым отделением, мы ответствовать не хотим, уничтожая оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушными и потатчиками пороков для того, что ему сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение к человеческим слабостям, и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь».

Так заявила «Всякая всячина» в номере 23. Новиков выступил с ответом в VIII листе «Трутня» 16 июня:

«Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна».

«Трутень» упрекал императрицу в плохом знании русского языка, делая вид, что не знает, с кем переписывается и спорит. Дерзость эта не имела еще себе равной. Далее Новиков дает понять, что апломб «Всякой всячины» обусловлен административной властью, находящейся в руках ее издателя:

«Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное, а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-либо право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам; итак, их всех ей уничтожить не можно».

Вслед за этой статьей, подписанной фамилией Правдулюбова, в том же листе 8 «Трутня» Новиков поместил письмо Чистосердова, выступившего в поддержку журнала. Чистосердов предупреждает издателя: в придворных кругах считают, что автор «Трутня» не в свои садится сани и совсем напрасно пишет о знатных людях. «Кто-де не имеет почтения и подобострастия к знатным особам, тот уже худой слуга. Знать, что-де он не слыхивал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали». Чистосердов передает прямую угрозу оскорбленных Новиковым придворных господчиков, напоминавших сатирику о судьбе Антиоха Кантемира, который в самом начале своей литературно-сатирической деятельности был отправлен за границу в должности посла, сначала в Лондон, а затем в Париж, более в Россию не возвратился и умер на чужбине.

«Пишите сатиры на дворян,— говорит Чистосердов,— на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; истребляйте закоренелые предрассуждения и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных: тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь аглинской соли употребление знают немногие; так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. И это будет приятнее для тех, которые соленого есть не любят».

Письмом Чистосердова Новиков предупредил читателей о том, откуда журнал может ожидать себе неприятностей, но не сбавил тона сатиры и не перестал нападать на знатных людей. В XX листе «Трутня» от 8 сентября он пародирует статью, напечатанную 21 августа во «Всякой всячине», и высмеивает редакцию этого журнала под именем «самолюбивого человека». «Самолюбивый» хочет, «чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает; другим похвалу он терпеть не может, думая, что сие от него неправедно отъемлется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, тас-

каяся из дома в дом, ему похвалы возглашали, что, однако, есть грех».

Эта краткая и выразительная характеристика журнала «Всякая всячина» была одним из эпизодов полемики, которую вел «Трутень» с журналом Екатерины II. Новикова поддерживали в этой борьбе журналы «Смесь» и «Адская почта». Постепенно «Всякая всячина» стала выходить из боя, убедившись, что ей трудно состязаться с «Трутнем» в остроумии и доказательности, и поле сражения осталось за Новиковым.

3

Спор о характере и направлении сатиры, разгоревшийся в 1769 году между «Трутнем» и «Всякой всячиной», в котором приняли участие и некоторые другие журналы, имел чрезвычайно важное и принципиальное значение. Екатерина II старалась привить русской литературе охранительные тенденции, она желала, чтобы писатели поддерживали монархию и прославляли государственный строй России, закрывая глаза на его огромные недостатки. Литература, по ее мнению, должна была защищать незыблемость монархического принципа и не имела права выступать с критикой режима. Сатира при этом объявлялась действием незаконным, а сатирики именовались злыми, бессердечными людьми, которые хотят «за все, про все кнутом сечь». Именно таким, в представлении императрицы, был издатель журнала «Трутень».

В противоположность «Всякой всячине» Новиков выступал за смелую, действенную сатиру «на лица», требовал разоблачения конкретных носителей зла, не признавал мнимой «сатиры на пороки», бессильной что-либо исправить, кого-либо пристыдить и остеречь. Он умел затронуть общественные язвы, задеть больные стороны социальной жизни, чтобы сделать их более ощутимыми и постараться лечить. Новиков не посягал на основы монархии, не думал об уничтожении крепостного права, но злоупотребления им стремился прекратить и горячо сочувствовал положению крестьян.

На страницах «Трутня» Новиков представил читателю несколько кратких и выразительных характеристик господ, которые безвинно мучат крепостных людей и не признают за крестьянами права на человеческое достоинство:

«Змеян, человек неосновательный, ездя по городу, надседаяся кричит и увещевает, чтоб всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям;

чтоб не прощал им ни малейшей слабости; чтоб они и взора его боялись; чтобы они были голодны, наги и босы, и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании» (лист VI).

Его превосходительство господин Недоум «ежечасно негодует на судьбу, что определила она его тем же пользоваться воздухом, солнцем и месяцем, которым пользуется простой народ. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ был вовсе истреблен» (лист XXIII).

«Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только потому, что они крепостные его рабы... Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы» (лист XXIV).

Несколько резких, лаконичных штрихов — и перед нами этюды к большому социальному портрету российского дворянства, сословия землевладельцев-крепостников,— портрету, который в полном объеме будет написан мастерами русского критического реализма XIX столетия. Однако Новиков не ограничивается только такими набросками. Он идет дальше и развертывает в «Трутне» типичную картину взаимоотношений помещика с крепостными, публикуя переписку барина со старостой принадлежащей ему деревни. Документы эти написаны Новиковым с таким знанием подлинной жизни, что мало чем отличаются от дошедших до нас хозяйственных бумаг XVIII века. Писательское уменье Новикова сказалось здесь в драматическом эпизоде с Филаткой, в безысходности тона крестьянского письма, в сухой жестокости параграфов помещичьего указа.

Староста Андрей («Андрюшка», как называет он себя в письме к господину, ибо крестьянам в обращении к помещикам была предписана только уничижительная форма имен) докладывает помещику о деревенских делах. Оброк собран, но недоимки велики: «крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился», был падеж скота. Неплательщиков секут на сходе, но денег от этого у них не прибавляется. Деревню разоряет соседний помещик Нахрапцев — «землю отрезал по самые гумна, некуда и курицы выпустить», да еще грозится судом и тюрьмой. «С Филаткой, государь, как поволишь?» — спрашивает староста. Он лето прохворал, хлеба не

сеял, работать в доме некому, лошади пали, что с ним делать? (лист XXVI).

Затем, в листе XXX, Новиков опубликовал письмо Филатки барину и копию с помещичьего указа, отправленного в деревню. Перед читателем раскрывается — и нужно сказать, впервые в нашей литературе — правдивая во всех деталях и страшная в своей безыскусственности картина крестьянской жизни.

«По указу твоему господскому,— пишет Филатка, а точнее — деревенский грамотей от его имени,— я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальные, только мне взять негде, остался с четверыми ребятишками мал мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем; над ребятишками сжалился мир, видя нашу бедность: им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги...»

Филата подкосило несчастье: «Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало-помалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином».

Бедняк обращается к барину с горячей просьбой, называет отцом, умоляет смилостивиться. «Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься?»

Почетное имя отца меньше всего подходило для хозяина Филата, и Новиков остроумно показывает это в письме старосты, где, в частности, говорится: «С Антошки, за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублев. И он на сходе высечен. Он сказал: я-де это сказал с глупости, и напредки он тебя, государь, отцом называть не будет». Какой тут «отец»! Это кровопийца, беспощадный мучитель, жадный корыстолюбец, строящий свое богатство на несчастии других людей.

И Новиков в деловитых и жестких пунктах «копии с помещичьего указа» выявляет натуру свирепого крепостника-помещика, диктующего свои требования населению вотчины. В них нет ничего необычного — так всегда разговаривали господа со своими крестьянами, и эта будничность помещичьих приказаний подчеркивала трагизм положения народа.

Барин велит «человеку нашему Семену Григорьеву» ехать в деревню за счет старосты, по прибытии старосту на сходе высечь нещадно, сменить его и взыскать сто рублей штрафа. И далее каждый пункт, а всего их шестнадцать, излагает требования «взыскать», «взять в господский двор», неплательщиков высечь... Филатке же приказано объявить, «чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок бездоимочно».

Помещик не пожелал прийти на помощь своему крепостному. Зато это сделали крестьяне, которые оставили ему корову, чтобы не уморить с голода ребятишек. Новиков приводит отличный пример народной взаимопомощи, показывая, насколько гуманнее ведут себя простые люди, как человечно они относятся к окружающим. Моральная сила тут на стороне крестьян, к ним и обращены все симпатии Новикова.

Писатель не жалеет сатирических красок, описывая дворянские нравы, особенно резко выступая против увлечения иностранщиной и презрения к русскому, что было очень заметным явлением в привилегированном обществе этой эпохи. Он осуждает модников, вертопрахов, щеголих, находя при этом остроумные литературные приемы.

Иные сатирические заметки и пародийные объявления «Трутня» по глубине своего содержания стоят большого литературного полотна, богатого деталями и украшениями. Таково, например, объявление, напечатанное в VI листе журнала:

«Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Коротко и метко Новиков высмеял этого «поросенка», набравшегося низкопоклонства перед Западом и неуважения к взрастившей его России. Их было много в то время, таких «русских французов», и Новиков видел, какое большое зло представляют они для своего отечества.

Зато с большим уважением «Трутень» говорит о «среднего рода людях», разночинцах, которые не обладают преимуществами аристократического происхождения, но имеют такие высокие способности и твердые моральные принципы, что оказываются достойными государственного доверия. В листе IV своего журнала Новиков представил читателям трех кандидатов на важное служебное место. Первый из

них — дворянин «без разума, без науки и без воспитания... Душ за ним тысячи две, но сам он без души». Однако он состоит в родстве со знатными боярами. Второй искатель места тоже дворянин, человек недурной, но для будущей деятельности не очень подготовленный. «Третий проситель места, по наречению некоторых глупых дворян, есть человек подлый, ибо он от добродетельных и честных родился мещан. Природный его разум, соединенный с долговременным и в России и в чужих краях учением, учинили его мужем совершенным». Он отлично служил в армии, покрыт ранами, верный друг, благоразумный отец, честный судья. «Словом, он показал собою, что не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей».

Характеристики трех кандидатов составлены так, что, кажется, не может быть неясности в том, кто более всего подходит для назначения — конечно же, третий претендент, разумный, прошедший военную школу, образованный и добродетельный мещанин. Так думает и Новиков, однако он знает, что распределение должностей вовсе не связано с личными достоинствами кандидатов, и, прямо не заявляя об этом читателю, предлагает ему в заключение решить задачу, угадав, «глупость ли, подкрепляемая родством с боярами, или заслуги с добродетелью наградятся?» И вовсе не надо обладать особой проницательностью, чтобы человек, мало-мальски знакомый с жизнью, после этого сказал: «Конечно, место будет отдано глупому, но знатному дворянину...».

В том же IV листе «Трутня» рассказано о том, как жестоко поплатился купец, осмелившийся заявить, что богатая барыня украла у него драгоценное украшение. «Боярыня не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетьми спустила. Ништо тебе, бедный купец!» Суд принадлежит правящему сословию, и правды в нем искать нечего,— к такой мысли подводит читателя эта, наверное, невыдуманная история.

В письме из Москвы, напечатанном в XIII листе журнала, была рассказана еще одна «истинная быль» о том, как судья обвинил честного подрядчика в краже часов, которые на самом деле похитил у него племянник. Подрядчика жестоко истязали в суде, и допросы под плетьми чинились с тем большей строгостью, что судья был должен подрядчику по векселю. Когда случайно вор был обнаружен и мнимого преступника потребовалось освободить, суд принял такое решение: «вора племянника яко благородного человека, дяде наказать ке-

лейно, а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут».

Смелая социальная сатира «Трутня» вызывала сильное недовольство «Всякой всячины», не раз выступавшей с прямыми угрозами по его адресу. Другие журналы также принимали участие в завязавшейся полемике, причем почти никто из них не поддерживал «бабушку» изданий 1769 года. Журналисты, несомненно, понимая, с кем они имеют дело, под маской анонимности высмеивали «Всякую всячину». Они заявляли, что «бабушка» выжила из ума, стала учиться «лягушечья языка», что она желает ко всем «причитаться в родню», о чем вовсе ее не просят, и так далее. Это обижало редакцию «Всякой всячины», пытавшуюся, и всегда неудачно, отвечать насмешникам и спорить с ними. Но спускать флаг Екатерина II еще не собиралась, хотя понимала, что план ее — создать полезное для себя литературно-общественное мнение — никак не удался.

«Всякая всячина» перешла и на 1770 год и на протяжении января — апреля выпустила 18 номеров. Содержание их было совсем незначительным: печатались нравоучительные рассуждения, не представлявшие никакого интереса для читателей, так что окончание выхода «Барышка Всякой всячины» прошло совершенно незамеченным.

Однако и «Трутень», наученный опытом литературно-политической борьбы, в 1770 году должен был несколько убавить резкость своих нападок и сатирических выступлений. Причину такого ослабления тона Новиков указал в новом эпиграфе журнала. Там стояло: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много», и смысл этих строк Сумарокова как нельзя лучше характеризовал обстановку второго года издания «Трутня».

Новиков охотно подчеркивал вынужденность такой перемены тона. Он напечатал несколько писем читателей, в которых выражалось недовольство ослаблением журнальной сатиры: «Господин «Трутень»! Кой черт! что тебе сделалось? ты совсем стал не тот; разве тебе наскучило, что мы тебя хвалили, и захотелося послушать, как станем бранить?.. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего...» (лист XV). А через номер, в листе XVII Новиков заявил о прекращении издания.

В заключительном листе он писал: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша

обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение, тому причиною». Можно без большой ошибки полагать, что «Трутень» закрылся под административным нажимом: к этой разгадке ведут и общее направление и лучшие материалы журнала. Но к своему концу «Трутень» пришел, если можно так сказать, и естественным путем: он был создан Новиковым для противодействия фальшивым разглагольствованиям «Всякой всячины», для того чтобы противопоставить ее ханжеским фразам о «милосердии» к крепостным крестьянам истинную картину их состояния. Как только закрылся журнал императрицы и отпала нужда в том, чтобы парализовать его вредное влияние на общество, прекратилось издание «Трутня».

Однако Новиков совсем не думал оставлять журнальное поприще. В июне 1770 года в Петербурге вышла книжка нового ежемесячного журнала под названием «Пустомеля». Как показали исследования, издателем его был Новиков, действовавший на этот раз через подставное лицо, некоего фон Фока, объявившего себя в типографии издателем этого журнала. О связи же «Пустомели» с «Трутнем» говорят некоторые материалы, помещенные на его страницах.

В своем новом журнале, как отметил П. Н. Берков [1], Новиков помещал произведения «не только критического, но и положительного характера. Словно Новиков хотел дать своим читателям, в противовес галерее отрицательных персонажей, также и образы героев положительных». Речь идет о повести «Историческое приключение», напечатанной в первой книжке «Пустомели», где описывается воспитание Добросерда, образованного дворянина, могущего служить примером для всех представителей своего сословия. П. Н. Берков считает, что Новиков «поставил целью дать образ положительного русского героя своего времени, русского по воспитанию, по складу характера и по поведению. Это была п е р в а я в русской художественной повествовательной литературе попытка решения проблемы положительного героя. Новикову, таким образом, принадлежит большая заслуга, хотя решал он ее, оставаясь на эстетической позиции классицизма (Добросерд, Добронрав, Миловида, Осторожна) и на идеологической платформе передового дворянина» [2].

В «Пустомеле» были помещены две театральные рецензии — об игре известного актера И. А. Дмитриевского и о

---

[1] П. Н. Б е р к о в. История русской журналистики XVIII века, стр. 273.

[2] Там же, стр. 275.

представлении на сцене придворного театра в Петербурге трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». Можно с полным основанием сказать, что это были первые квалифицированные театральные рецензии в русской печати, и в этой области журналистики, как и во многих других, Новиков выступил зачинателем, открывавшим новые жанры и виды печатных материалов.

Второй номер «Пустомели» был последним. В нем Новиков поместил «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну», перевод с китайского А. Л. Леонтьева. В этой статье говорилось о долге и обязанностях государя и вельможи, и при чтении ее невольно возникали сопоставления с тем, что происходило в России. А дальше Новиков напечатал стихотворение Д. И. Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», в котором легко усматривались атеистические ноты и был весьма заметен «дух вольнодумства». Видимо, этих материалов оказалось достаточно для того, чтобы дальнейшее издание «Пустомели» было прекращено.

Гораздо осторожнее повел себя М. Д. Чулков. Он также не спешил покинуть журнальное поприще, и в мае 1770 года начал издание ежемесячного журнала «Парнасский щепетильник». Название это требует пояснения. Щепетильник — продавец модных галантерейных товаров. Так называлась комедия В. И. Лукина, появившаяся на сцене и в печати в 1765 году. Герой ее — не купец, а отставной офицер недворянского происхождения. Продавая свой товар знатным покупателям, он вслух обличает их пороки и слабости. Презрительному отношению к купцам, свойственному дворянскому кругу, был противопоставлен в этой комедии третьесословный положительный герой, стоящий на голову выше развращенного и пустого дворянского общества. Такие социальные симпатии Лукина вызвали резкие нападки на него дворянских литераторов во главе с Сумароковым. Но разночинец Чулков в полемике 1769 года не выступал против Лукина и взял профессию героя его комедии для названия своего журнала.

«Парнасский щепетильник», Чулков, торгует литературным товаром, и в первой книжке журнала продает с аукциона двух стихотворцев — драматического и лирического. Нельзя утверждать, что в том и другом случае Чулков метил в какое-то определенное лицо, он высмеивает шаблоны классицистической литературы и общие недостатки ее представителей, однако отдельные конкретные черты указывают на

ПАРНАССКОЙ
ЩЕПЕТИЛЬНИКЪ.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ
1770 года.
ЮНЬ.
Въ Санктпетербургѣ.
цѣна по 15 копѣекъ екземпляръ.

Титульный лист журнала «Парнасский щепетильник»

некоторых современных литераторов (А. Ржевского, М. Хераскова).

Общий замысел нового журнала остался неосуществленным. Чулков всемерно опасался, чтобы его издание «не показалося кому-нибудь подозрительным», и потому избегал даже намеков на злободневные вопросы. Начиная со второй книжки в «Парнасском щепетильнике» все чаще публикуется нейтральный материал — переводы из Овидия, статьи исторического характера и даже «Экономические примечания о пользе огородных кореньев, к поварне принадлежащих» (сентябрь). В журнале участвуют В. Рубан, И. Ванслов, И. Посников, ничего интересного там не поместившие. Несмотря на явную неудачу журнала, Чулков продолжал выпускать его до конца 1770 года. Дело в том, что он собрал деньги с подписчиков вперед и желал честно выполнить свое обязательство, хотя бы и в убыток себе, о чем известил читателей в «изъяснении», напечатанном на последних страницах журнала.

В 1771 году в России с июля по декабрь выходил только один журнал «Трудолюбивый муравей» В. Г. Рубана, печатавшийся в количестве 400 экземпляров. За исключением В. И. Майкова, в нем принимали участие малоизвестные литераторы, и материалы издания имеют самый незначительный характер. В следующем, 1772 году, Рубан издал журнал «Старина и Новизна», часть I, и в 1773 г.— часть II, в которых печатал исторические статьи и материалы, переводы из западноевропейских писателей, речи, похвальные слова монархам, стихотворные надписи на семейные праздники вельмож и т. д.

Таким образом, после бурного расцвета в 1769 году число периодических изданий сразу уменьшилось, причем они ухудшились качественно. Журналистам быстро дали понять, с какой осторожностью могут они касаться действительно наболевших вопросов русской жизни. Однако это вовсе не значит, что сатира вообще исчезла в эти годы из русской печати.

«ЖИВОПИСЕЦ»

1

Исчерпав возможности, которые могла представить ей форма еженедельного издания, и разочаровавшись в ней, Екатерина II, однако, не думала прекратить попытки руководства общественным мнением в России. Но если не вышла затея с Комиссией, не удалось подчинить своему влиянию непокорных журналистов, что можно было предпринять еще? Остался театр — верное средство воздействия на умы, изрядная школа морали и воспитания. К 70-м годам XVIII века театр занимал уже видное место в жизненном обиходе русского общества, имел сложившийся репертуар и отличных актеров. Слово, звучащее со сцены, могло наставлять умы зрителей, воздействовать на их сердца.

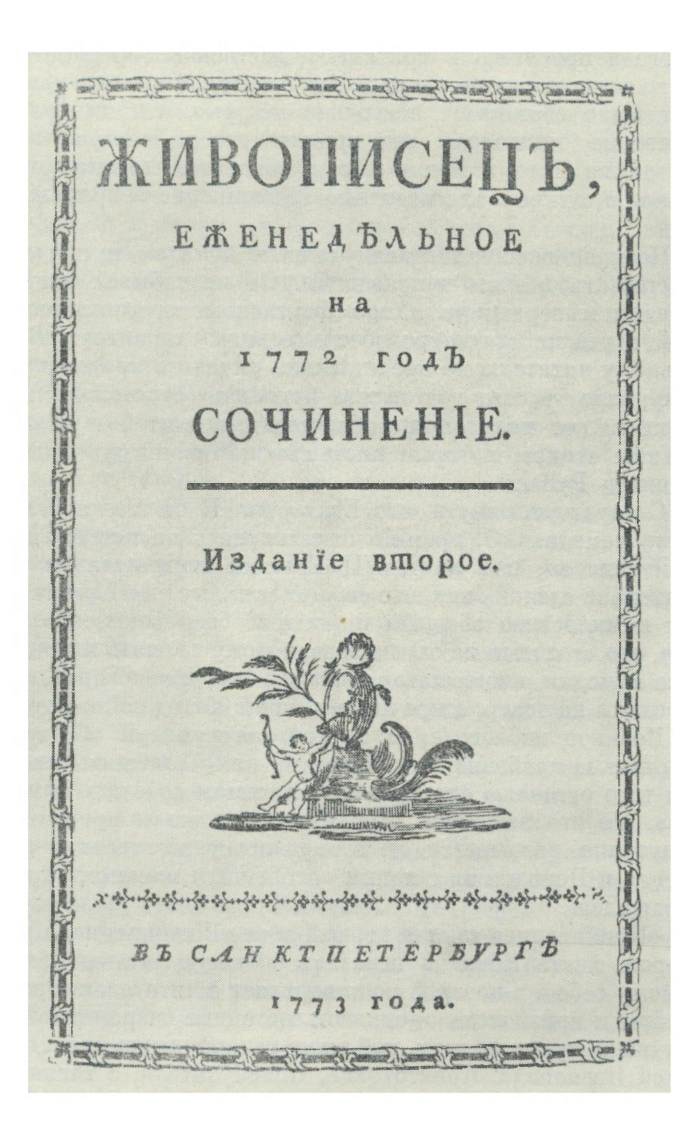
Со свойственной ей энергией Екатерина II поспешно берется за перо драматурга, едва успев закончить издание «Всякой всячины». В 1771 году писались и в 1772-м вышли одна за другой на сцену придворного театра пять комедий императрицы: «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьею» и «Невеста невидимка». Художественный уровень этих пьес был весьма низок, но мысли и требования автора проступали в них вполне отчетливо. Екатерина II со сцены отвечала своим оппонентам в Комиссии по составлению Нового уложения, «Трутню» Новикова, всем, кто видел недостатки управления Россией и имел самостоятельное мнение о политике самодержавия. Продолжая, как это делала «Всякая всячина», высмеивать сплетни, глупость людскую, фанфаронство, невежество, Екатерина II вместе с тем включила в текст комедий много современных намеков, особенно оже-

сточенно нападая на дворянских либералов. Пьесы должны были убеждать зрителей в том, что разумное правительство печется о благе России, а немыслимые прожектеры и критиканы ему в этом препятствуют.

Комедии императрицы успеха на сцене не имели, эта новая попытка руководства умами окончилась также неудачею, но придумывать новые способы не пришлось: вскоре события крестьянской войны 1773—1775 годов заставили правительство, откинув литературные формы, железной рукой насаждать порядок в российских губерниях. К этому времени и дворянство, до смерти напуганное выступлением народа, забыло о либеральных разговорах и поторопилось поддержать императрицу.

Новой попытке Екатерины II произвести влияние на умы с помощью наскоро изготовляемого театрального репертуара было оказано энергичное противодействие со стороны все того же Новикова. В середине апреля 1772 года он приступил к изданию еженедельного сатирического журнала «Живописец». Обличения помещиков, насмешки над дворянскими нравами, показ крестьянской нужды и горя, критика правительственной администрации, суда раздались со страниц нового издания, сразу напомнив читателю лучшие номера «Трутня». Журнал хорошо был принят читателем. Первая часть печаталась тиражом 636 экземпляров, вторая — 758; ее номера еще продолжали выходить, а уже первая часть была напечатана вторым изданием.

Свой журнал «Живописец», как это было и с «Трутнем», Новиков постарался связать с литературными выступлениями императрицы. Он посвятил,— как говорили в XVIII веке, «приписал» — его «Неизвестному сочинителю комедии «О, время!», т. е. Екатерине II. Новиков произносит ряд комплиментов державной сочинительнице, искусно подсказывая ей цели настоящей сатиры и делая вид, что именно этим задачам и будет следовать «Живописец», как бы нимало не отступая от программы, намеченной в комедиях царицы. Он призывал: «Взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки: вы найдете толпы людей, достойных вашего осмеяния и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославлению вашему осталось. Истребите из сердца своего всякое пристрастие, не взирайте на лица: порочный человек во всяком звании равного достоин презрения» («Живописец», 1772, л. 1).

ЖИВОПИСЕЦЪ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
на
1772 ГОДЪ
СОЧИНЕНІЕ.
Изданïе второе.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1773 года.

Титульный лист журнала «Живописец»

Разумеется, Екатерина II в своих комедиях вовсе не предполагала прибегать к критике общественных недостатков и уж во всяком случае взирала бы на лица. Однако «приписание» было составлено настолько искусно, что императрице ничего не оставалось, как принять его за чистую монету. Нельзя же было, в самом деле, разъяснять, что она вовсе не думала о сатире и что издатель «Живописца» неправильно ее понял.

Новиков воспользовался удачным началом и продолжал действовать в этом направлении. Он не забывал расточать похвалы императрице, в промежутках между ними печатая крайне резкие статьи разоблачительного характера. Внимательному читателю не представляло никакого труда отделить в журнале то, что составляло истинную сущность взглядов Новикова, от похвальных обязательных статей и поздравительных стихов, которые поставлял «Живописцу» казенный одописец Рубан.

Следует упомянуть, что Екатерина II от имени «сочинителя» комедии «О, время!» откликнулась на посвящение ей «Живописца», и в листе VII Новиков напечатал ее ответ. Екатерина сделала вид, что ее удивляет высокая оценка комедии и милостиво обещала присылать свои сочинения, сообщив, что «готовых не случилось», потому что пять месяцев писала комедии, «коих пять готовых имею, и некоторые из них отосланы на театр, а прочие туда же в поход собираются».

Новиков поблагодарил сочинителя комедии «О, время!» за ответ и прибавил, что имеет «к нему сообщить многое и для того оставляю ответствовать письмом до следующих листов». Но это вежливое знакомство тут же и прекратилось. Екатерина, разумеется, не собиралась участвовать в «Живописце» и Новиков ни с каким «особенным письмом» к ней не обращался.

«Приписание» заняло первый лист «Живописца», а уже во втором листе Новиков печатает большую статью «Автор к самому себе», в которой разговаривает с читателем о задачах сатиры и критически оценивает состояние современной литературы и журналистики, публикуя сатирические оценки писателей Невпопада, Кривтотолка, Нравоучителя, а также сочинителей трагедий, комедий и пастушеских идиллий. Под масками этих персонажей угадываются имена В. Петрова, Лукина, Чулкова, Хераскова, хотя замечания Новикова далеко выходят за рамки отдельных личностей и безусловно имеют обобщающее значение. В самом деле, как остроумно и

метко Новиков высмеял писателя, который «сочиняет златой век!». Он изображает Блаженство в виде пастуха. Невинность в виде птиц поднебесных и Добродетель в виде прелестной пастушки в белом платье. Сочинитель восхищен нарисованными им картинами, но сам, хотя и знает «всю цену завидныя сея жизни, однако ж живет в городе, в суетах сего мира, а сие, как сказывают, делает он ради двух причин: первое, что в наших долинах зимою много бывает снегу, а второе, что ежели бы он туда переселился, то городские жители совсем бы позабыли блаженство сея жизни. Читатель ему ответствует старинною пословицею: чужую душу в рай, а сам ни ногой — бедный автор, ты других и себя обманываешь!»

Собеседник автора, представляя ему характеристики различных типов писателей, в заключение пугает его беспощадными критиками и призывает оставить мысль о журнале. Но автор — Новиков отвечает ему одним словом: «Нельзя». Он знает, что на избранном им пути встретятся многие беды и препятствия, однако решение его непреклонно: он принимает на себя звание Живописца и будет изображать «наисокровеннейшие в сердцах человеческих пороки». И тогда собеседник дает ему последний совет — слушать критические замечания какого-либо разумного и доброжелательного друга и никогда не разлучаться «с тою прекрасною женщиною, с которою иногда тебя видал: ты отгадать можешь, что она называется Осторожность».

Совет этот был благоразумен, но, преподав его себе, Новиков не думал удерживаться и сразу же выступил с гневными критическими статьями. В 3-м и 4-м листах «Живописца» он поместил сатирические зарисовки врагов просвещения и культуры — щеголя Наркиса, Худовоспитанника, Кривосуда, Щеголихи, Молокососа, Волокиты. По общему замыслу эта статья заставляет вспомнить первую сатиру Кантемира «На хулящих учения. К уму своему», однако выведенные в ней персонажи — это уже несколько иные, современные Новикову фигуры, на сорок лет моложе своих собратьев, описанных Кантемиром, но не уступающие им в своей вражде к просвещению.

Нельзя не привести верно и выразительно очерченный Новиковым портрет Худовоспитанника. Он считает, что офицеру не нужны науки, если есть уменье рубить шпагой. Худовоспитанника можно назвать храбрым офицером, но полк доверять ему нельзя — «он ничему не учился, ничего не чи-

тал и ничего не знает». Вынужденный выйти в отставку, «Худовоспитанник приезжает в другую неприятельскую землю, а именно в свое поместье». Цитату здесь следует прервать, чтобы дать возможность читателю оценить и смелость и точность этого выражения Новикова. Закоренелый крепостник и насильник является в свои деревни как наглый завоеватель и видит в крестьянах отъявленных врагов. «Служа в полку, собирал он иногда с неприятелей контрибуцию, а здесь сечет и мучит правоверных. Там не имел он никакия жалости, нет у него и здесь никому и никакой пощады, и если бы можно было со крестьянами своими поступать в силу военного устава, то не отказался бы он их аркибузировать» (расстреливать. — *А. З.* «Живописец», ч. I, л. 3).

2

В одном из первых листов «Живописца», а именно в пятом, Новиков поместил наиболее сильное и значительное выступление по крестьянскому вопросу — «Отрывок путешествия в*** И*** Т***». Этому анонимному произведению суждено было приковать к себе внимание современных ему читателей и сделаться предметом научного обсуждения в последующие годы, вплоть до наших дней.

«Отрывок путешествия» снабжен пометой: «Глава XIV» и как бы представляет собой лишь часть какого-то большого сочинения. В конце его сказано: «Продолжение будет впредь». Однако прошло много времени и разыгрались крупные споры, прежде чем обещанное продолжение увидало свет, да и по характеру своему оно несколько отличалось от начала. Заметим попутно, что наименование этой статьи «отрывком» было чисто литературным приемом, вызванным требованием осторожности. Издатель как бы произвел разведку своей публикацией начала «Отрывка», выслушал мнения различных групп читателей — и в соответствии с обстановкой смягчил затем силу журнальной сатиры. Произведение же в целом уже находилось в руках Новикова: не забудем, что в третьем листе он просил авторов, «чтобы сообщаемые сочинения присланы были с окончанием».

Статья сопровождалась следующим примечанием издателя: «Сие сатирическое сочинение под названием путешествия в*** получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою нациею, то не

осмелился бы читателя моего попотчевать с этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато».

Горько и солоно... Трудно найти более верное и краткое определение жизни крепостных помещичьих крестьян, которую описал неизвестный путешественник. За три дня своей поездки он не нашел ничего, «похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречалися со мною в образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение». Путешественник всюду расспрашивал о причинах крестьянской бедности и «всегда находил, что помещики их сами тому были виною». И он решается действовать: «С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!» [1]

Перед глазами читателя встает деревня Разоренная, через которую проезжает путешественник. Развалившиеся хижины, крытые соломой, теснятся друг к другу. Всюду бедность и грязь. Людей не видно: они на барщине, работают в поле. В избе, куда заходит путешественник, он видит трех младенцев, оставленных без всякого присмотра, и спешит подать им помощь. Дурной воздух вызывает у него обморок. Приходя в себя, он просит воды, но пить ее не может «по причине худого запаха». Лучшей воды нет во всей деревне.

Крестьянские дети насмерть запуганы своим барином и боятся подойти к коляске путешественника. Они кричат: «ай! ай! берите все, что есть, только не бейте нас! Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испугались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил: да! чего испужались... ты нас обманул... на этом барине красный кафтан... Это никак наш барин... он нас засечет. Вот плоды жестокости и страха, о вы, худые и жестокосердые господа! вы

---

[1] Неверно было бы думать, что выражение «некоторые села» означает, будто путешественник не везде встречал «бедность и рабство» и знает села, где царит благоденствие: буквальный смысл слов и общий контекст «Отрывка» говорят о том, что из множества бедствующих селений путешественник описывает только некоторые, а в остальных, виденных им, картина в сущности та же. См. об этом: Н. В. Баранская. Еще об авторе «Отрывка путешествия в*** И*** Т***» («XVIII век», сб. 3. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 229).

дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей».

«Отрывок путешествия» написан сжато и сильно. Нищета и рабство крепостной деревни сквозят из каждой его строки. Очевидец крестьянских бедствий не скрывал своего негодования против помещиков, которые не имеют никакой заботы «о сохранении здоровья своих кормильцев». Пятый лист «Живописца» возбудил толки среди читателей и вызвал недовольство тех из них, кто увидал себя в лице владельцев деревни Разоренной.

В своей статье «Русская сатира в век Екатерины» Н. А. Добролюбов особо выделил этот «Отрывок», поразивший его антикрепостническим духом. Невысоко оценивая в целом сатирические выпады журналов XVIII века, которые не выступали против коренной причины всех бед русской жизни — самодержавия, а критиковали по мелочам, он писал: «Гораздо далее всех обличителей того времени ушел г. И. Т., которого «Отрывок из путешествия» напечатан в «Живописце». В его описаниях слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе». Приведя далее обширные цитаты из «Отрывка», Добролюбов замечает: «Тирада эта очень резка, и, кажется, тогдашнее благочиние вообще строго посмотрело на эту статью. Некоторых мест из нее даже нельзя было напечатать. В одном месте издатель делает примечание: «Я не включил в сей листок разговоров путешественника с крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может». Видно, и в то время существовали «некоторые причины», мешавшие писателю говорить откровенно всю правду, как скоро он удалялся от тех покровов, под которыми ратовала тогдашняя сатира вообще» [1].

Добролюбов находит, что «Отрывок» гораздо глубже, чем остальные материалы «Живописца», ставит проблему крепостного права, видя в нем «источник зол в народе». Он считает, что в этой статье «бросается сильное сомнение на законность самого принципа крепостных отношений» [2]. Никакие другие материалы сатирических изданий 1769—1774 годов этого вопроса не пытались затрагивать.

Именно так поняли «Отрывок» и современные читатели. И прежде чем продолжить печатание «Отрывка», Новиков

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II. М., 1935, стр. 170—171.

[2] Там же, стр. 174.

бакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истинна перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня *Разоренная* поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около двадцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другаго, огорожены изсохшими плетнями, и покрыты отъ одного конца до другаго, сплошь соломою. Какая нещастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостію ихъ господина! Избы, или лучше сказать бѣдныя развалившіяся хижины, представляютъ взору путешественника оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязію, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ временемъ. При въѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День тогда былъ жаркій; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогою, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извощикъ мой остановился

*Страница из «Живописца» с текстом «Отрывка путешествия в*** И*** Т***»*

счел необходимым предварить его некоторыми пояснениями, чтобы отвести от своего журнала угрозу закрытия, как можно думать, нависшую над ним после столь смелого выступления. Так, в 13-м листе «Живописца» появилась статья «Английская прогулка», в которой излагалась беседа издателя с одним доброжелательным читателем. Этот почтенный и учтивый господин якобы осведомился у издателя, почему задерживается продолжение печатания «Отрывка» и не являются ли причиной тому толки, произведенные в обществе началом его публикации? «Правда,— сказал он,— что многие наша братья дворяне пятым вашим листом недовольны, однако ж ведайте и то, что многие за оный же лист и похваляют вас». Новиков,— ибо сомнения в том, что именно он был автором «Английской прогулки» у исследователей не возникает,— стремится разъяснить, что в «Отрывке» автор вовсе не желал огорчить «целый дворянский корпус». Он имел в виду только тех помещиков, которые дворянскую власть употребляют во зло и тем самым вредят не только своим крестьянам, но и всему государству.

Однако — и в этом проявляется блестящее уменье Новикова в подцензурном журнале высказать нужную мысль и обиняком подтвердить то, от чего в прямой речи автор как бы отказывается,— к словам о жестоких дворянах приводится подстрочное примечание: «Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь навлечь на себя сугубое негодование». Новиков якобы сократил текст, но нельзя не видеть, что на волю читателей оставлен подбор обличающих худых помещиков понятий и выражений, а направление его указано достаточно ясно.

Через несколько строк Новиков повторяет этот удачный прием. После суровых слов, произнесенных тоном грозного судии: «Отчего происходит то, что крестьяне наши часто бывают бедны, отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба?» — следуют два ряда точек, обозначающих купюру, и новая сноска: «Я тут многое выключил из сказанных мною причин в первом примечании». Ряды точек, знаменующие вынужденное сокращение текста, встречаются и еще раз ниже, в том месте, где излагается мнение надменных дворян о крестьянах, но здесь прием приобретает иное, хотя и не меньшей силы, звучание. Новиков как бы щадит честь дворянского сословия, не желая выставлять для посмешища просвещенных читателей их варварские

взгляды на людей, виноватых только в том, что они родились крестьянами. Но характер этих мнений определен: высказывающие их люди уверены, «что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках, и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать часто о человечестве, однако ж будто они, якобы благорожденные люди, от порицания всегда должны быть свободны».

С помощью этих приемов Новиков, как мог, защитил справедливость описания российской деревни, представленного «Живописцу» путешественником. Передавая затем слова собеседника, беседой с которым занята статья «Английская прогулка», Новиков напоминает об английской грубости, которую в России именуют «благородною великостью духа», и предлагает считать «Отрывок» «в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдины». Отсюда и идет название этой статьи.

Таким образом, пятый лист «Живописца», где был напечатан «Отрывок», создал ему друзей, но породил и могущественных врагов. Защищаясь от их мнения, Новиков напечатал «Английскую прогулку», подчеркнув, что в «Отрывке» шла речь не о дворянстве в целом, а лишь об отдельных недостойных его представителях. Как замечает по этому поводу Добролюбов, «нельзя не сознаться, что объяснение это очень искусно написано. Но, тем не менее, оно парализовало истинную силу «Отрывка» и придало ему тот же недалекий вид, каким отличалась вообще сатира того времени» [1].

Вслед за «Английской прогулкой» в 14-м листе «Живописца» Новиков напечатал продолжение «Отрывка путешествия». Начало его написано в характерной для изданий XVIII века манере перечисления обычных сатирических персонажей — богачей, судей, подьячих, щеголих, ревнивых супругов и любовников, игроков, купцов, врачей с описанием, кто как заканчивает свой день, проведенный без всяких трудов, в забавах и обманах ближнего. Всем им противопоставлена иная категория людей, на защиту которых выступил «Живописец»,— честных, но угнетенных земледельцев, крепостных мужиков. Лишь к ночи «крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали».

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II. М., 1935, стр. 174.

Это само по себе очень выразительное напоминание Новиков дополняет конкретными подробностями, раскрывающими тягости крестьянской жизни. Оказывается, барин требует, чтобы его хлеб убирался в первую очередь, а мужицкий может пропадать под дождем, что крестьяне работают даже по воскресеньям, вовсе не имеют отдыха и даже не удивляются этому: «Ведь мы, родимый, не господа, чтобы и нам гулять, полно того, что и они гуляют...»

Путешественник долго размышляет о бедственном состоянии крестьян, а на следующее утро решает ехать в деревню Благополучную: «хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных». Подстрочное же примечание к этому заключительному абзацу «Отрывка» гласит: «Я не включил в сей листок разговор путешественника с крестьянином по некоторым причинам; благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор конечно бы заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренной деревни и подобных ему».

Отметим то обстоятельство, что в этом примечании Новиков вновь обращает внимание читателей на помещика деревни Разоренной и ему подобных крепостников, а не передает рассказы хозяина о деревне Благополучной. Путешественник так и не побывал в ней. В третьем издании «Живописца» 1775 года под текстом «Отрывка» было приписано: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги». Но и четвертое издание, вышедшее в 1781 году, разумеется, не имело в своем составе обещанного продолжения. Его вообще не существовало, как не было в России деревень Благополучных, что и подчеркивалось примечанием издателя. Следовательно, неправильно было бы видеть в «Отрывке» утверждение идеи «урегулирования отношений между помещиком и крестьянином на началах патриархальных, как отношений между „отцами“ и „детьми»“, о чем пишет, например, Г. П. Макогоненко [1]. Фраза о деревне Благополучной включена в текст в качестве защитного средства от нападок «огорченного дворянского корпуса» и наполнить ее затем содержанием автор «Отрывка»

---

[1] Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.— Л., Гослитиздат, 1952, стр. 242.

совсем не собирался, что и помог ему показать своим заключительным примечанием издатель «Живописца».

Вопрос об авторе «Отрывка путешествия» доныне продолжает оставаться нерешенным несмотря на то, что изучается на протяжении столетия. Он составляет любопытную и важную историческую загадку, для раскрытия которой нет необходимых документальных данных. На этот счет можно высказывать только более или менее убедительные предположения.

В науке существуют два мнения: автором «Отрывка» может быть либо Новиков, либо Радищев. Третья точка зрения, согласно которой «Отрывок» приписывался И. П. Тургеневу [1], не получила поддержки исследователей и вскоре после ее возникновения была оставлена.

На возможность расшифровать прописные буквы в заглавии «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», как обозначение слов «Издатель Трутня», осторожно указал академик Л. Н. Майков [2]. В последнее десятилетие гипотезу об авторстве Новикова энергично утверждал Г. П. Макогоненко [3]. С аналогичным мнением выступила Л. В. Крестова [4]. К взглядам этих исследователей присоединился Д. Д. Благой, попутно указавший, что «Г. Макогоненко и Л. В. Крестова убедительно опровергают и доводы своих предшественников в доказательство того, что „Отрывок путешествия в***“ был написан Радищевым» [5].

Другой точки зрения придерживался Павел Александрович Радищев, сын писателя. Когда умер отец, ему было 19 лет. В течение всей своей жизни он собирал сведения о Радищеве, и опубликованные им материалы вообще отличаются достоверностью. Свое мнение о том, что «Отрывок» написан его отцом, Павел Радищев высказал в 1858 году [6]. Наиболее подробно затем аргументировал авторство Радищева В. П. Се-

[1] А. И. Незеленов. Н. И. Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг. СПб., 1875, стр. 238.

[2] Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 407.

[3] «Русская проза XVIII века», т. I. М.— Л., Гослитиздат, 1950, стр. 250; Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, стр. 252 и др.

[4] Л. В. Крестова. Кто был автором «Отрывка путешествия в*** И*** Т***» и «Писем к Фалалею».— «Исторические записки», 1953, № 44.

[5] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, изд. 3, переработанное. М., Учпедгиз, 1955, стр. 231.

[6] «Русский вестник», 1858, т. XVIII, кн. I, стр. 429.

менников[1]. Его доказательства приняли Я. Л. Барсков[2], Г. А. Гуковский[3], П. Н. Берков[4], в свою очередь дополнившие их рядом новых соображений и аргументов. Затем, полемизируя с Л. В. Крестовой, в пользу Радищева выступила Н. В. Баранская[5].

Не входя в подробное рассмотрение этого вопроса и отсылая интересующихся к специальной литературе, перечисленной в подстрочных примечаниях, укажем только на следующее. Утверждения Г. П. Макогоненко о том, что в третьем издании «Живописца» собраны только произведения Новикова, а следовательно, «Отрывок» также принадлежит ему, и о том, что Новиков делает «публичное заявление», что все материалы третьего издания «мое сочинение»,— целиком опровергнуты П. Н. Берковым[6]. В третьем издании «Живописца» напечатаны статьи ряда других авторов, оно вовсе не представляет собой собрания сочинений Новикова, а само слово «сочинение» в XVIII веке имело не только тот смысл, который в него вкладывается в наше время, но и обозначало «журнал». «Остается признать,— заключает П. Н. Берков,— что третье издание «Живописца» не является «собранием сочинений» Новикова, а представляет отбор лучших сатирических произведений разных авторов, преимущественно Новикова, Фонвизина, а также Радищева, Сушковой и других, ранее печатавшихся в «Трутне» и первом издании «Живописца». Таким образом, «гипотеза Г. П. Макогоненко оказывается основанной на несостоятельных доводах»[7].

Лист 14 «Живописца», где было напечатано продолжение «Отрывка», заканчивался похвальными стихами графине

---

[1] В. П. Семенников. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. СПб., 1914, стр. 54—55; его же. Когда Радищев задумал «Путешествие»? СПб., 1914; его же. К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву».— В кн.: В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования, Пг., 1923.

[2] Я. Л. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву». Academia, 1935 (т. II фототипического издания «Путешествия»), стр. 117, 500—502.

[3] Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., Учпедгиз, 1939, стр. 269—271.

[4] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 203—207.

[5] Н. В. Баранская. Еще об авторе «Отрывка путешествия в*** И*** Т***».— В кн.: «XVIII век», сб. 3, стр. 226—241.

[6] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 286—290.

[7] Там же, стр. 290.

Прасковье Брюс, ближайшей подруге императрицы. Правды в этом письме «Любителя добродетельных людей» не было, графиня отнюдь не могла служить образцом нравственности, но стихи содержали комплименты и самой Екатерине, а потому Новиков напечатал их, смягчая резкости идущего перед ними «Отрывка».

Приняв эти меры предосторожности, он в следующем, 15-м листе, поместил полное сатирической соли «Письмо уездного дворянина его сыну», подкреплявшее основные мысли «Отрывка», и вновь поспешил позолотить пилюлю: в листе 16-м напечатал благодарственное письмо архиепископа Амвросия Подобедова фавориту императрицы Г. Г. Орлову, которому приписывали заслуги прекращения чумы 1771 года в Москве.

В письме уездного дворянина Трифона Панкратьевича его сыну Фалалею перед читателем раскрываются картины быта провинциальных помещиков, становится ясно, какие ничтожные и корыстные люди владеют в России деревнями и крестьянскими «душами». Жалок и страшен этот дворянин, занявшийся своим поместьем после того, как его отрешили от службы за взятки. Лишенный возможности обирать просителей, он грабит своих мужиков, жалуясь, что с них «хоть кожу сдери, так немного прибыли». Пять дней они работают на барщине, терпят сечение и побои — и год от года нищают все больше.

Деревня Трифона также могла бы носить название Разоренной, и недаром он так рассердился на «Отрывок путешествия», напечатанный в «Живописце»: удар журнала попал в цель. Трифон утверждает незыблемость крепостнических порядков и требует неограниченной власти над крестьянами. В письме говорится: «Они на нас работают, а мы их сечем, ежели станут лениться, так мы и равны — да на что они и крестьяне: его такое дело, работай без отдыху. Дай-ка им волю, так они и не ведь что затеют. Вот-те на, до чего дожили, только я на это смотреть не буду, ври себе он («Живописец».— *А. З.*) что хочет, а я знаю, что с мужиками делать». К этим строкам издатель «Живописца» делает примечание: «Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество».

Уездный дворянин с ненавистью пишет о том, что в соседней деревне, которой владеет Г. Г. Орлов, мужики живут богаче иного дворянина и платят барину по полтора рубля с души, а с них надобно брать бы по тридцать. Он с холопским

подобострастием вспоминает о прежних «больших боярах»: «то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались, и царское, и дворянское, и купецкое, все было их, у всех, кроме бога, отнимали, да и у того чуть тако не отни...».

Нельзя не увидеть, что письмо Трифона с жалобами на новые времена и тяготы дворянской жизни содержит в себе искусные комплименты императрице. «Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать, нельзя у соседа и земли отнять», нельзя отдавать деньги в рост больше шести процентов, а раньше брали и по двадцати пяти, разрешено ездить за море, запрещены взятки и, наконец, появился журнал, в котором пишут о дурных помещиках. Все это — благодатные признаки мудрого царствования Екатерины. Крестьяне ее фаворита Григория Орлова живут лучше всех других крестьян, он дает пример того, как нужно управлять своими владениями. Эти строки «Письма уездного дворянина» рассчитаны на императрицу и должны были ей понравиться — она любила хвалить свое царствование. Но, печатая перечень мнимых обид Трифона, Новиков сумел показать и другое — он открыл в нем хищного крепостника, взяточника, невежду, врага культуры и просвещения. Типичный представитель «дворянского корпуса» был вытащен на страницы «Живописца» и почувствовал себя там очень неважно: он не привык, чтобы на него показывали пальцами и смеялись. А именно в этом и была цель Новикова.

«Письмо уездного дворянина» имело свое продолжение. В 23-м и 24-м листах «Живописца» были напечатаны письма Фалалею от его отца, матери и дяди, якобы препровожденные адресатом издателю журнала. Фалалей, отдавший в печать первое письмо своего отца, посылает и другие, решив не щадить своих родителей: «Пускай разум их откроется свету, пусть в мое отмщение посмеются им люди и пусть свет узнает, каких свойств Ваш усердный слуга Фалалей».

В этом превосходном, мастерски отделанном цикле писем — автором их П. Н. Берков с уверенностью, опираясь на результаты ряда исследований, называет Д. И. Фонвизина[1] — созданы поистине незабываемые картины дворянского быта XVIII столетия и талантливо очерчены зловещие фигуры алчных

[1] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 194.

крепостников-помещиков. Это круг Скотининых и Простаковых, борьбу с которыми повели просвещенные дворяне, хотя и проиграли ее: реакционный потемкинский режим, утвердившийся в стране после крестьянской войны 1773—1775 годов, сделал ставку именно на дикое и злобное провинциальное дворянство, ставшее крепкой опорой престола.

По своему значению и художественному воплощению крестьянская тема занимает в «Живописце» наиболее важное место. Следом за ней идет тема просвещения и борьбы с галломанией и бескультурьем дворянского общества, которая очень занимала Новикова. Он считал, что от того, какое воспитание получат будущие владельцы крепостных имений, молодые дворяне, зависит чрезвычайно многое. Хорошо воспитанные и просвещенные люди не станут безудержно мучить крестьян, облагать их бессовестными поборами, брать взятки в судах, уклоняться от выполнения воинского долга. Дворяне, не получившие разумного воспитания, будут дурными слугами государства, начнут сечь и мучить своих крестьян, и портрет такого Худовоспитанника Новиков представил уже в 3-м листе «Живописца».

Такую же надежду на воспитание возлагал и Фонвизин, уверенный, что Правдин и Милон образцово относились бы к своим крестьянам, а Митрофан Простаков, выученный Вральманом, должен быть лишен права распоряжаться крепостными людьми. Эти писатели мечтали лишь о некоторых улучшениях крепостного строя, не думая, что его следует разрушить целиком. Только Радищев сказал о том, что крепостное право подлежит уничтожению, что оно развращает помещиков, накладывает печать губительного влияния и на крепостных и что как бы хорошо ни воспитывался дворянин, система крепостнических отношений все равно сделает его злодеем для крестьян.

Как уже было замечено выше, сатирические характеристики старых и молодых врагов науки открывают издание журнала «Живописец». Выступающие в 4-м листе Щеголиха и Волокита считают, что для них науки исчерпываются уменьем нравиться и быть одетыми по моде. Изображая эти фигуры, Новиков пользуется жаргоном светских модников, на котором объяснение в любви выглядит так: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? ведь я влюблен в вас до дурачества, вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я не в своей сижу тарелке.— Шутишь,— она мне ответствует,— ужесть как славно ты себя раскрыва-

ешь — беспримерно славно» и т. д. Пользе наук и воспитанию посвящено опубликованное стихотворное письмо профессора Московского университета Н. Н. Поповского к И. И. Шувалову, занявшее 8-й лист журнала. А в 9-м листе напечатано письмо Щеголихи, в котором Новиков пародировал жаргон светских модников с его характерной чертой — включением в русскую речь французских слов и выражений. «Mon couer Живописец! — начинает Щеголиха.—Ты, радость, беспримерной автор. По чести говорю, ужесть как ты славен; читая твои листы я бесподобно утешаюсь; как все у тебя славно, слог растеган, мысли прыгающи. По чести скажу, что твои листы вечно меня прельщают; клянусь, что я всегда фельетирую их без всякой дистракции», и т. д. Однако и в этом письме Новиков не забывает о главном своем деле и заставляет Щеголиху поддержать автора «Отрывка путешествия» в следующих выражениях:

«...Напротив того, ты бранишь одних только деревенских дураков, да и беспримерно; ужесть как славно ты их развернул в 5-м листе твоего Живописца.— Ты уморил меня: точь в точь выказал ты дражайшего моего Папахина.— Какой это несносный человек! Ужесть, радость, как он неловок выделан, какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как и с мужиками, но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне». Отец Щеголихи бьет свою жену и рукой, и палкой. Легко представить себе, как скверно обходится он со своими крестьянами. Можно в равной степени быть уверенным, что его деревня ничем не отличается от описанной путешественником деревни Разоренной.

Щеголиха просит издателя «Живописца» собрать и напечатать «Модный женский словарь», обещая за это «до смерти захвалить». Новиков выполняет просьбу, и в следующем, 10-м листе публикует сатирический «Опыт модного словаря щегольского наречия», поместив в нем некоторые слова на две первые буквы алфавита.

Петиметры и вертопрахи нередко затрагивались в отделах «Ведомости» и «Известия». Так, в 3-м листе «Живописца» сообщалось из Твери, что некий г. Выдумщик, чтобы «приманить к чтению российских книг всех щеголей и щеголих, да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут», предложил русские книги печатать французскими литерами. Объявлялось также о том, что «недавно приехавший француз

учредил для молодых благородных и мещанских детей школу, в которой преподавать будет все в карточных играх употребляемые хитрости и обманы... Сей учитель живет в улице Разорение, в доме г. Бесстыднова» и др.

Кроме этих главных тем, в «Живописце» затрагивалось и много других вопросов общественно-бытового характера, вызывавших отклики читателей.

На втором году издания «Живописец» заметно смягчил резкость своей сатиры. Видимо, Новикову дали понять, что ему действительно почаще нужно показываться «с тою прекрасною женщиною», которая называется Осторожность. В 1773 году в журнале печатаются речи духовных особ, переводы писем прусского короля, семь номеров отведено для сатир Буало и заканчивается издание сдвоенным 25-м и 26-м листом, содержащим льстивую оду Екатерине II, сочиненную неизвестным автором. Но и в этих трудных цензурных условиях нет-нет да и мелькнут в журнале блестки новиковской сатиры в виде письма Ермолая, дяди памятного читателям Фалалея (1770, л. 5), или стихов «Похвала учебной палке», направленных против офицеров, избивающих своих солдат,— стихов, содержащих прямое осуждение палочной дисциплины, внедряемой в русской армии (1770, л. 7). Журнал прекратил свое существование в конце июня или начале июля 1773 года.

3

После закрытия «Живописца» Новиков начинает крупное научно-историческое предприятие: он приступает к изданию письменных памятников русской старины — документов, грамот, княжеских договоров XIV—XVI веков, дипломатической переписки и др. Помесячно выходившие в 1773—1775 годах книжки этой «Древней российской вивлиофики», т. е. библиотеки, пользовались вниманием читателей и на свое издание Новиков получал денежные субсидии от императрицы.

Не ограничиваясь трудами по «Вивлиофике», Новиков в 1774 году сумел выпустить девять номеров (листов) нового еженедельного журнала «Кошелек», не имевшего, к сожалению, блестящих достоинств его первых трех сатирических изданий. «Кошелек» выпускался в страшный для российского дворянства 1774 год, в разгар крестьянской войны, когда два класса сошлись в жестоком и непримиримом бою. Это обстоятельство, естественно, сказалось на содержании журнала.

«Отечеству моему сие сочинение усердно посвящается»,— писал Новиков на первой странице «Кошелька», намереваясь в новом издании порицать дворянскую галломанию, космополитизм и прославлять «древние российские добродетели», национальные достоинства. Название журнала, кроме обычного значения слова «кошелек», имело в XVIII веке и второй смысл — так назывался кожаный или тафтяной мешок, куда укладывалась коса парика. Новиков обещал читателям разъяснить происхождение имени журнала в статье «Превращение русского кошелька во французской», но в вышедших номерах ее не оказалось. По-видимому, речь должна была идти о том, что деньги из русского кошелька переходят во французский, и что погоня за иностранными модами разоряет дворян, развращает их нравы и приносит ущерб отечеству.

Первые листы «Кошелька» содержат беседу обманщика и корыстолюбца, заезжего француза с русским, а затем с немцем, горячо защищающим «российские добродетели». В последнем листе помещена ода Аполлоса Байбакова на истребление турецкого флота и взятие крепости Бендеры в 1770 году, а листы 6—8 заняты комедией в одном действии «Народное игрище». Как сообщил во вступительной заметке Новиков, эта пьеса была прислана «от неизвестной особы», написавшей ее для народного театра. Автор ее остается пока неизвестным, в чем беды нет, так как сочинение это никому чести не принесет. Насквозь фальшивая и приторная комедия изображает добрейшего барина, пекущегося о довольстве, счастье и даже о грамотности своих крепостных, которые платят ему за это любовью и преданностью. Вероятно, обстоятельства сложились так, что Новиков принужден был напечатать «Народное игрище», сочиненное, может быть, кем-либо из лиц придворного круга.

Журналистика 1769—1774 годов получила внимательную и верную оценку в трудах Н. А. Добролюбова. Статья его «Русская сатира в век Екатерины» появилась в десятой книжке журнала «Современник» за 1859 год. Она была написана в связи с выходом книги А. Н. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века» (М., 1859). Автор, человек умеренно либеральных воззрений, писал о том, что русская сатира в царствование Екатерины II добилась благотворнейших результатов, успешно искореняя общественные пороки. Сатира выступила на защиту просвещения, боролась с невежеством и предрассудками, смеялась над нравственными недугами

русского общества и, поддерживая преобразования, совершаемые императрицей, «бросила на восприимчивую почву русской народности живительное семя».

Книга Афанасьева дала возможность Добролюбову поставить перед своими читателями вопрос о том, чего же на самом деле добилась сатира, и после внимательного анализа исторических источников в сопоставлении с материалами изданий XVIII века прийти к выводу, что результаты деятельности тогдашних сатириков были ничтожны. Ничего в обществе они не исправили, ни на что серьезно не повлияли, и произошло это потому, что сатира не затрагивала коренных вопросов народной жизни, а порицала только то, что было уже отвергнуто правительственными установлениями. «...Никогда почти не добирались сатирики до главного, существенного зла, не разражались грозным обличением против того, отчего происходят и развиваются народные недостатки и бедствия. Характер обличений был частный, мелкий, поверхностный,— говорил Добролюбов. — И вышло то, что сатира наша, хотя, по-видимому, и говорила о деле, но в сущности постоянно оставалась пустым звуком...» [1]

Вывод этот, относящийся непосредственно к сатире XVIII столетия, Добролюбов целиком относит и к сатирическим обличениям журналистики и литературы 60-х годов XIX века, и в этом расширении его границ заключен злободневный общественно-политический смысл статьи Добролюбова, написанной, казалось бы, на специальную историко-журналистскую тему. Добролюбов пишет: «Несколько месяцев назад мы говорили о современной нашей сатире и выражали прискорбие о ее мелочности и поверхностности. Мы высказали убеждение, что от такой сатиры не выйдет истинной пользы для общества. Некоторые приняли наши слова за убеждение, что обличать вовсе не нужно и что сатира только портит эстетический вкус публики. Но мы вовсе не то имели в виду: мы хотели сказать, что наша сатира не то и не так обличает...» [2]. Заметив далее, что о настоящем времени трудно произносить решительные и откровенные суждения, и не находя удобным это делать, Добролюбов обращается к книге Афанасьева, в которой, по его мнению, прослежен эпизод русской литературы, «во многих отношениях аналогический настоящему времени».

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, 1934, стр. 138.

[2] Там же, стр. 140.

Рассматривая в своей статье обширный материал, подтверждая свои тезисы документальными справками и цитатами, признавая благородство убеждений сатириков, Добролюбов показывает, что все обличения оказывались безуспешными. И причина этого была одна — наивное убеждение авторов в том, что прогресс зависит от честности чиновников, от благосклонного обращения помещиков с крестьянами, словом, от личных качеств людей, а вовсе не от исправления всего государственного механизма, который и служит на самом деле источником всех беззаконий. Даже наиболее смелая и глубокая в свое время «сатира Новиковская,— заключает Добролюбов,— нападала, как мы видели, не на принцип, не на основу зла, но только на злоупотребления того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло»[1]. Этим «основным злом» было самодержавие, крепостное право, и на борьбу с рабством звала статья Добролюбова, в подцензурной форме излагавшая революционно-демократические убеждения великого критика.

4

Журналы Новикова «Трутень» и «Живописец» представляют собой чрезвычайно значительное и художественно ценное явление русской литературы. По-видимому, мы еще недостаточно глубоко и детально понимаем роль, сыгранную ими в становлении русской реалистической прозы, ибо плохо пока их изучаем. Литературоведческий интерес по отношению к этим журналам главным образом выражался в спорах о том, кому можно приписать то или иное произведение, напечатанное в этих журналах, и является ли Новиков автором «Отрывка путешествия» и писем к Фалалею. Вопросы эти имеют большое значение и несправедливо было бы лишать Новикова звания умного и талантливого писателя, чего, впрочем, никто из советских литературоведов и не пытался делать. Но неправильна и мысль о том, что Новиков в своих исканиях правды и борьбе с помещичьим произволом был одиноким и не имел достойных союзников. Утверждение Г. П. Макогоненко, будто в журналах Новикова не участвовали ни Радищев, ни Фонвизин, попытки лишить его их литературно-идейной поддержки, на самом деле безусловно существовавшей, огра-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, 1934, стр. 175.

ничивает круг сотрудников «Живописца» не очень привлекательными фигурами. Это Екатерина II, княгиня Дашкова, епископ Самуил, архиепископ Амвросий Подобедов, Павел Потемкин, Василий Рубан. Легко возразить, что не они формировали лицо журнала, что Новиков вынужден был допускать их сотрудничество, и это будет верно, но можно ли поверить тому, что Новиков, привлекший к участию в «Трутне» писателей А. О. Аблесимова, В. И. Майкова, М. И. Попова, А. Л. Леонтьева, Ф. А. Эмина, во втором журнале решился обойтись только собственными силами и забыл о другом своем таланте — организатора, редактора и главаря литературных сил? Однако эти вопросы выходят за пределы данной небольшой работы, они должны быть рассмотрены особо и нерешенность их не помешает осветить наиболее примечательные стороны сатиры новиковских журналов.

По мнению Е. А. Боголюбова, писавшего о художественных средствах сатиры Новикова, он имел задачу реалистически показать современную действительность и выполнял ее с помощью малых художественных форм, так как был не художником по натуре, а организатором и общественным деятелем [1]. Исследователь перечисляет в своей статье эти формы — письма в редакцию, занимавшие по количеству главное место в тогдашней журналистике (во «Всякой всячине» и «Смеси», например, до 70 процентов текста), словесные портреты, рецепты, ведомости, подряды, объявления и т. д.

Наблюдение это бесспорно, однако исследователь не прав, полагая, что Новиков в силу «ограниченности своего художественного дарования» культивировал только малые формы и как бы не поднимался до создания крупных полотен. Упреки и сожаления тут неуместны. Новиков точно рассчитывал свои средства на тот печатный объем, в котором его мысли поступали к читателю, на несколько маленьких журнальных страничек и, конечно, не мог соперничать по количеству строк с творцом «Россияды», произведения обширнейшего, но далекого от животрепещущих вопросов современности. В своих журналах Новиков оперативно и гибко откликался на злободневные темы и выпускал свои летучие листки, не думая о закреплении за ними бессмертной славы. Но между тем именно они, эти еженедельно заполняемые страницы новиковских журна-

---

[1] См. Е. А. Боголюбов. Художественные средства сатиры Н. И. Новикова.— «Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та», вып. 10, факультет языка и литературы, Пермь, 1946.

лов, насыщенные умной авторской мыслью и запечатлевшие контуры дней, в которые они были созданы, и остались жить, сохранив свое обаяние на многие годы.

С другой стороны, нельзя забывать о том, что в России 70-х годов XVIII века жанры художественной прозы были недостаточно разработаны, вернее, только еще зачинались, и Новиков больше кого-либо другого способствовал их становлению. Его журналы представляли собой некую лабораторию, в которой вырабатывались жанры и приемы русской прозы, вскоре принятые на вооружение писателями. Кроме того, необходимо постоянно иметь в виду принцип художественного лаконизма, свойственный Новикову, может быть больше, чем другим современным ему русским прозаикам, например Чулкову или Эмину. Эстетическое сознание эпохи еще не требовало обилия художественных деталей, обрисовки подробностей, создающих полноту и правдоподобие изображаемой картины. Говорилось лишь о самом главном, вещи назывались, а не описывались в тех случаях, когда они вообще попадали в поле зрения автора. Ведь лишь примерно десятилетием позже Державин совершил переворот в русской поэзии, показав настоящий, видимый, цветущий мир в многообразии его цветов и звуков. До него на эти качества писатели просто не обращали внимания, ставя целью творчества отвлеченное изображение страстей человека в духе борения чувства с долгом и государственными обязанностями. Кажется несомненным, что строгие требования поэтики классицизма с ее стремлением к наибольшей экономии художественных средств и подчеркнутой разработкой лишь главной, ведущей сюжетной линии оказывали свое влияние на молодую русскую прозу, создававшуюся прежде всего трудами писателей-разночинцев, вообще с классицизмом не связанных.

По этим причинам многие миниатюры, вышедшие из-под пера Новикова, носят, на нынешний взгляд, конспективный характер, кажутся изложенными сухо и скупо. В них нет игры красок, подробных описаний, передачи размышлений героев. Твердым и четким пером рисуется схема события, перечисляются факты, и читатель вплотную подводится к выводу, имеющему полезный, назидательный характер. Педагогические, воспитательные функции литературы очень высоко ценились Новиковым. Любой сюжет, рассказанный в «Трутне» или «Живописце» с предельной краткостью, может быть развернут в обширное повествование, что, как можно видеть, и случилось затем с некоторыми из них.

Рассмотрим эту особенность писательского мастерства Новикова хотя бы на одном примере. В 18-м листе первой части «Живописца» была напечатана присланная «несчастным Е***» из Смоленска краткая повесть «Следствия худого воспитания», названная автором просто «Запиской». Родители Е *** жили недружно между собой, пороли крестьян плетьми, их пример развращал мальчика, проводившего свое время в праздности. В юношеские годы он сдружился с сыном соседнего помещика, искушенным в карточной игре, стал пить, заслужил немилость отца, был выгнан из дома и совсем опустился. «Наконец, несносные бедствия и оставшаяся во мне еще искра стыда и совести начали исправлять мои поступки, и я вступил в военную службу, где нужда еще больше того меня поправила, почему ныне я живу спокоен, со всегдашним сожалением о участи тех бедных, которые имеют подобное моему от родителей или наставников своих воспитание».

В немногих словах, на трех журнальных листочках, рассказана человеческая жизнь, долженствующая послужить уроком читателям. Примечание указывает на это: «Отцы и матери, казнитеся сим примером, воспитывайте детей своих со тщанием, если не хотите опосле быть ими презираемы».

Так писал Новиков. Намеченный им сюжет затем был развернут А. Измайловым в большую повесть. В 1799 году вышла из печати его книга «Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества», части 1 и 2. Повторено название статьи из «Живописца» — «Следствия худого воспитания» — имя героя Е *** раскрыто как «Евгений», а в тексте описана печальная судьба единственного сына, которому во всем потакали родители и тем развивали в нем порочные наклонности. Евгений учился у дурных наставников, другом его сделался негодяй Развратин и т. д. Думается, что столь близкое сходство двух произведений не может быть просто случайностью и что Измайлов в романе подробно пересказал читателям миниатюру, найденную им в журнале Новикова.

Присмотримся к слогу краткой повести «несчастного Е ***», напечатанной в «Живописце»: «Отец мой, хотя, правда, был недалекого разума, однако разбирал понемногу Четьи Минеи и другие церковные книги; матушка же моя насмерть тех книг не любила, потому что она девицею воспитана в городе, да редко имела досуг читать и французские, потому что вседневно ходила слушать очистки[1] крестьян, во что уж

[1] Очистка — здесь уплата долгов, повинностей, проверка счетов.— *А. З.*

батюшка мой никогда и не мешался, а только лишь бывало по приговору матушки сечет крестьян. А как я уже приходил лет под десяток и батюшка мой начал преподавать мне первые начала российской грамоты, то матушка, любя меня чрезмерно и опасаясь, чтоб от такового упражнения голова у меня не разломилась, или бы по времени не повредился я умом, всегда меня от книги отрывала и не раз бранивала батюшку, что он меня к тому неволил».

Эти строки невольно вызывают в памяти начало романа Пушкина «Капитанская дочка», где в такой же манере и тональности ведется описание детства Петра Андреевича Гринева. Краткий конспект Новикова может увести нас и дальше к ряду произведений русских писателей XIX века вплоть до глав романа «Обломов», посвященных детству Ильи Ильича. Как в зародыше, он содержит в себе многие пути и открытия русской прозы позднейшего времени, развивавшейся в направлении критического реализма.

Что касается Пушкина, то нельзя не дивиться мастерской и тончайшей стилизации под слог XVIII века в «Капитанской дочке» или «Истории села Горюхина» и вместе с тем нужно полагать, что концентрированность прозы Новикова имела большое значение для Пушкина при выработке его литературного языка. Он всегда говорит в прозаических произведениях о самом главном, минуя многочисленные подробности, стремительно развертывает действие, пишет предельно кратко и исчерпывающе точно. И речь, конечно, тут может идти не о каком-либо сравнении качества или художественной манеры этих писателей, а о том, что принципы Новикова-прозаика оказались для Пушкина близкими.

В статье «Автор самому себе», напечатанной во 2-м листе «Живописца», Новиков едко высмеял сочинителей идиллий и эклог из крестьянской жизни, воспевающих «златой век», которым якобы наслаждаются невинные поселяне: «Пастух на нежной свирели воспевает свою любовь, вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохлаждение... Сама Добродетель в виде прелестной пастушки, одетой в белом платье и увенчанной цветами, тихонько подкрадывается, вдруг перед ним показывается, пастух кидает свирель, бросается в объятия своей любовницы и говорит ей: цари всего света, вы завидуете нашему блаженству!».

Новиков знает подлинную крепостную деревню, где такое блаженство «никогда не существовало в природе».

Литература классицизма не изображала конкретных людей, не спускалась в быт, крепостной мужик ею не замечался. Новиков решительно возражает против такого отрыва литературы от жизни и на страницах своих журналов показывает русскую деревню, нищих крестьян и тиранов-помещиков. Он знакомит читателей с Филаткой, который «нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущее земли не пахал: нечем подняться», и печатает приказ барина, объявляющего своим крестьянам, что «сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оный платили бездоимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно» («Трутень», 1769, л. XXX). Новиков помещает описание деревни Разоренной, крестьяне которой с утра до ночи трудятся на барских полях и страдают от притеснений помещика («Живописец», 1772, л. 5, 14). Наконец, он показывает и владельцев крестьян, демонстрируя читателю грубость их нравов, ничтожество интересов, звериную жестокость этих представителей «благородного сословия».

Напечатанная в «Живописце» переписка с Фалалеем — поистине убийственная характеристика уездного дворянства, знакомясь с которой, начинаешь понимать силу народной ненависти к господам, столь ярко вспыхнувшей в годы крестьянской войны под руководством Пугачева. Стоит напомнить невольные саморазоблачения, которыми заполнены письма отца и дяди Фалалея. Природная тупость, свирепость, животная ограниченность этих людей обнажены тут с предельной ясностью. Автор писем достигает в этом произведении высокой степени художественного мастерства и уменья воспроизвести портреты персонажей, пользуясь их собственной речью.

Бывший драгунский ротмистр, а ныне помещик Трифон Панкратьевич в письме Фалалею вспоминает его детские проказы. Мальчик забавлялся тем, что «вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда их собаки перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовье в застенке секут, то мы, бывало, животики надорвем от смеха!».

Славные забавы и умилительные воспоминания! Но они кажутся естественными в устах невежественного крепостника. И тем же тоном, лишенным даже оттенка человечности, он извещает сына, что мать его лежит при смерти и объясняет причину болезни. Любимой собаке Фалалея Налетке кто-то перешиб крестец, помещица принялась пороть крепостных,

доискиваясь виновника, разгорячилась, выпила жбан холодной воды — и заболела. Теперь она готовится оставить этот свет, а отец с легкой завистью пишет, что Фалалею будет все-таки легче, чем ему: «Налеткины щенята, слава богу, живы! авось-таки который-нибудь удастся по матери, а мне уж эдакой жены не нажить...» («Живописец», ч. I, л. 23).

Дядя Фалалея, Ермолай Терентьевич, описывает смерть его матери, загромождая письмо мелочными замечаниями и с полным равнодушием относясь к горькой утрате. Он доволен тем, что ему удалось настоять на приглашении священника для исповеди: «Уж я ей говорил: Эй, Сидоровна, исповедайся, ведь уже ты в гроб глядишь, так не-ста, насилу прибили. А как приспичило, так давай попа, да уж зато в один день трижды исповедалась. Знать, что у ней множество грешков-то скопилось», — не без удовольствия замечает сердобольный родственник. Упомянув о том, что приводили и ворожей, он, наконец, переходит к главному сообщению: «Ну, Фалалеюшка! ведь матушка твоя скончалась, поминай как звали. Я только теперь получил об этом известие; отец твой, сказывают, воет как корова. У нас всегда бывает так: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади...» («Живописец», ч. I, л. 24).

Таков моральный уровень господ, бесконтрольных владельцев крепостных рабов, таковы их представления о человеческом достоинстве даже в отношении людей своего круга. И насколько выше этих жадных себялюбцев стоят крестьяне, которые дружно пришли на помощь Филатке, дали корову, заплатили подушные деньги! («Трутень», 1769, л. XXX).

Страницы новиковских журналов полны множеством верных жизненных наблюдений. Факты быта вводятся в литературу, накапливаются реалистические подробности, которые придают достоверность изображаемому и твердо прикрепляют его к социально-бытовой обстановке. Это было принципиально важным достижением Новикова-писателя.

Лист 19 первой части «Живописца» занят статьей о гадалках на кофе. Новиков описывает процесс гадания:

«Потом нальет почти половину чашки густого кофию и болтает его кругом, иногда с важным, а иногда с пронырливым видом, троекратно, чтоб кофий внутри всюду пристал... После сего ставит чашку обернутую на стол, чтоб кофий из нее вылился, поворачивает ее еще два раза, дабы троекрат-

ным движением ничего незначущий кофий вон выбежал, чтоб предсказательные части кофия в чашке одни прилипшими остались. По учинению сего поднимает чашку вверх и в нее смотрит. Вопрошающие особы стоят перед сею отгадчицею, пребывая между страха и надежды. Наконец, отверзает она рот свой и предсказует, например: вор, похитивший ложку, имеет черные волосы. Вопрошающая отвечает — так, это правда. Я знала уже давно, что Ванька вор». Ваньку секут, он клянется, что обвинен напрасно, но под розгами делает вынужденные признания, оговаривает соседского слугу — и вот его дальнейшая судьба: он действительно «становится вором, обкрадывает свою госпожу, уходит, проматывается, попадается, его отдают в приказ, покраденное пропадает, а Ваньку, яко вора, посылают в каторгу».

Перед читателем развернут жизненный эпизод, ему поведана судьба крепостного человека, ставшего жертвой господского суеверия. Такими темами богаты новиковские журналы, и мы не встретим их в литературе классицизма, далекой от повседневной действительности. Можно с уверенностью полагать, что статья Новикова о гадалках на кофе подсказала Крылову сюжет его раннего произведения — комической оперы «Кофейница».

Вот наблюдение другого порядка. Некто пришел по делу в одну из московских канцелярий. «Сторож, — рассказывает он,— отставной солдат, бывший в походах при первом императоре, с почтенными усами и стриженою бородою, ввел меня в большую комнату, где все стены замараны чернилами и в которой навалено великое множество бумаг, столов и сундуков, подъячих, оборванных и напудренных, т. е. разного рода человек 80. Многие из них драли друг друга за волосы, а прочие кричали и смеялись» («Трутень», 1770, л. XI).

Эта картинка канцелярского быта в миниатюре предвосхищает описания канцелярии, памятные нам, например, по произведениям Гоголя. Просителя заставили долго дожидаться, велели приходить «завтра» и наконец он «с превеликим трудом получил милостивое решение, не могши без того обойтись, чтобы не заплатить за труды» своим почтенным докладчикам.

В журнале Новикова мы встречаем чрезвычайное разнообразие жанров, многие из которых впервые им введены в русскую журналистику или заново перестроены — от миниатюрной повести до пародии на газетные объявления о подрядах и продаже: «В некоторое судебное место потребно правосудия

до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться, могут явиться в оном месте». Или: «Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить, могут его сыскать в здешнем городе» («Трутень», 1769, л. VI).

Новиков отлично понимает, что он издает журнал, орган периодический, злободневный и небольшой по объему. Он имитирует газетные жанры — «Ведомости», «Известия», печатает фельетоны — иначе не назовешь материал о пропаже у судьи золотых часов, в которой был обвинен честный подрядчик («Трутень», 1769, л. XIII). Испытанные жанры западноевропейской сатирической журналистики типа «портретов» — кратких характеристик носителей каких-либо пороков — превращаются у Новикова в критические заметки о конкретных людях, имена которых, наверное, легко угадывались современниками. Иногда такие портреты представляются в виде «исторических картин» — словесных описаний какого-либо персонажа. Например: «Между множеством обоего пола людей видна женщина лет около пятьдесят, однако не так дурна, чтоб за хорошие подарки какому щеголю не могла еще понравиться. Она окружающих ее женщин толкает прочь, сердится и от них отворачивается, а к мужчинам всякого сорту показывает ласку, дает им знак, чтобы они подошли к ней, и досадует, что они противятся. Позади ее двое мужчин, не худо одетых, на нее указывают. Вопрос одного: кто она такова? Ответ другого: Безумнова» («Трутень», 1770, л. XIII). По мнению П. Н. Беркова, в этой картине изображена Екатерина II [1], любовники которой дорого обходились русскому государству.

Новиков составляет сатирические словари («Трутень», 1769, л. V; «Живописец», ч. I, л. 10), сатирические рецепты («Трутень, 1769, лл. XXIII, XXIV, XXV, XXVII, XXXI), высмеивая с помощью этих литературных приемов недостатки русской действительности и метя своей сатирой не на отвлеченные пороки, а «на лица», на конкретных носителей зла. Но, пожалуй, основным жанром журналов Новикова являются письма и корреспонденции читателей, как присланные со стороны, так и составленные в редакции, вероятно, в преобладающем количестве. Эти письма показывают блестящий ли-

---

[1] «Сатирические журналы Н. И. Новикова». Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 552.

тературный талант Новикова, умевшего немногими чертами воссоздать облик своих корреспондентов, передать их манеру думать и излагать свои пожелания.

Слог самого Новикова отличает величайшая простота и естественность языка, наибольшее приближение его к разговорной речи, что хорошо видно из приведенных выше многочисленных примеров.

Сатирические журналы Новикова представляют собой один из важнейших этапов развития русской журналистики XVIII века и служат заметной вехой на пути движения великой русской литературы к реализму.

В ГОДЫ ПОТЕМКИНСКОГО РЕЖИМА

1

Крестьянская война 1773—1774 годов, поднятая Емельяном Пугачевым, потрясла российскую монархию и произвела глубокий сдвиг в общественном самосознании. Дворянство, смертельно испуганное бешеной волной народного гнева, спешило сомкнуться вокруг императорского трона, надеясь под защитой солдат укрыться от собственных мужиков. Правительство Екатерины II быстро оценило перемену обстановки и серией административных мер постаралось закрепить дворянскую преданность.

Прежде всего оказалось необходимым усилить местные власти, предоставив в их распоряжение средства для борьбы с волнениями крестьян. В 1775 году Россия была разделена на сорок губерний, вместо восьми, учрежденных Петром I, и губернаторы могли теперь внимательнее присматриваться к тому, что происходит в уездах, имея наготове подчиненные им воинские части. В стране усилился политический надзор, повсюду укреплялась дворянская диктатура. Екатерина II приказала разогнать приют казацкой вольницы — знаменитую Запорожскую Сечь — и казачье самоуправление заменила «гражданским правительством». Права «первого сословия» были подтверждены и расширены особой «Жалованной грамотой» дворянству, изданной в 1785 году. Положение крепостных крестьян еще более ухудшалось, они подвергались беспощадной эксплуатации.

Главой исполнительной власти стал фаворит императрицы Г. А. Потемкин, способный и расчетливый руководитель, отлично понимавший необходимость укрепления дворянского государства и не скупившийся на расправы с недовольными.

Суровый административный режим, установленный Потемкиным, пользовался поддержкой помещиков, трепетавших от воспоминаний о пережитой грозе. Игра в либерализм была оставлена правительством на долгие годы, слово «вольтерянец» приобрело опасное сходство с понятием «бунтовщик», пресловутый «Наказ», составленный Екатериной II для Комиссии по сочинению нового Уложения, сделался запретной книгой, и русское дворянство в своей массе с удовольствием подчинилось полицейским распоряжениям.

Часть дворянского общества после гигантского потрясения, вызванного Пугачевым, пытается опереться на религию, заполняет ложи масонских организаций. Учение масонов было реакционным, оно уводило от политической борьбы современности в мистический мир, к религиозному утешению.

Масонство, возникшее в 20-х годах XVIII века в Англии и распространившееся затем по всей Европе, представляло собой полусекретную организацию людей, желающих работать над своим нравственным усовершенствованием в согласии с правилами христианства. Формой объединения для них послужила организация средневекового цеха каменщиков, имевшего в пору своего существования самостоятельное управление и суд. С этим цехом связано и название свободных, или вольных, каменщиков — по-английски free masons — и атрибуты профессии — молоток, лопатка, циркуль, отвес, передник, перчатки, которым придавали символическое толкование.

В России масонство возникло еще в 30-х годах XVIII века, но распространение получило в 70—80-е годы. Насчитывалось до сотни лож, в состав которых входили многие вельможи, сановники, военные и штатские дворяне. Различные масонские системы — английская, шведская, розенкрейцерская, тамплиерская — имели своих сторонников и враждовали между собой. Пышные церемонии, увлечение мистической обрядностью, занятия алхимией — все это интересовало своей новизной и таинственностью и увеличивало приток «обращенных». Шарлатаны и авантюристы, вроде небезызвестного графа Калиостро, искусными фокусами дурачили знатных масонов, наживая богатство. Политические интриганы пользовались масонскими связями, чтобы узнавать государственные тайны, и пытались влиять на внешнюю политику России в сторону сближения с Пруссией или Швецией. Лишь очень немногие искренние масоны надеялись с помощью чтения тайных книг и добродетельных поступков укрепиться в вере и стать лучшими, достойнейшими людьми. Но так или

иначе, масонство сделалось модным, и Екатерина II, не терпевшая никаких общественных организаций, вступила с ним в борьбу, закончившуюся полным разгромом масонов.

Однако ни религиозные увлечения, ни строгости потемкинского режима не смогли задушить в России прогрессивной общественной мысли. Идеи века Просвещения, идеи энциклопедистов воспринимаются русскими деятелями, русской литературой. В 1770—1780-х годах переводятся на русский язык произведения Руссо, Вольтера, Мабли, Мерсье, формировавшие мировоззрение читающей молодежи, пробуждавшие в ней новые понятия и чувства.

Получала свой отклик в России борьба с феодализмом, развернувшаяся в странах Западной Европы. События, происходившие во Франции, выступления передовых мыслителей века — философов-материалистов и просветителей, призывавших к созданию нового общественного строя,— воспринимались одними сочувственно, другими с ненавистью. Призывом к свободе зазвучали известия об американской революции 1775—1783 годов. Наконец, буржуазная революция во Франции, разбившая устои европейского феодализма, не прошла бесследно для России и увеличила политическое брожение.

Все это оказалось возможным потому, что общественное самосознание в России подогревалось огнем народного движения, которое вновь дало себя знать в 80-е годы. Кровавые казни участников крестьянской войны лишь ненадолго сдержали волну народного негодования. Через несколько лет после гибели Пугачева то там, то здесь вспыхивают крестьянские восстания, и в помещичьих усадьбах господа содрогаются при виде мужицкого топора.

Журналы, издававшиеся в России в 1769—1774 годах, вскоре окончили свое существование. Лучшие из них, как например «Трутень», были закрыты под нажимом правительства. Попытки Н. И. Новикова продолжить в «Живописце» борьбу с деспотизмом и рабством натолкнулись на открытое сопротивление властей.

В последующие годы Новиков, не отказываясь окончательно от сатиры, развертывает просветительскую и издательскую деятельность поистине в огромных для России масштабах. Из арендованной им типографии Московского университета выходят в свет сотни книг и более десятка журналов.

Сатирический дух «Трутня» и «Живописца», несмотря на строгости потемкинского режима, не исчез из русской журналистики. Он проявился, например, на страницах еженедельного

издания «Утра», которое выпускал в течение 1782 года Петр Алексеевич Плавильщиков, избравший после окончания Московского университета профессию актера. Кроме него, в журнале участвовали Я. Б. Княжнин, И. И. Дмитриев. Издатель перепечатывал басни А. П. Сумарокова и В. И. Майкова, но большинство произведений в «Утрах» публиковалось анонимно и авторы их еще не раскрыты.

Как отмечает исследователь, «сатира „Утр“ не была столь глубокой, столь острой, как сатира новиковских журналов, но заслуга Плавильщикова в том, что в период жестокой правительственной реакции и распространения масонских религиозных идей, в период, когда и сам Новиков почти отошел от сатиры, журнал «Утра» был единственным журналом, продолживший передовые традиции русской сатирической журналистики»[1].

К 1789 году относится напряженная деятельность А. Н. Радищева. В Петербурге под его влиянием находилось довольно многолюдное «Общество друзей словесных наук» и его журнал «Беседующий гражданин».

Наиболее чуткие люди, подобно Радищеву, жили ожиданием грандиозных политических свершений. Им думалось, что события, происшедшие во Франции, могут перекинуться и в Россию, и они считали долгом готовиться к этому.

Со своей стороны, не дремало и правительство Екатерины II. Оно пыталось воздействовать на умы, выпуская журналы, проводящие взгляды императрицы, привлекая в казенный лагерь отдельных литераторов, вроде Б. П. Петрова или И. Ф. Богдановича, наконец, издавая собственные комедии императрицы. Однако попытки эти ощутимого успеха не имели, что можно проследить на примере «Собеседника любителей российского слова» — нового периодического издания, начатого по совету государыни.

2

Журнал «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в прозе и стихах некоторых российских писателей» выходил в Петербурге с июня 1783 по сентябрь 1784 года. Издавала его Академия наук, пост директора которой занимала княгиня Е. Р. Дашкова. Редакция

[1] М. Б. Козьмин. Журнал «Утра» и его место в русской журналистике.— В кн. «XVIII век», сб. 4. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 135.

обещала выпускать книжки по мере поступления материалов от сочинителей, но задержки за ними не было, и «Собеседник» выходил в свет почти ежемесячно, составив комплект в шестнадцать частей. Тираж его достигал 1812 экземпляров.

Близкое участие в новом издании приняла через Дашкову Екатерина II, что не замедлило сделаться известным. Императрица через четырнадцать лет после «Всякой всячины» и поколения сатирических журналов 1769 года пожелала повторить свой опыт в публицистике. Ей понадобился журнал, с помощью которого облегчилось бы управление общественным мнением в России. Царицу беспокоили неприязненные отношения с наследником престола Павлом Петровичем, что вольно или невольно объединяло вокруг него обиженных потемкинским режимом людей, тревожил рост оппозиционных настроений среди дворянства, в борьбе с которыми потребовалось отставить от службы руководителя Иностранной коллегии Н. И. Панина и его секретаря Фонвизина, волновало и многое другое. Следовало отвлечь общественное внимание от этих тем, занять его, разъяснить значение устойчивой и неограниченной монархической власти, наконец, вновь подчеркнуть достоинства русской государыни Екатерины II.

Но план этот удалось выполнить только отчасти. Несмотря на сильный напор императрицы, «Собеседник» не поддался полностью ее влиянию. К участию в журнале были привлечены все или почти все лучшие современные писатели, за исключением ненавистного Екатерине Н. И. Новикова. Честные люди и русские патриоты, они не могли перейти в разряд наемных одописцев, говорили о недостатках общества и вносили в журнал сатирический элемент.

Крестьянский вопрос не затрагивался в «Собеседнике», но нападки на вельможество, лесть, подхалимство, французоманию, пороки модного воспитания, невежество, разврат, ханжество, пустосвятство часто появлялись на страницах журнала. В «Собеседнике» печатались произведения писателей прогрессивного лагеря — Д. Фонвизина, Я. Княжнина, Ф. Козельского, С. Боброва, видевших недостатки екатерининского режима и выступавших против него в своей литературной деятельности. Однако преобладали официозные или нейтральные материалы. В журнале участвовали Г. Державин, М. Херасков, М. Муравьев, И. Богданович, И. Дмитриев, Ю. Нелединский-Мелецкий, О. Козодавлев и многие другие.

В своей статье «Собеседник любителей российского слова», опубликованной в восьмой и десятой книжках журнала

СОБЕСѢДНИКЪ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКАГО СЛОВА,

Содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей.

ЧАСТЬ I.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ
1783 года.

Титульный лист журнала «Собеседник любителей Российского слова»

«Современник» за 1856 год, Н. А. Добролюбов прежде всего обращается к сочинениям Екатерины II, печатавшимся там из номера в номер под названием «Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы». Он подсчитал, что «Записки» заняли почти половину объема всех книжек журнала — 1348 страниц из 2800.

Добролюбов, искусно обходя цензурные препятствия, отчетливо показал, что «Записки касательно российской истории» являются не научным трудом, а политической инструкцией по поводу того, как нужно толковать события русской истории и рассказывать о них. Екатерина желала убедить читателя «во всем, в чем только можно, что всякое добро нисходит от престола и что в особенности национальное просвещение не может обойтись без поддержки правительства» [1].

Фальсификация русской истории, беззастенчиво предпринятая Екатериной II, определена Добролюбовым следующим образом: «Тем не менее автор умел набросить на все темные явления русской жизни и истории какой-то светлый, даже отрадный колорит. С особенным искусством обходит он многие неправедные деяния князей или старается придать им вид законности не только по понятиям того времени, но и пред судом новых воззрений» [2].

Менее осторожен был Добролюбов в своей оценке заметок Екатерины II, печатавшихся под общим названием «Были и небылицы». Некоторые пункты из этого раздела его статьи вызвали энергичный протест в лагере идейных врагов «Современника», поспешивших обвинить Добролюбова в неуважении к лицу царствующего дома.

В сущности, Добролюбов не сказал о «Былях и небылицах» ничего оскорбительного. Он лишь подчеркнул, что «сам автор смотрел на них только как на плоды досуга и говорил в них обо всем, что ему приходило в голову». Этим заметкам нельзя придавать значение сатиры, говорит критик, в них нет характеристики русского общества.

Установив этот факт, Добролюбов все же находит возможным выделить общие темы, рассеянные в беглых набросках «Былей и небылиц». Чем же недовольна державная писательница? «Так, будто мимоходом, но постоянно, автор вооружается против пристрастия к иноземному, особенно французскому, против того, когда человек тянется, чтобы выйти из

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, 1934, стр. 45.
[2] Там же, стр. 43.

своего состояния, против непостоянства, часто меняющего заведенный порядок, против умничанья, которое называется скучным»[1].

Внимательный читатель «Современника» в свое время умел понимать, что «выйти из своего состояния» на французский манер и проявить «непостоянство», меняющее заведенный порядок, означает «произвести революционный переворот», а «умничанье» есть не что иное, как идеологическая подготовка такого переворота, возбуждение умов с помощью просветительской философии. Итоговое наблюдение Добролюбова по поводу тематики «Былей и небылиц» вполне раскрывало их реакционный смысл.

Подробно и внимательно освещает критик наиболее яркую страницу в истории «Собеседника», перепечатывая со своими замечаниями «Вопросы к сочинителю „Былей и небылиц"» Фонвизина и «Ответы» на них Екатерины II. «Только ответы эти такого рода,— говорит Добролюбов,— что большая часть из них уничтожает вопросы, не разрешая их; во всех почти отзывается мысль, что не следовало об этом толковать, что это — свободоязычие, простершееся слишком далеко»[2].

Знаменитая ода Державина «Фелица», напечатанная в первой книжке «Собеседника», в сущности, начала собой две линии, свойственные этому журналу: 1) прославление монархии вообще и Екатерины II как образцового правителя страны и 2) сатирические выпады против вельмож, двора и недостатков общественного быта. Сатира, занимающая весьма значительное место в творчестве Державина, была широко представлена в «Собеседнике» его произведениями. Но первое по общественной важности место в журнале занимали произведения Фонвизина. Рядом с «Былями и небылицами», официозными поздравительными стихотворениями и скучной лирикой малоизвестных поэтов в «Собеседнике» появились лучшие сатирические статьи Фонвизина.

В журнале Фонвизин напечатал «Опыт российского сословника», т. е. словаря синонимических выражений. Разъясняя смысл ряда слов и сходных понятий, Фонвизин приводил примеры, звучавшие сатирически остро и смело. Он писал: «п р о м а н и в а т ь, обманывать, проводить — есть больших бояр искусство. Стряпчие обыкновенно п р о в о д я т челобитчиков... Сколько судей, которые, не имев о делах ясного

---

[1] Там же, стр. 55.
[2] Там же, стр. 56.

понятия, подавали на своем роду весьма много мнений, в которых весьма мало мыслей... Не действуют законы тамо, где обиженный притесняется. В низком состоянии можно иметь благороднейшую душу; равно как и весьма большой барин может быть весьма подлый человек. Слово низость принадлежит к состоянию, а подлость к поведению, ибо нет состояния подлого, кроме бездельников. В низкое состояние приходит человек иногда поневоле, а подлым становится всегда добровольно. Презрение знатного подлеца к добрым людям низкого состояния есть зрелище, унижающее человечество».

Свои «Вопросы» в третьей книжке «Собеседника» Фонвизин обращал к сочинителю «Былей и небылиц», т. е. к императрице Екатерине II. Прочитав их, она распорядилась напечатать «Вопросы» в журнале в сопровождении своих ответов, обнаруживших ее недовольство дерзостью сатирика. Например, Фонвизин спрашивал: «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?» Екатерина отвечала прямо: «Оттого, что сие не есть дело всякого». «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют, и весьма большие?» говорилось в другом вопросе, и читатели понимали, что речь идет о ближайшем друге императрицы — вельможе Л. А. Нарышкине, которого прозвали «шпынь» — шутник, балагур. Екатерина сердито отвечала: «Предки наши не все грамоте умели»,— явно желая уклониться от существа дела, и поспешила приписать тут же: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели». Сатира попала в цель.

В своих статьях, напечатанных в «Собеседнике», Фонвизин затронул ряд острейших общественно-политических тем, и недаром Екатерина II ответила ему так резко и грубо. Большое значение имеет вопрос Фонвизина, заключающий всю серию: «В чем состоит наш национальный характер?». Фонвизин, как и другие прогрессивные деятели русской культуры, полагал, что свойства русского национального характера состоят в преданности родине, гражданском патриотизме, военных доблестях, уважении к личным достоинствам людей, независимо от их происхождения и т. д. Екатерина же дала иное определение. По ее мнению, русский национальный характер заключается в «остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». «Скорое понятие» указаний, исходящих с высоты престола, «образцовое послушание» рус-

ских людей воле императрицы, нравственные чувства, внушаемые церковью,— вот что желала видеть Екатерина II в народе, которым она управляла. Послушания же после крестьянской войны 1773—1775 годов ей хотелось больше всего. Нечего говорить о том, насколько этот провозглашенный императрицей идеал отличался от представлений передовых русских людей, по-настоящему болевших за судьбы отечества, и как он был далек от подлинного характера русского народа.

Несмотря на то, что после своих «Вопросов» Фонвизин продолжал некоторое время печататься в «Собеседнике», и на то, что он тонко и умно сделал вид, будто пытается оправдаться перед автором «Былей и небылиц» в особом извинительном письме, его литературная судьба была уже решена: Фонвизин оказался отлученным от литературы, и последующие его сочинения не увидели света при жизни автора.

3

Интересным и новым явлением журналистики последней четверти XVIII века был «Санкт-Петербургский вестник». Издавал его Г. Л. Брайко. Журнал выходил ежемесячно с января 1778 по июнь 1781 года и, в отличие от многих современных изданий, ставил своей целью печатать не только литературные произведения или научные статьи, но и разнообразную информацию.

Каждая книжка журнала состояла из двух частей. В первой помещались «мелкие сочинения для увеселительного чтения», оригинальные или переводные, критические заметки о новых книгах, научные известия, сообщения о фактах русской истории. Второе отделение называлось «политическим», и на его страницах публиковались императорские указы, придворная хроника, сведения о произведении в чины, награждениях, распоряжения столичного губернатора и т. д. Кроме того, здесь печатались иностранные известия и аннотации на некоторые вновь выходящие французские и немецкие книги. Таким образом, «Санкт-Петербургский вестник» держал своего читателя в курсе злободневных событий внутри страны и за ее рубежом и предоставлял ему занимательный материал для чтения.

Издатель Брайко сумел привлечь к участию в своем журнале ряд талантливых писателей — Державина, Капниста, Княжнина, Хемницера и публиковал их новые произведения,

причем испытал однажды цензурные неприятности. В ноябрьской книжке 1780 года он поместил написанное Державиным переложение 81 псалма:

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе,— рек,— доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять...

Стихи эти показались чересчур смелыми, в них услышали угрозу царям. Тираж «Вестника» был задержан, стихи Державина вырывались из каждой книжки и лист затем был перепечатан без них. Стоит напомнить, что позже, в годы французской буржуазной революции, стихи эти навлекли на Державина обвинения в «якобинстве», в сочувствии восставшим французам, казнившим своего короля, и ему с трудом удалось оправдаться.

В своей статье о «Собеседнике» Н. А. Добролюбов отметил, что «Санкт-Петербургский вестник» значительно превосходил остальные журналы 1770-х годов. «Этот журнал, — писал он,— менее обнаруживающий наклонности к отвлеченным, бесплодным умствованиям, больше вникавший в жизнь и лучше ее понимавший, нежели остальная журнальная братия, скоро овладел общим вниманием и продолжался непрерывно в течение почти четырех лет,— явление очень редкое в то время». Указав, что стихотворный отдел «Вестника» отличался сатирическим, а не дидактическим направлением, Добролюбов далее замечает:

«Кроме того, живейший интерес придаваем был журналу тем, что он постоянно следил за новостями политики и литературы. В его программе заключался отдел библиографии — довольно полной и дельной для своего времени — и, сверх того, отдел, в котором помещались распоряжения русского правительства и известия о важнейших политических событиях других стран. Все это придавало журналу небывалые до того живость и разнообразие и, конечно, много содействовало его успеху в публике» [1].

Необходимо добавить, что в эти годы появляется в России

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 34.

ИРТЫШЪ
ПРЕВРАЩАЮЩІЙСЯ ВЪ ИПО-КРЕНУ,
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,

издаваемое

отъ

Тобольскаго главнаго народнаго училища.

МѢСЯЦЪ СЕНЬТЯБРЬ

1789 года.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома находить.

Ода къ Фелицѣ напечат въ I част. соб. люб. рос. сл.

****

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ

ВЪ Типографіи Тоб. купца Вас: Корнильева.

Къ стр. 66, № 2.

Титульный лист первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»

первое провинциальное издание — в 1786 году в Ярославле выходил журнал «Уединенный пошехонец, ежемесячное сочинение, содержащее в себе разные известия о достопамятных происшествиях, случившихся в здешней стране издревле и ныне; благотворительные и человеколюбивые деяния, оказанные частными людьми к общественной пользе, разные духовные, философические, нравоучительные, исторические до нашего отечества и до иных государств относящиеся, также до естественной истории, домоводства и до наук принадлежащие сочинения».

Редактором «Уединенного пешехонца» был В. Д. Санковский, бывший студент Московского университета. Находясь в его стенах и пользуясь поддержкой М. М. Хераскова, Санковский в 1764 году издавал журнал «Доброе намерение». Через двадцать с лишним лет, оказавшись на службе в Ярославле, он вспомнил о своем журналистском опыте и стал выпускать «Уединенного пошехонца» в частной типографии, открытой тремя ярославскими чиновниками после указа о дозволении заводить «вольные типографии».

Литературный уровень журнала невысок, имена авторов, за исключением редактора и его сына Н. В. Санковского, неизвестны, но местный материал, печатавшийся на его страницах, безусловно заслуживает внимания. В журнале приводились сведения о ярославском наместничестве, описывалось открытие в Ярославле дома призрения и воспитания сирот, народных училищ в Ярославле и Вологде, публиковались речи учителей, произнесенные по этому случаю, статьи о городах Романове, Борисоглебске, Петровске, Рыбинске, Мологе, Мышкине и других, об уездах наместничества. Читатель мог узнать, например, что в Ярославле в 1786 году обитало 18 960 жителей мужеска и женска пола, что город был основан в 1025 году, что в гербе его на белом поле медведь, держащий золотую секиру, что в Ярославле сорок три церкви, собор, три монастыря, двенадцать заводов, девять фабрик, есть тюрьма, богадельня, школа и гимназия.

Появление «Уединенного пошехонца» показало, что литературные силы в России сосредоточены не только в столичных городах, что ими располагает и провинция. Это подтвердили затем появившиеся в Тобольске ежемесячные журналы «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—1791), «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная» (1793—1794) и другие издания.

ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА

1

Сатирические журналы, которые издавал Н. И. Новиков в 1769—1774 годах — «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», сыгравшие такую заметную роль в развитии русской журналистики, один за другим были закрыты. Исправлять нравы общества с помощью сатиры в России оказалось невозможным, и Новикову дали это понять весьма недвусмысленно. Но желание служить людям, распространять просвещение, развивать читателей, помогать их духовному росту не ослабело в неутомимом издателе, и он после крестьянской войны 1773—1775 годов, в новых и очень трудных социально-политических условиях, решает продолжать свою деятельность, находя для нее иные формы и методы.

По словам В. Г. Белинского, высоко ценившего Новикова, «благородная натура этого человека постояннно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению. Для чтения нужны книги и журналы, а их-то и не было тогда. И вот Новиков издает книги и журналы, всюду ищет молодых людей, способных или охотливых к книжному делу. Знающим иностранные языки он заказывает переводы, у стихотворцев печатает стихи, у прозаиков — прозу; всех ободряет и понуждает, бедным дает средства к образованию» [1].

Новиков знал, как тяжело живется русскому крестьянству и всем неимущим людям, но мысль об открытой борьбе за

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. и с прим. С. А. Венгерова. т. X. СПб., 1914, стр. 310.

общее счастье с оружием в руках не приходила ему в голову. Он был враг насильственных потрясений, задуманных даже с самыми благими целями. Новиков находил, что необходимо трудиться над моральным усовершенствованием каждого отдельного человека, помогать ему освободиться от пороков, а когда это будет сделано — исправится и общество в целом. Каждый должен был работать над своим нравственным перерождением, активно действовать на пользу другим людям. Такие задачи и принялись диктовать читателям периодические издания Новикова.

В 1775 году в Петербурге Новиков вступил в ложу масонов. Участие в масонской организации дало ему новые средства и возможности, которые Новиков направил на развертывание издательской деятельности, на широкую и разумную благотворительность.

Оставив издание сборников исторических документов — «Древняя российская вивлиофика» (1773—1775) и «Повествователь древностей российских» (1776), Новиков в 1777 году начал выпускать первый в России журнал критической библиографии «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Предполагалось, что издание будет выходить еженедельно в продолжение всего года, но, во-первых, оно началось с опозданием — в марте, вместо января, а, во-вторых, по неизвестным причинам окончилось на двадцать втором номере.

Для младенческого состояния русской литературной критики в ту пору было характерно, что редакция с большими оговорками утверждала свое право оценивать новые книги, испрашивая у просвещенных читателей «вольность благодарныя критики». В предисловии к журналу, написанном Н. И. Новиковым, было сказано:

«Не желание осуждать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная; почему и не уповаем мы сею поступкою нашею огорчить благоразумных писателей, издателей и переводчиков; тем паче, что в критике нашей будет наблюдаема крайняя умеренность и что она с великой строгостию будет хранима во пределах благопристойности и благонравия».

Рецензии — вернее сказать, аннотации — отличались краткостью и почти не содержали критических замечаний. Важно отметить, что в первом номере «Ученых ведомостей» были описаны издания «Наказа императрицы Екатерины II, данного Комиссии о сочинении проекта Нового уложения», вышедшие из печати в 1770 году на четырех языках — рус-

ском, латинском, немецком и французском. «Наказ» вскоре после своего составления был признан либеральной книгой, рассчитанной вовсе не на общее пользование, и Екатерина приняла меры к тому, чтобы экземпляры его были спрятаны подальше. Новое издание предназначалось не для России, а для Западной Европы, в глазах которой Екатерина хотела поддержать репутацию справедливой монархини. Тем большую смелость проявил Новиков, в особой статье напоминавший об этом документе и о работе Комиссии, на заседаниях которой, несмотря на все процессуальные преграды, горячо обсуждалось положение русских крепостных крестьян.

Кроме библиографических заметок, преимущественно о книгах исторического содержания, и публикации документов, в «Ученых ведомостях» печатались похвальные надписи к портретам Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, Николая Поповского, художника Антона Лосенкова и гравера Евграфа Чемезова, сочиненные Ф. Козельским, В. Майковым, И. Дмитриевым, и надпись к портрету Ломоносова, сочиненная Поповским.

Журнал Новикова «Утренний свет», который он выпускал ежемесячно с сентября 1777 по август 1780 года включительно, сначала в Петербурге, а с мая 1779 года в Москве, был нравственно-религиозным изданием с философским уклоном: читателям предлагалось не только верить, но и размышлять об основаниях своей веры.

«Утренний свет» впервые в русской журналистике и литературе провозгласил самым важным и необходимым делом — внимание к человеку, к отдельной личности, ее развитию и совершенствованию. В предисловии к первой книжке издатели утверждали: «Ничто полезнее, приятнее и наших трудов достойнее быть не может как то, что теснейшим союзом связано с человеком и предметом своим имеет добродетель, благоденствие и счастие его... Все мы ищем себя во всем... Итак, нет ничего для нас приятнее и прелестнее, как сами себе» (стр. X—XI).

Таким образом, тезис «Познай самого себя», характерный для учения масонов, выдвигается на первый план в журнале «Утренний свет». Он сыграл важную роль в развитии русской литературы. Именно отсюда ведет свое начало сентиментализм в дворянском своем варианте, достигший наибольшего расцвета в творчестве Карамзина. Ученик московских масонов, Карамзин воспринял их систему работы над собой, стал необычайно внимательно относиться к своим наблюдениям,

переживаниям, чувствам и, воспроизводя их на бумаге, получил необычайный эффект. То, что еще только намечалось у Хераскова, бывшего масоном уже в конце 50-х годов, что начинало складываться у М. Н. Муравьева, отчетливо прозвучало в «Утреннем свете» Новикова и превратилось в творческий метод у Карамзина.

В литературе революционно-буржуазной Франции интерес к отдельному человеку и уничтожение канонов классицизма, принципиально отрицавшего личность во имя государственного целого, обусловлены борьбой с феодализмом и монархией. Там внимание к личности, признание внесословной ценности человека были необходимым элементом идеологической подготовки буржуазной революции. Русский дворянский сентиментализм, разумеется, чуждался подобных устремлений, и сходные в литературном смысле результаты были достигнуты действием иных причин. Желание «познать самого себя», чтобы исправить свои недостатки, пробудило интерес к состоянию личности, к условиям ее существования, к самоанализу, и все это как нельзя более ответило потребностям общества, в немалой своей части желавшего отойти от впечатлений крестьянской войны и жестокости потемкинского режима в области духовных исканий и помечтать о времени, когда не будет сословной вражды.

Журнал «Утренний свет» заявил о намерении возвести на величественный престол униженную добродетель и представить порок во всей его наготе. Неверно думать, что Новиков в своих изданиях 80-х годов совсем отказывается от сатиры. Но в отличие от прежних лет он обещает пользоваться бичом сатиры с тем, «чтоб давать восчувствовать сие наказание единым токмо порокам, а не особам, поелику они суть человеки». Нужно стараться быть человеколюбивым и личностей не касаться (стр. XV—XVI).

Новиков, принявшись издавать в Петербурге «Утренний свет», умело вовлекал читателей в круг просветительных дел, собирал пожертвования на бедных, стекавшиеся к нему со всех сторон России: подписчики на журнал были в каждом городе. Деньги, получаемые издателем, шли на содержание двух училищ для мальчиков и девочек, Екатерининского и Александровского. В книжках «Утреннего света» печатались отчеты об успехах учащихся, публиковались письма жертвователей. Внезапно выяснилось, что Новиков сумел создать крупное благотворительное общество, правда, не имевшее определенного устава и членства, но от этого действовавшее

Типография Н. И. Новикова в Москве
С акварели Ф. Я. Алексеева

отнюдь не хуже. Эта общественная деятельность Новикова пришлась совсем не по вкусу императрице Екатерине II, и она, отпускавшая средства на издание «Древней российской вивлиофики», теперь распорядилась не выписывать для себя «Утренний свет» и ничем не помогла новым училищам.

Новиков постарался привлечь к чтению и дам. Для них он в 1779 году стал выпускать журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». С января по апрель этот журнал выходил в Петербурге, а с мая по декабрь — в Москве, куда переехал Новиков. Всего вышло 12 книжек, и к каждой была приложена картинка — «Щеголиха на гулянье», «Счастливый щеголь», «Раскрытые прелести», «Убор а ля белль пуль», «Чепец победы» и т. д.

Журнал назначался «доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение, почему и будут в оном помещаться только такие сочинения или переводы, кои приятны или забавны». Страницы его заполнялись сказочками, анекдотами, идиллиями, эклогами, песнями, эпиграммами, загадками, да прилагалось «и о том старание, чтобы сообщаемо было о новых парижских модах».

Авторы материалов, печатавшихся в журнале, в большинстве своем анонимны. Из известных писателей журнал предпочитал А. П. Сумарокова, ряд небольших произведений которого появился в первых книжках, и В. И. Майкова, чей перевод «Превращений» Овидия занял главное место в третьей и четвертой частях журнала (июль — ноябрь). Для обоих авторов это были уже посмертные публикации.

В апреле 1779 года Новиков взял в аренду сроком на десять лет типографию Московского университета. Эту возможность предоставил ему директор университета М. М. Херасков, с которым Новиков дружил как писатель и, кроме того, был связан по масонской организации.

Издательские дела в Московском университете шли плохо, газета «Московские ведомости» расходилась тиражом пять — шесть сотен экземпляров, книг почти не печаталось. Новиков энергично принялся обновлять оборудование типографии, увеличил шрифтовое хозяйство, набрал новых работников и в очень короткое время развернул огромную издательскую деятельность. Через пять лет убыточная университетская типография превратилась в мощное полиграфическое предприятие, выпускавшее журналы и книги, общее число которых к 1785 году достигло четырехсот. Для продажи печатной продукции были открыты книжные лавки в Москве, а в другие горо-

да — Петербург, Киев, Смоленск, Тамбов, Тверь, Ярославль — книги отпускались купцам на комиссию. Таким образом, широкая постановка книжной торговли, проведенная Новиковым, позволила быстро доставлять книгу читателю в далекие уголки российского государства.

Новиков вел дело не один. В конце 1779 года вокруг него составилось «Дружеское ученое общество», в котором приняли участие видные московские масоны — князья Трубецкие, князь Черкасский, И. П. Тургенев, профессор И. Г. Шварц и другие. Все они внесли денежные средства в фонд общества, что, вместе с доходами от издательских предприятий, составило крупную сумму: годовой доход, как указывал на следствии Новиков, в 1784 году составлял свыше 40 тысяч рублей. При университете на средства «Дружеского ученого общества» были открыты семинарии Педагогическая, Переводческая и Филологическая, принявшие несколько десятков студентов.

В 1784 году взамен «Дружеского ученого общества» была создана Типографическая компания, участники которой были пайщиками издательского дела и вложили в него немалые деньги — 30 тысяч рублей дал А. М. Кутузов, 20 тысяч — братья Лопухины, 10 тысяч — князья Трубецкие, по 5 тысяч Тургенев, Чулков и Ладыженский, на 80 тысяч рублей внесли книг Новиков с братом, по оценке 25 копеек с рубля продажной цены. Новая компания приобрела несколько домов, основала крупную типографию на двадцать печатных станков, открыла в Москве на Никольской улице аптеку, расширила продажу книг.

Один за другим из типографии Новикова выходили журналы — «Утренний свет», «Московское ежемесячное издание», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», печаталась газета «Московские ведомости», тираж которой достиг четырех тысяч экземпляров, — цифры для XVIII столетия чрезвычайно значительной. Вместе с «Ведомостями» к читателю текли разнообразные приложения — журналы или серии книг научно-практического и литературного характера: «Экономический магазин», «Детское чтение для сердца и разума», «Городская и деревенская библиотека», «Магазин натуральной истории, химии и физики», «Прибавление к Московским ведомостям». Каждое издание было рассчитано на своего подписчика и предоставляло ему материал для полезного и занимательного чтения.

В этих изданиях сотрудничали многие русские писатели и большое число переводчиков. Новикову удалось создать

крупный коллектив литераторов, силы которого он направлял на содействие просвещению русских людей.

После «Утреннего света» Новиков с января до декабря 1781 года выпускал «Московское ежемесячное издание» — журнал, служивший продолжением предыдущего, но отличавшийся от «Утреннего света» наличием статей по истории, географии и политике. Предисловие к первой книжке «Московского издания», написанное, как можно полагать, Новиковым, выдвигало те же цели, которым был посвящен «Утренний свет». В нем подчеркивалось, что издатели испытывают сострадание к тем людям, одаренным способностями, ученым и почтенным, которые «говорят и хулят с надменным и уверительным видом и остроумием закон, ко спасению рода человеческого свыше полученный» (стр. VI). Неверующий ученый, по мнению редакции,— невежда, «от таковых-то ученых вся мерзость, находящаяся на земном шаре свое имеет начало» (стр. XI).

«Московское издание» в ряде статей касалось вопросов современной действительности, нравоучения дополнялись критическими наблюдениями над окружающей жизнью и не отвергалась сатира. Автор статьи «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук» (т. I, апрель), — очевидно, Н. И. Новиков — писал о том, что для развития наук необходимо устойчивое состояние политических учреждений, обеспечение свободы мысли, ибо науки «вольностью процветают». Так, они достигли успеха в республиканском Риме, но когда «последовало подлое рабство во времена императоров, то сей благороднейший жар вдруг погас». Позже «англичане оказали великие успехи в философии; причина тому гордая вольность их мыслей и сочинений», которые могут быть примером целому свету. О России в статье не говорилось ничего, но мысль читателя невольно обращалась к ней, встречая строки о том, что «нигде, где только рабство, хотя бы оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвесть что-нибудь великое» (т. I, стр. 286). Автор утверждает, что «народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых: к знатным же они приходят весьма поздно» (там же, стр. 282).

Политическую остроту имели два «письма», опубликованных в августовской книжке журнала,— «О льстецах и о всех людях вообще» и «О государях». В первом из них говорилось, что «счастлив тот, кто не знает знатных, и еще счастливее, когда незнаем ими» (стр. 247), во втором определялись каче-

ства, необходимые государю, причем слова о любовных страстях, мешающих монархам порядочно править, звучали намеком на поведение Екатерины II. Сделать государя великим могут только премудрость и правосудие.

В «Московском издании» принимали участие А. М. Кутузов, И. П. Тургенев и группа студентов Московского университета, переводивших литературные материалы.

Новиков решительно перестроил газету «Московские ведомости»: кроме заметок, переведенных из иностранной прессы, стал печатать российские известия, получаемые из разных городов, от корреспондентов, с которыми он имел деловые связи, ввел отдел библиографии, начал публиковать статьи и стихотворения. Газета ожила, ее полюбили читатели.

В разнообразных журналах, служивших приложением к газете, Новиков стремился расширять кругозор подписчиков и давать им практические советы. Так, в течение десяти лет, с 1780 по 1789 год, к «Ведомостям» дважды в неделю прилагались номера журнала «Экономический магазин», содержавшие сообщения об открытиях, опытах в сельском хозяйстве, наставления, рецепты, весьма полезные деревенским жителям. Редактором этого журнала и главным автором его был помещик-агроном А. Т. Болотов. Комплект «Экономического магазина» за время его издания составил сорок томов, первые восемь томов вскоре были переизданы.

С 1782 по 1786 год приложением к «Ведомостям» служила «Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствие разума и сердца в праздное время, содержащая в себе как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные».

Название журнала указывало, что он рассчитан не только на городского, но и на деревенского читателя: Новиков стремился заинтересовать чтением русскую провинцию, захолустных помещиков, сидевших в своих усадьбах, уездных грамотеев и потому заполнял страницы журнальных книжек разнообразной беллетристикой, целиком почти переводной Он печатал повести «Любовь увенчанная, или приключения кавалера д'Аблинкурта и девицы де Сент-Симон», «Похождение маркиза де Кресси», «Девица, каких мало находится», и т. д. Две части «Библиотеки» были заняты повестями об иностранных монархах — «Несчастные приключения, или горестная жизнь Екатерины, королевы аглинской» (ч. VIII) и «Прогулки и любовные забавы Августа II, короля польского»

(ч. IX). Однако в журнале появились и произведения Дидро — «Два друга», «Разговор отца с детьми о том, сколь опасно поставлять свой рассудок выше закона» (части I и II).

Из оригинальных произведений в трех частях «Библиотеки» — первой, второй и четвертой — были напечатаны «Пословицы российские», 16 небольших нравоучительных рассказов, объяснявших происхождение и первоначальный смысл пословиц «Зиме и лету перемены нету»; «Малого пожалеешь, да большее потеряешь»; «Замок для дурака, а печать для умного» и других, в числе которых иные имели злободневный сатирический характер. Например, рассказ «Седина в бороду, а бес в ребро» (часть II), состоящий из нескольких эпизодов, высмеивает стариков и старух, которые на склоне лет «искушением беса» совершают несвойственные их возрасту поступки — влюбляются в молодых, предаются сочинительству, безудержно шутят. Исследователи усматривают в этом рассказе намек на Екатерину II, под старость часто менявшую своих фаворитов [1].

В изданиях Н. И. Новикова получили освещение война американских колоний с Англией и крах колонизаторской политики британских купцов. В одном из лучших своих журналов «Прибавление к Московским ведомостям», подробно рассматривая политический строй вновь созданных Соединенных Штатов Америки (1784, № 39—43, 46, 47, 65—69) и высказывая удовлетворение по поводу американских событий, Новиков уделяет большое внимание английской политике в Индии. На протяжении 1783—1784 годов в «Прибавлении» было напечатано до десятка статей, затрагивающих эту тему. Несмотря на то, что статьи эти носили, казалось бы, описательный, справочный характер, в них рассказывалось об Ост-Индской компании, о ее базах в Индии, о состоянии торговли европейцев с этой страной. Журнал настойчиво проводил мысль о том, насколько тягостны для индийцев английские методы управления и какое недовольство они возбуждают.

---

[1] Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. Гослитиздат, 1951, стр. 466 и сл.; П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. Изд-во АН СССР, 1952, стр. 406. Автором «Пословиц российских» Г. П. Макогоненко считает Н. И. Новикова и напечатал их в составленной им книге избранных сочинений этого писателя (Гослитиздат, 1951, стр. 221—258). Однако утверждения исследователя лишены необходимой доказательности. Проблема авторства «Пословиц российских» требует внимательного научного изучения и до знакомства с его результатами никак не может почитаться решенной.

Ненависть населения — вот чего добилась Ост-Индская компания, и только военной силой могли удерживать англичане свои позиции в Индии. Однако журнал далек от пессимизма, он выражает уверенность в том, что индийцы сумеют справиться со своими иноземными врагами: «Сии народы рано или поздно одержат паки верх. Если сыщется между ими искусный и предприимчивый человек, то ему удобно будет выгнать одну европейскую нацию за другой. Индийцам недостает только страшного флота: в морских походах они отважны и храбры» (1783, № 60).

В следующем, 1784 году Новиков поместил серию статей, посвященных Индии и занявших несколько номеров журнала (№ 8—15). Они переводились с иностранных языков, но подбор их и направление свидетельствовали о сочувствии Новикова индийскому народу и о суровом осуждении колонизаторского грабежа, проводимого Англией. Циклу этих статей была предпослана редакционная заметка, в которой говорилось:

«Новая история не содержит в себе другого столь важного приключения, как покорение Бенгал. Чрез тысячу лет никогда побеждаем не был иною нацией столь благоустроенный народ, каковы на самом деле бенгальцы, состоящий из 12 или 15 миллионов человек, находящихся в благосостоянии посредством художеств и земледелия... Сия столь богатая и счастливая нация под новым владением пришла столь скоро в упадок и бедность, что и сему также нет примера в истории» (стр. 58—59).

Новиков раскрыл перед читателем одну из позорнейших страниц английской колониальной политики. В последующие десятилетия передовая русская публицистика не раз обращалась к индийской теме и, всегда горячо сочувствуя индийскому народу, с возмущением осуждала действия английских эксплуататоров в Индии.

В «Прибавлении к Московским ведомостям» за 1784 год (№ 69—71) Новиков напечатал статью «История ордена иезуитов», содержавшую ряд неблагоприятных для этой могущественной организации сведений. Узнав о статье, Екатерина II приказала изъять номера «Прибавлений», заявив, что «дав покровительство наше сему ордену, не можем дозволить, чтобы от кого-либо малейшее предосуждение оному учинено было».

Следующим по времени приложением к «Московским ведомостям» был журнал «Детское чтение для сердца и разума», выходивший еженедельно в течение 1785—1789 годов и

составивший комплект из двадцати частей. Начиная этот журнал, Новиков руководился мыслью о том, что «в нашем отечестве... детям читать нечего» и для разумного воспитания необходимо предоставить юным читателям доступное их возрасту полезное и приятное чтение. Это намерение Новикова определялось его педагогическими взглядами, подробно изложенными им в статьях «О воспитании и наставлении детей», напечатанных в «Прибавлениях к Московским ведомостям» за 1783—1784 годы.

Новый журнал редактировали А. А. Петров и Н. М. Карамзин. Содержание первых частей издания было достаточно разнообразным и в меру нравоучительным. Начиная с девятой части журнал заполняется длинными повестями, переведенными Карамзиным, и лишь с шестнадцатой вновь возвращается к прежней манере помещать небольшие занимательные статьи и рассказы, способные привлекать детей.

В 1788—1790 годах «Московские ведомости» имели приложением еще один журнал — «Магазин натуральной истории, физики и химии, или новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам». Номера его первые два года выходили два раза в неделю, а третий — еженедельно. Редактировал журнал А. А. Прокопович-Антонский и помещал там переводы из трех французских словарей по естественным наукам. Это издание, при всей наивности подхода редактора к составлению номеров, примечательно замыслом Н. И. Новикова знакомить читателей с начатками естествознания и просвещать умы научными сведениями о строении мира, о свойствах физических тел, о явлениях природы, о Земле, ее животных и растениях. Масонским «таинствам» журнал открыто противопоставлял здравые, основанные на современных научных данных сообщения, лишенные религиозной окраски, и по одному этому почин издателя заслуживает благодарной оценки.

Одновременно с «Городской и деревенской библиотекой» в 1782 году в университетской типографии Новикова выходил ежемесячный журнал «Вечерняя заря». Он имел сильно выраженное религиозно-мистическое направление и заключал в себе, как говорилось на его титульном листе, «лучшие места из древних и новейших писателей, открывающие человеку путь к познанию бога, самого себя и своих должностей».

Журнал объявил, что он служит продолжением «Утреннего света» и что доходы от издания по-прежнему пойдут на содержание двух училищ для бедных детей. Однако это было

не так. Новиков продолжил «Утренний свет» журналом «Московское ежемесячное издание», затем приступил к выпуску «Городской и деревенской библиотеки», а «Вечернюю зарю», как показали исследования Г. П. Макогоненко, редактировал известный в те годы масон И. Г. Шварц [1]. Немец по национальности, он в 1780-х годах приехал в Россию, был гувернером в одном из богатых домов, а затем определился профессором Московского университета и быстро выдвинулся в качестве проповедника среди московских масонов. Шварц старался теснее связать русских масонов с немецкими. с этой целью выезжал за границу и, возвратившись, принялся с новой энергией распространять мистические бредни и посредством алхимических опытов отыскивать «философский камень».

«Вечерняя заря» была литературным масонским изданием, далеким от политики и от общественной жизни. Сотрудники ее — слушатели Шварца, студенты Московского университета М. Антоновский, Л. Максимович, Л. Давыдовский, А. Лабзин и другие,— переводили статьи религиозного содержания из иностранных журналов и печатали свои нравоучительные стихи. Как указывает исследователь, «новиковской пропаганде просвещения и наук, гимну разуму ученики Шварца противопоставляют мудрость священного писания, веру, божественное откровение: „Разум научает нас, но не может раскрыть истину бытия божия и в чем воля божия. Однако ж откровение может ясно нам показать, в чем истинный свет". Эта мысль воспринята «Вечерней зарей» от Шварца; в своих лекциях он выступил как правоверный мистик против тех философов, которые превозносили человеческий разум... Выступила «Вечерняя заря» и против новиковского идеала человека» [2].

Следующим периодическим изданием, выпускавшимся университетской типографией Новикова, был журнал «Покоящийся трудолюбец». Он издавался не помесячно, а частями, причем две части вышли в 1784 году и две в 1785. Журнал этот называл себя продолжением «Вечерней зари», но по сравнению с ней был гораздо меньше связан с мистикой и отличался литературным оформлением. Участвовали в нем студенты

---

[1] Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, стр. 449 и сл.

[2] Там же, стр. 456.

Московского университета Антон и Михаил Антонские, Подшивалов, Сохацкий, Благодаров, Голубовский и другие. Кроме них печатались С. Бобров, П. Икосов.

В каждой книжке журнала сначала помещены статьи религиозно-моралистического характера, молитвы в стихах, переложения псалмов, рассуждения на темы евангелия, призывы к добродетели. Но затем следовал развлекательный материал — небольшие повести, анекдоты, загадки, эпиграммы, статейки для детей. Встречаются сатирические выпады против пороков, правда, имевшие вид чрезвычайно общий и далекие от «личностей» и злобы дня.

2

За время с начала аренды университетской типографии до ареста Новикова, т. е. с 1779 по 1792 год, он издал около девятисот названий книг, в числе которых были и многотомные труды. Разумеется, среди этой массы встречаются и религиозные, а также масонские издания, но их было сравнительно немного. Большинство составляли книги, содействовавшие просвещению читателей.

Здесь печатались сочинения русских писателей: Сумарокова, Хераскова, Николева, переводы Вольтера, Расина, Корнеля, Мольера, Руссо, Дидро, Д'Аламбера, Свифта, Фильдинга, Смоллета, Гольдсмита, Стерна, Юнга, Локка, Клопштока, Виланда, Геллерта, Лессинга и многих других. По подсчетам исследователя, приблизительное — потому что трудно установить точные признаки группы книг — разделение их таково: «Группа первая — художественная литература — стихи, проза, драмы — русские и переводные: 384 книги. Вторая — сочинения по истории, философии, экономике и политике: 120. Третья — учебные пособия, практические наставления (лечебники, словари и т. д.), официальные документы: 194. Итак, три группы изданий, ничего общего не имеющих не только с масонством, но и с нравоучением и религией, составляют 698 книг» [1].

Екатерина II, даже не вникая в характер просветительской деятельности Новикова, видела в нем прежде всего масона и подозревала тайное зло в каждой выпущенной им

---

[1] Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, стр. 508.

книге. Она весьма опасалась масонов, считала нелепыми и противными религии их убеждения, страшилась влияния масонов на наследника престола Павла Петровича, которого не без основания считала своим врагом, и потому приняла ряд мер против масонской организации. Не пренебрегала она и литературными средствами, сочинив три комедии против масонов — «Обманщик», «Обольщенный» (1785) и «Шаман сибирский» (1786).

Новиков неустанно расширял свою благотворительную деятельность. «Дружеское ученое общество» содержало группу студентов Московского университета, некоторых посылало для усовершенствования за границу. Выплачивались пособия неимущим, щедро раздавалась милостыня. Была открыта бесплатная аптека для бедных, которой заведовал приглашенный из Германии фармацевт. Об этой большой и бескорыстной помощи говорила Москва, и в Петербурге стали тревожиться.

В 1785 году Екатерина II приказала освидетельствовать все книги, изданные Новиковым, и самого его испытать в законах православной веры. Архиепископ Платон провел такое испытание и после беседы с Новиковым доложил государыне, что он является истинным христианином. Книги также не внушали особых сомнений: из 460 книг, вышедших в типографии Новикова, только 23 были признаны «могущими служить к разным вольным мудрованиям, а потому к заблуждениям и разгорячению умов». Шесть из них были масонскими, их распорядились сжечь, семнадцать же, в числе которых были произведения Вольтера, сборники сказок, песен, романов,— лишь запретили продавать.

Попытка найти в трудах Новикова что-либо предосудительное не удалась, расправу с ним приходилось отложить в надежде подыскать к ней юридические основания. Однако вскоре императрица решила не стараться о соблюдении законности: Новиков превращался для нее в грозную силу.

Неурожайный 1778 год отозвался повальным голодом среди крестьянства Московской губернии. Люди умирали без хлеба, а предстоял год еще более страшный, ибо сеять было нечего и поля оставались пустыми. Правительство, бессильное справиться с бедствием, преуменьшало его размеры. Считалось невозможным говорить о недостатках царствования, его нужно было признавать исключительно счастливым и благополучным. Такую точку зрения утверждала сама Екатерина. Она писала: «У нас умирают от объядения, а никогда

от голода. У нас вовсе не видно людей худых и ни одного в лохмотьях, а если есть нищие, то по большей части это ленивцы: это говорят сами крестьяне».

Новиков знал цену громкой похвальбе императрицы. Бывая в деревне, он собственными глазами видел народные страдания и немедленно устремился на помощь — роздал весь хлеб из амбаров своего поместья, занял денег, закупил зерно и передал его крестьянам окрестных деревень. В Москве Новиков громко и страстно говорил о голоде, призывал выручить крестьян и собрал денежные средства. Богатый заводчик Походяшин одолжил Новикову 50 тысяч рублей для голодающих. Новиков поехал в деревню, прожил там зиму и весну 1788 года, накормив жителей ста селений и обеспечив их семенами для посева.

Хлеб крестьяне получали в долг, и после сбора урожая в огромном большинстве постарались расплатиться с Новиковым. Он ссыпал хлеб в запасной магазин и создал хлебный фонд на случай нового неурожая.

«Тех, кто не мог уплатить долг хлебом или деньгами,— сообщает исследователь, — Новиков привлекал на своего рода общественные работы: сообща крестьяне делали кирпич и из него начали строить каменное здание для хлебных запасов, другие обрабатывали особые запашки, под которые Новиков отвел землю в своем имении, и хлеб, снятый с них, ссыпался в общий магазин. В результате образовалось необычайно солидное предприятие, в которое были втянуты крестьяне сотни окрестных селений. „Посредством обработания полей, — свидетельствует Новиков,— и расчистки побросанных мест и посев хлеба у меня в деревне увеличивался повсягодно, и увеличился почти до невероятного числа“. Взятую у Походяшина сумму в 50 000 р. на организацию этого дела Новиков продолжал считать своим личным долгом и надеялся во времени выплатить ее. Но это предприятие Новикова показалось многим опасным. Одни говорили, что таким путем он хочет привлечь к себе для каких-то тайных целей простой народ, другие, качая головой в изумлении, решали, что такая широкая помощь населению возможна только для тех, кто делает фальшивые ассигнации, и обвиняли в этом Новикова и его сотоварищей — масонов» [1].

---

[1] В. Боголюбов. Н. И. Новиков и его время. М., 1916, стр. 346.

При первых известиях о французской буржуазной революции 1789 года надзор за Новиковым усилился. После истечения десятилетнего срока договор на аренду университетской типографии с ним не был продлен. Новый московский главнокомандующий князь Прозоровский получил от Екатерины II инструкции строго наблюдать за «известной шайкой» и поспешил уведомить императрицу об опасностях распространенной в Москве «мартинистской заразы».

В 1790 году вышла из печати книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», автора которой Екатерина признала «бунтовщиком хуже Пугачева», готовым «книгою ли или инако исторгнуть скипетр из рук царей». Радищев был приговорен к смертной казни, в виде особой царской милости замененной ссылкой в Илимск.

Весной 1792 года императрица расправилась и с Новиковым. В поисках «подозрительных книг» у Новикова был произведен обыск, его арестовали в имении и под конвоем команды гусар доставили в Москву, а затем тайно перевезли в Шлиссельбургскую крепость. Допрашивал Новикова сыщик и палач Екатерины Шешковский, применяя пытку. Императрица читала протоколы допросов и руководила следствием.

Новиков был объявлен «государственным преступником», организатором заговора против правительства, руководителем тайного общества, опасного для православной религии, агентом иностранных держав, издателем «развращенных книг». И хотя все обвинения эти ничем не доказывались, «хотя Новиков, — как говорилось в указе, — и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни».

Смертная казнь была заменена Новикову пятнадцатилетним заключением в Шлиссельбурге, его огромное издательское предприятие было разрушено, тысячи книг сожжены, все имущество компании пущено с молотка, вкладчики ее разорены.

По сравнению с Новиковым его товарищи-масоны Лопухин, князь Трубецкой, Тургенев, привлеченные к делу как «соучастники», были наказаны чрезвычайно легко — им приказали жить в собственных деревнях, и только. Такой приговор показывает, что императрица имела целью поразить одного Новикова, покончить с его просветительской деятельностью

и не придавала большого значения масонским связям неутомимого издателя.

Екатерина II добилась своего — она уничтожила дело ненавистного ей Новикова. Он вышел из тюрьмы после воцарения Павла I в 1796 году совершенно разбитым и больным человеком. До самой смерти в 1818 году Новиков жил в своем разоренном поместье, отчаянно боролся с нуждой и страдал от болезней.

Но то, что сделал он в годы своего расцвета, навсегда внесло его имя в историю русской литературы и журналистики, в историю нашей национальной культуры.

«ДРУГ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ...»

1

Конец 80-х годов XVIII века в России характеризуется ростом крестьянского движения, направленного против помещиков, и заметным подъемом русской общественной мысли в ее прогрессивном лагере. Именно теперь великий писатель-революционер А. Н. Радищев приступает к осуществлению давно задуманных планов, заканчивает и печатает свои книги и главную из них — «Путешествие из Петербурга в Москву». В 1789 году был издан в Петербурге трактат Анри Гудара «Мир Европы, или Проект всеобщего замирения», в котором оказались сосредоточенными наиболее революционные высказывания французских материалистов. Вышли в свет на русском языке сборник «Дух Гельвеция», «Персидские письма» Монтескье и другие идейно близкие к ним сочинения. Кроме того, нельзя забывать, что русскому читателю были хорошо известны иностранные, в особенности французские, книги. На широкое распространение их в Москве главнокомандующий князь Прозоровский жаловался Екатерине II в 1792 году.

В эту пору, в 1788 году, Фонвизин, испытавший царскую опалу после своих выступлений на страницах «Собеседника любителей российского слова», пробует вновь обратиться к читателю и хлопочет о разрешении издавать журнал «Друг честных людей, или Стародум», в чем ему было сейчас же отказано.

«Периодическое сочинение, посвященное истине» — вот что стояло в подзаголовке названия журнала. Фонвизин желал говорить с читателем об «истине», бороться против лжи, распространявшейся с высоты престола, открывать глаза людям на бедственное положение дел в русском государстве.

Он постарался соблюсти осторожность: в открывающем журнал письме сочинителя «Недоросля» к Стародуму и ответе последнего несколько раз подчеркнуто, что «век Екатерины Вторыя ознаменован дарованием россиянам свободы мыслить и изъясняться» и что попытки порочных вельмож и бессовестных лихоимцев противодействовать журналу получат отпор. Но все это было только благим пожеланием автора, а вовсе не фактом действительной жизни,— не одни сановники, боявшиеся сатиры, но и сама императрица вовсе не хотела читать сочинений, «посвященных истине». Ведь всего лишь пять лет назад Фонвизин вступил в журнальный спор с Екатериной II, и хотя потерпел поражение в открытой схватке, однако его пера очень опасались в правительственных кругах.

Журнал «Друг честных людей» был единоличным детищем Фонвизина,— на его страницах продолжали жить персонажи «Недоросля» — комедии, имевшей неслыханный успех у зрителей. Герои «Недоросля», зарисованные мастерской рукой талантливого художника, сразу же обрели обобщающее значение и сделали свои имена нарицательными. Писатель вполне мог рассчитывать, что интерес к его героям только возрастет со временем, и встречи с ними будут интересны читателям.

В своем новом журнале Фонвизин намеревался публиковать переписку Стародума с различными корреспондентами и другие, якобы сообщаемые этим персонажем, материалы. Стародум, согласившись с предложением сочинителя «Недоросля» участвовать в его начинании, высказал мысль о том, что писатели имеют долг «возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству, так что человек с дарованием может в своей комнате с пером в руках быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества».

В этих словах Стародума Фонвизин высказал взгляды на роль писателя, которые он постарался осуществить в комедиях «Бригадир» и «Недоросль», в многочисленных журнальных статьях и теперь пытался провести в специальном издании, посвященном «истине».

Оказывается, Софья, выйдя замуж за Милона, через несколько лет почувствовала себя несчастной: муж стал неверен ей, он влюбился в «презрительную женщину, каковые наполняют здешние вольные маскарады и, будучи осыпаны бриллиантами, соблазняют молодых людей...». Милон не выдержал

Д. И. Фонвизин

Гравюра Е. Скотникова с портрета маслом работы А. Ш. Караффа

испытания столичной жизнью, и Софья, отчаянно ревнуя мужа, спрашивает Стародума, что можно ей предпринять?

Стародум отвечает ей из Москвы,— он по-прежнему сторонится столицы и придворного блеска,— что ревность в данных обстоятельствах унизительна для Софьи и что Милон вернется к ней, если она будет оставаться благонравной и добродетельной. Надо терпеть, скрывая страдания сердца, и все со временем придет в порядок.

В этих письмах Фонвизин затрагивает довольно заметную для современников тему распада дворянской семьи. Он очень осторожен в своих рецептах и возлагает надежду на хорошие качества Милона, которые рано или поздно возьмут верх над дурными побуждениями. Другими словами, достойное дворянина воспитание заставит его преодолеть соблазн, а жене следует проявлять кротость, верность, старание о доме, горячность к детям, уважение к друзьям мужа. Так она скорее вернет любимого. Но сколько есть «больных неисцельно», примирить которых таким простым способом невозможно!

Тарас Скотинин пишет сестре своей госпоже Простаковой, что смерть любимой свиньи Аксиньи переменила совсем нрав его. «Я чувствую, что потерял прежнюю мою к свиньям охоту: но надобно чем-нибудь заняться, хочу прилепиться к нравоучению, то есть исправлять нравы моих крепостных людей и крестьян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнейшее средство, то, находя что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березою».

Скотинин в роли нравоучителя с розгами в руках! Сатирическое перо Фонвизина создает необыкновенно сильный и злой абрис фигуры отъявленного крепостника.

В «Друге честных людей» Фонвизин предполагал напечатать свое сатирическое сочинение «Всеобщая придворная грамматика», которое раньше не было пропущено редакцией «Собеседника». Составленная в форме вопросов и ответов, придворная грамматика определялась как наука «хитро льстить языком и пером». Людей, составляющих двор, т. е. ближайшее окружение государя, Фонвизин называет «подлыми душами» и насчитывает их шесть родов, все это бесстыдные льстецы, превозносящие «больших господ» в надежде на подачку. «Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости», залогов три — действительный, страдательный, а чаще всего отложительный. По причине того, что у двора и в столице никто без долгу не

живет, наиболее употребительным является глагол «быть должным», причем в прошедшем времени этот глагол не спрягается, так как никто своих долгов не платит, и т. д.

«Письмо, найденное по блаженной кончине надворного советника Взятника», содержит выразительные характеристики прожженного приказного дельца и его высокопоставленного покровителя, за деньги способных любое дело решить в пользу виноватого. «Наставление дяди своему племяннику» рисует портрет низкого человека, который разбогател на государственной службе, попирая собственную совесть и честь. Драматическая сцена «Разговор у княгини Халдиной» в сатирических тонах изображает представителей «высшего света», которым добродетельный Здравомысл напрасно пытается разъяснить, что государству нужны просвещенные люди и что молодежи необходимо преподавать «политическую науку», излагающую правила благочиния, науку коммерческую и науку о государственных доходах. Здравомысл и с ним Стародум уверены, что «сим способом будет Россия иметь во всех частях гражданской службы людей годных и просвещенных».

Стародум в особом письме рассуждает о причинах недостатка в России хороших ораторов и приходит к выводу, что виной тому «есть недостаток случаев, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустыми хвалами, но претурою, архонциями и консульствами награждается». Речь, стало быть, идет о необходимости в России парламента, где можно было бы «рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих».

Отлично задуманный Фонвизиным журнал «Друг честных людей, или Стародум» не увидел света, но материалы первого номера получили распространение в рукописном виде и, несмотря на то, что не прошли через печатный станок, стали реальным фактом русской журналистики.

2

Десятью годами раньше таким же фактом литературно-общественного значения сделались частные письма Фонвизина. Об этом следует напомнить, ибо в XVIII веке получили известность в рукописях произведения многих авторов, которые не желали почему-либо предавать их печати.

Фонвизин в 1777—1778 годах путешествовал по Европе, жил во Франции и оттуда посылал письма начальнику по

службе и другу графу Н. И. Панину, его брату генералу П. И. Панину и своей сестре, подробно рассказывая в них о заграничных впечатлениях. Писал он, тщательно обрабатывая каждую фразу, заботясь о композиции письма, повторяя удавшиеся выражения в корреспонденциях разных адресатам. Фонвизин отчетливо представлял себе, что его письма будут читаться в Петербурге многими людьми, с них станут снимать копии, и что в этом смысле между рукописью и оригиналом, подготовленным для печати, никакого различия быть не должно. Он обращался к определенному кругу читателей, единомышленников и друзей, был их корреспондентом во Франции, и, в сущности, выполнял журналистскую работу, которую знал и любил.

Умный и опытный наблюдатель, он видел, что королевский трон во Франции колеблется, аппарат монархии пришел в негодность, система откупов для страны губительна, и что новая сила готовится довершить разрушение крепости феодализма: к власти приходит буржуазия. Беспощадной сатирической кистью изображая продажность французских чиновников, разврат в среде аристократии, всеобщее падение морали, Фонвизин отмечает, что «дворянство французское по большей части в крайней бедности и невежество его ни с чем не сравнимо»[1]. Гибель монархии страшила писателя, предвидя победу третьего сословия, он не радовался и ей. «Деньги — суть первое божество здешней земли,— писал Фонвизин.— Развращение нравов дошло до такой степени, что подлый поступок не наказывается уже и презрением»[2].

Фонвизин, как заметил он в письме П. И. Панину, поставил перед собой задачу рассказать о том, что он нашел во Франции и какие рассуждения родились у него по поводу виденного. Он подробно, например, описывает торжественную встречу Вольтера в Париже, куда 85-летний старец, властитель дум целого поколения, прибыл весной 1778 года. Однако к философам-просветителям Фонвизин отнессся неприязненно и говорил о них в раздражительном тоне. Многим обязанный книгам энциклопедистов, он с неудовольствием осознал, что падение французской монархии связано с развитием просветительских идей и работой философов-материалистов.

Как верно пояснил Г. А. Гуковский, Фонвизина «интересует Франция не только и не столько сама по себе, сколько

---

[1] «Русская проза XVIII века», т. I. М.— Л., Гослитиздат, 1950, стр. 485.

[2] Там же, стр. 472.

потому, что он надеется, изучив ее, лучше понять пути России. Во имя своей родины он мыслит и творит. Горячая любовь к ней заставляет его искать лекарства от язв, разъедающих ее. И вот он убедился в том, что путь Франции не дает счастия народу, здоровья государству. Для России он хочет большего, чем развития капитализма; чего именно он хочет — он и сам ясно не представляет себе»[1]. Феодальные привилегии, крепостнический режим — плохо, но не лучше и буржуазный строй. С горечью и насмешкой Фонвизин писал: «Первое право каждого француза есть вольность; но истинное настоящее его состояние есть рабство; ибо бедный человек не может снискивать своего пропитания иначе, как рабскою работою, а если захочет пользоваться драгоценною своею вольностью, то должен будет умереть с голоду. Словом: вольность есть пустое имя, и право сильного остается правом превыше всех законов»[2].

Рукописная публицистика Фонвизина заслужила высокую оценку Белинского, находившего, что заграничные корреспонденции писателя «несравненно дельнее и важнее „Писем русского путешественника": читая их, вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником...»[3].

---

[1] Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М.— Л., Учпедгиз, 1939, стр. 329.

[2] «Русская проза XVIII века», т. I. М.— Л., Гослитиздат, 1950, стр. 470.

[3] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. А. С. Венгерова, т. XI. Пг., 1917, стр. 205.

ПУБЛИЦИСТИКА А. Н. РАДИЩЕВА

Перед тем, как выпустить в свет «Путешествие из Петербурга в Москву», в том же 1790 году, в своей домашней типографии Радищев напечатал небольшую брошюру «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего». Это письмо неизвестному для нас адресату датировано 8 августа 1782 года и посвящено описанию открытия в Петербурге памятника Петру I работы Фальконета.

Радищев написал, в сущности, отчет о торжестве, сопроводив его высказываниями о роли монархов и их качествах. По жанру своему это произведение как бы просится на страницы журнала или газеты, это журналистская работа, но мысли автора настолько смелы и антимонархичны, что нельзя было и думать напечатать письмо в подцензурной прессе. Опубликовать отчет, причем без своей подписи, Радищев смог только после того, как завел домашнюю типографию.

Радищев начинает письмо фразой, вводящей в суть события: «Вчера происходило здесь с великолепием посвящение монумента, Петру Первому в честь воздвигнутого: то есть открытие его статуи, работы г. Фальконета... Вокруг места, где сооружался сокровенно через 15-ть лет образ изваянный императора Петра, воздвигнута была рисованная на полотне заслона, а хоромина, бывшая над ним, неприметно сломана, и место вокруг все очищено. В день, назначенный для торжества, во втором уже часу пополудни, толпы народа стекалися к тому месту, где зреть желали лицо обновителя своего и просветителя» и т. д.

На открытии памятника присутствовала императрица Екатерина II, были выстроены гвардейские и армейские полки. Петропавловская крепость, адмиралтейство и суда, сто-

явшие на Неве, произвели пушечный салют. «Сей день ознаменовался прощением разных преступников и медалию, сделанною в честь обновителя России».

Рассказав достаточно подробно о церемонии, Радищев описывал памятник, поясняя аллегорический характер изображения: «...крутизна горы есть препятствия, кои Петр имел, произведя в действо свои намерения; змея, в пути лежащая, — коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов» и т. д.

Точные и лаконические строки отчета, однако, не раз перебиваются рассуждениями автора, в которых заключен главный интерес «Письма к другу». Так, отметив появление Екатерины II, прибывшей по реке во главе придворной флотилии, Радищев говорит, что народное признание заслуг Петра было бы гораздо более искренним и свободным, если бы оно не вдохновлялось искусственно выездом императрицы, той, «кто смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке своей имеет».

Радищев признает заслуги Петра I, видит в нем «мужа необыкновенного, название Великого заслужившего правильно». Он двинул Россию по пути прогресса «дал первый стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия». Но Петр оставил по себе и недобрую память: властный самодержавец он «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества», закрепостил его под скипетром монарха и сделал свободу недосягаемой пока мечтой. Петр мог бы стать еще славнее, «возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную», т. е. дав свободу русским людям.

Впрочем, надеяться на это, говорит Радищев, было бы напрасно. Если известны в истории случаи, когда цари оставляли трон, чтобы жить в покое, то происходило это не от их «великодушия, но от сытости своего сана». Царствующий государь не поступится ничем из своих самодержавных прав: «нет и до окончания века примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что либо из своей власти, седяй на престоле».

Это было понятно Радищеву в 1782 году, когда он писал «Письмо к другу». Печатая его восемь лет спустя, после французской буржуазной революции, А. Н. Радищев к заключительным строкам сделал следующее примечание: «Если бы сие было написано в 1790 году, то пример Лудвига XVI дал бы сочинителю другие мысли». Иначе говоря, у государя

не надо просить милости — его можно и нужно лишить престола, чтобы добиться свободы народу.

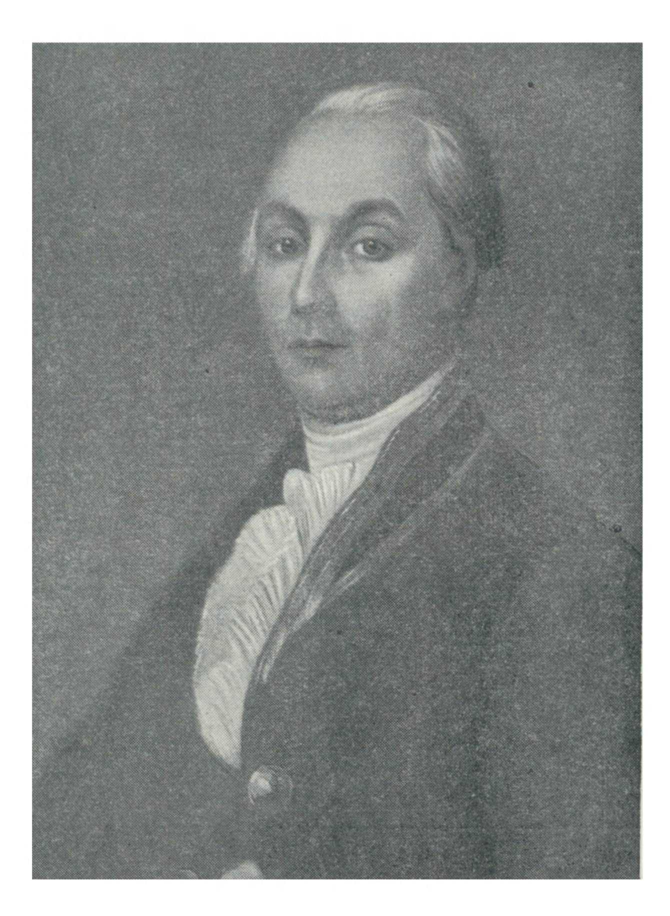
В подцензурной печати Радищев выступил в 1789 году, напечатав в декабрьской книжке журнала «Беседующий гражданин» статью «Беседа о том, что есть сын отечества».

Журнал «Беседующий гражданин» издавался с января по декабрь 1789 года в Петербурге «Обществом друзей словесных наук», просветительским кружком молодых людей, далеких от какой-либо революционной пропаганды. Радищев был членом этого общества, войдя в его состав на правах старшего товарища. Он работал в то время над «Путешествием из Петербурга в Москву», идеи и образы этой могучей книги необычайно волновали его, он искал единомышленников, жаждал общения с аудиторией, и «друзья словесных наук» внимали речам Радищева с трепетом и восхищением. Вялые, длинные, нравоучительные статьи, с уклоном в сторону религиозной морали, которыми заполнялись страницы журнала, были внезапно озарены пламенным словом Радищева, нечаянно пробившимся сквозь преграду цензурного надзора; видимо, чиновники Управы благочиния, как называлась тогда полиция, привыкшие к смирному тону «Беседующего гражданина», не ожидали такого выступления и не сумели понять его истинный смысл.

Радищев, желая внешне сохранить манеру «Беседующего гражданина», написал для него не статью, а «беседу», выбрал жанр наставления, поучения, свойственный многим материалам, появлявшемся в этом журнале.

Свою статью Радищев начинает резко и прямо: «Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем». Но пусть «чувствительное сердце» не торопится осуждать их за это — они не виноваты. Характеристика состояния русских крепостных крестьян, идущая вслед за первыми положениями статьи, достойна занять место на страницах книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» — настолько она полна и значительна.

Не могут называться сынами отечества люди, «кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя, кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу... кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончаются их труды и их мучения... кои походят на человека, одним токмо видом,

А. Н. Радищев

С портрета маслом работы неизвестного художника

в прочем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ, исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презрены: кои не что иное, как мертвые тела, погребенные одно подле другого...».

Не о миллионах этих людей пойдет речь, говорит Радищев, они не входят в состав членов государства, это «движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот!».

«Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» — восклицает Радищев. Но кого можно считать достойным этого звания? Крупными сатирическими чертами Радищев набрасывает контуры фигур представителей правящего сословия — дворянства, которых отказывается назвать сынами отечества. Вертопрах, развратник, щеголь, жадный корыстолюбец, обжора-чревоугодник — таковы люди светского круга, и не в их среде надлежит искать патриотов.

Радищев не говорит далее, куда нужно обратить взоры в поисках достойных людей, и сразу переходит к характеристике качеств, отличающих истинного сына отечества. При этом он вкладывает в понятия честолюбия, благонравия, благородства новое, очень глубокое содержание, иной, противоречащий обычному для дворянского общества, смысл. Радищев рисует образ горячего патриота, великодушного друга обиженных, человека, чье высокое место в обществе обусловлено его личными достоинствами, а не древностью рода или придворными связями.

«Нет ни одного из смертных толико отверженного от природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению чести»,— пишет Радищев и решительно опровергает мнение «ласкателя Александра Македонского» — философа Аристотеля, который уверял, что сама природа повелела большей части людей пребывать в рабстве, а меньшей — повелевать ими.

Честь для Радищева — естественное чувство, побуждающее человека развивать те способности и качества, которые заслуживают ему любовь других людей, подтверждаемую спокойной совестью. Помогая людям, заручившись их благосклонностью и доверием, человек проникается уважением к себе и получает необходимые условия для самоусовершенствования, становится лучше. Так движется нравственный прогресс всего человечества. Честь в понимании Радищева — «врожденное пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратии своей, же-

БЕСѢДУЮЩІЙ ГРАЖДАНИНЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ.

заключающее въ себѣ

Разсужденія вольнымъ слогомъ и на стихахъ, какъ на природномъ Россійскомъ языкѣ сочиненныя, такъ и заимствованныя переводомъ у самыхъ лучшихъ Иностранныхъ Писателей, чрезъ разныя роды твореній открывающія путь къ ясному познанію главнѣйшихъ обязанностей человѣка въ особенности, а наипаче Гражданина.

ЧАСТЬ III.

печатано съ дозволенія указнаго

ВО ГРАДѢ СВЯТАГО ПЕТРА 1789 ГОДА.

Титульный лист журнала «Беседующий гражданин»

лание учиниться достойным их благосклонности и покровительства».

Радищев полагает доказанным, что «истинный человек и сын отечества есть одно и то же: следовательно, будет верный отличительный признак его, ежели он таким образом честолюбив».

Другая важная черта — благонравие. Однако понятие это вовсе не означает просто хороших манер и доброго поведения. Благонравный человек — «истинный исполнитель всех предоставленных для блаженства его законов». Он скромен, чужд пустосвятства и лицемерия, преданно служит отечеству на любом посту: «для него нет низкого состояния в служении отечеству». Ради его благополучия он без устали трудится на избранном поприще, и если потребуется отечеству — с готовностью пожертвует для него жизнью.

Третий «и, как кажется, последний отличительнейший знак сына отечества — когда он благороден». Свойство это вовсе не зависит от происхождения и дворянского герба. Благороден тот, кто совершает мудрые и человеколюбивые поступки, сияет в обществе разумом и добродетелью и больше всего заботится о славе и пользе возлюбленного отечества. «Истинное благородство,— говорит Радищев,— есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честию, которая не инде находится, как в беспрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам естества и народоуправления».

Таковы качества истинного сына отечества. Их должно развивать в себе с помощью воспитания, изучая науки, становясь просвещенным человеком. Нужно приучать свой дух к прилежанию, трудолюбию, повиновению, скромности, к желанию подражать великим примерам. Необходимо ознакомиться с историей и философией, а для «очищения вкуса» возлюбить «рассматривание живописи великих художников, музыки, изваяния, архитектуры или зодчества».

Программа, предлагаемая Радищевым, как видим, достаточно сложна и обширна. К исполнению ее не могли, конечно, приобщаться господа из «светского общества», занятые модами, карточной игрой и гастрономическими причудами. Речь идет не о них. Как определяет исследователь, Радищев обращался в своей беседе к сотням молодых людей за пределами «Общества друзей словесных наук», также увлеченных «передовыми идеями века, но которых надо было еще

воспитывать в направлении роста их революционного сознания. Радищев выступает в своей речи как агитатор, выработавший четкую тактику. Он не хочет сразу же „отпугнуть" аудиторию непривычными для нее прямыми призывами к революции. Но он ставит своей задачей при помощи горячего слова убеждения, возбуждая чувство гражданского долга, чувство патриотизма, подвести слушателя-читателя к пониманию этических задач, поставленных перед гражданином нарастанием революционной волны в Европе» [1].

---

[1] Г. А. Гуковский. Радищев.— В кн.: «История русской литературы», т. IV, ч. 2. Изд-во АН СССР, 1947, стр. 532.

КРЫЛОВ-ЖУРНАЛИСТ И ЕГО ТОВАРИЩИ

1

Иван Андреевич Крылов, всенародно известный баснописец, прошел большой творческий путь, прежде чем смог проявить силу своего гения в басне. Юношей он выступил на драматургическом поприще, написал несколько пьес, не увидевших рампы, принялся за борьбу с театральной администрацией, но не добился успеха. А ему было что сказать зрителю. Крылов на своем жизненном опыте познал социальные уродства крепостнической России и возненавидел их. Мальчиком придя на службу в судейскую канцелярию, он вполне ознакомился с чиновничьим аппаратом империи и знал цену взяточникам-судьям и продажным секретарям. Истинный патриот, Крылов возмущался увлечением иностранщиной, царившим в дворянском кругу, видел, как губят русских молодых людей невежественные и корыстные иноземцы, занимавшиеся воспитанием дворянской молодежи, и резко выступил против низкопоклонства перед Западом.

После кратковременного участия в журналах «Лекарство от скуки и забот» (1787) и «Утренние часы» (1787—1788), где, кстати сказать, были помещены его первые басни, Крылов самостоятельно принимается за издание журнала «Почта духов». Заглавие, впрочем, не ограничивалось этими двумя словами. Вслед за ними шло такое пояснение: «Ежемесячное издание, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Журнал выходит в Петербурге с января по август 1789 года.

«Почта духов» Крылова подхватила и развила сатирическую традицию русских журналов 1769—1774 годов в ее

И. А. Крылов

С литографии 20-х годов XIX в.

наиболее передовой, новиковской трактовке. В годы, последовавшие за разгромом восстания Пугачева и усилением феодальной реакции, Крылов обратился к оружию социальной сатиры и смело выступил против самодержавно-крепостнического государства. Речь шла не только об отдельных фактах и мелких обличениях. Крылов критиковал систему бюрократического произвола, царившую в стране, он осуждал пороки дворянства, говорил о пагубности пути, по которому правительство Екатерины II и Потемкина ведет страну. Удары его были меткими и злыми.

Чрезвычайно резкий сатирический тон издания, глубина и острота мысли, а также некоторое сходство литературной манеры заставили некоторых исследователей предположить возможность участия в «Почте духов» А. Н. Радищева. Дальнейшие изыскания не подтвердили этой догадки, но сами совпадения глубоко знаменательны. Они говорят о большой идейной близости Крылова и Радищева в 90-е годы XVIII века, что является фактом первостепенной историко-литературной важности.

«Почта духов», хотя и была периодическим изданием — книжки ее появлялись раз в месяц,— однако нимало не походила на журнал в нашем, современном смысле этого слова. В ней не было разделения на отделы, чередования стихов и прозы, участия многих авторов и т. д. Каждую книжку сочинял сам Крылов, и журнал он задумал как связное произведение, отдельные письма или главы которого объединялись общим сюжетом. Заключался он в следующем.

Во «Вступлении» к журналу автор рассказал о том, что, укрывшись от непогоды в полуразрушенном доме и размышляя о горестной судьбе неимущего человека, просящего милости у знатных вельмож, он увидел волшебника Маликульмулька. Волшебник предложил автору стать его секретарем, читать письма корреспондентов и составлять на них ответы, разрешив издавать в свет эту переписку. За таким вступлением следовали письма, числом сорок восемь, разделенные в журнале на четыре части.

Корреспондентами Маликульмулька были духи: подземные — гномы Зор, Буристон, Вестодав, Астарот, воздушные — сильфы Дальновид, Световид и Выспрепар, водяные — ондин Бореид. Они часто бывали среди людей и рассказывали волшебнику о том, что им удалось видеть и слышать. Кроме сообщений духов, в журнале есть два письма Маликульмулька и письмо философа Эмпедокла, якобы служив-

шего у волшебника управителем дома под горой Этна. Появление духов в кругу людей иногда мотивировано автором. Так, гном Зор отправлен из ада на землю за модными уборами, гном Буристон ищет для подземного царства трех честных судей, сильф Световид вращается в среде модниц и щеголей и т. д.

Крылов с демократических позиций обличает недостатки крепостнического государства. Он осуждает представителей власти, вельмож, помещиков, чиновников, судей, протестует против засилия иностранцев и галломании.

Создавая сатиру «на лица», Крылов направляет ее против фактов, характерных для социально-политической действительности тогдашней России. В XI письме «Почты духов» рассказана при помощи легко раскрываемой игры слов подлинная трагедия художника Т. И. Скородумова, не получившего признания своего таланта у дворянских меценатов, широко одарявших деньгами иностранцев. В письме XXV нарисован сатирический портрет вельможи, с явным намеком на канцлера Безбородко; злые намеки на фаворитизм содержатся в VI письме. Гном Буристон с возмущением пишет о том, что шестерки лошадей возят знатных «мумий», в то время как «несколько бедных людей» надрываются под непосильной тяжестью. Здесь изображена приемная вельможи, много раз уже бывшая предметом сатиры в России, но Крылов находит новые подробности. Вельможа охотно принимает «толсто свернутые» письма, остальное отдает секретарям, не надеясь найти в них денежных приношений. Безногий инвалид — предшественник описанного в «Мертвых душах» капитана Копейкина — уже четыре года напрасно ждет помощи от «его превосходительства» и горько иронизирует: «со временем, к его славе и к чести моего отечества умру в этой прихожей с голоду». Много раз в журнале затронут суд. Мы встречаем на его страницах тему будущей басни Крылова «Вельможа» — об умных секретарях у глупых судей (письмо XXI).

Одно из главных мест в «Почте духов» занимает сатира на нравы дворянского общества, а также непосредственно связанное с этой темой обличение французомании, рабского подражания иностранным модам, высмеивание щегольства и пороков иностранного воспитания.

Вопрос о моде, о ее причудах и влияниях для XVIII века наполнен серьезным общественно-экономическим содержанием. Он был тесно связан с темой рабского подражания

иностранным образцам и пренебрежением к национальной культуре. Именно так его рассматривает и Крылов. Кроме того, для него ясен немалый вред, приносимый всей стране и в первую очередь крепостному крестьянству баснословными тратами дворянства на предметы роскоши. Модные заграничные товары ценились очень дорого. Чтобы добыть средства на их покупку, дворяне обирали своих крепостных и продавали наследственные поместья. В XVII письме Крылов подробно рассказывает о том, как происходит процесс разорения:

«Например, его сиятельство г. Припрыжкин вздумал жениться: ему неотменно надобно к свадьбе множество таких мелочей; деньги на них он должен брать с своих четырех тысяч душ крестьян; в одну минуту посылает он приказ собрать с них к будущему году восемьдесят тысяч рублей. Мужики, получив такое строгое повеление и не надеясь одним хлебопашеством доставить своему господину такую сумму, оставляют свои селения и бредут в города, где обыкновенно более можно выработать денег; вместо сохи и бороны берут они лопаты и топоры, становятся каменщиками, плотниками или разносчиками; днем работают, а по ночам, чтоб лучше собрать свой оброк, взыскивают его с прохожих. Город, вместо того, чтобы получать от них хлеб, должен бывает сам их кормить и, сверх того, еще платить им деньги. От таких-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленниках, ремесленники на купцах, купцы на господах, а господа опять принимаются за своих крестьян».

Крылов горячо выступает против преимуществ, какими наделено дворянское сословие. Он пишет: «Мещанин добродетельный и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до тридцати дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств кроме того счастия, что родился от благородных родителей, которые так же, может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного дерева» (письмо XXXVII).

Письмо VIII сильфа Световида посвящено осуждению тунеядцев-дворян, которые «почитают праздность, презрение наук и невежество наилучшими доказательствами превосходства человеческого». Деревенский дворянин днем гоняется по полю с собаками, вечером напивается пьян с приходским

своим священником и, препровождая так целую жизнь, осмеливается считать себя «благородным человеком». Дворянин, который живет в городе и ведет себя по образцу модных вертопрахов, отрицает науки, потому что не видит от них никакой прибыли. Офицеры, чья жизнь «в мирное время протекает в различных шалостях и совершенной праздности», считают ученых дураками, способными жертвовать покоем и веселостями для приобретения совершенно бесполезных в обществе знаний. Так смотрит на ученых и сластолюбивый богач, пользующийся после отца награбленным имением. «Глупое их против наук предубеждение,— заключает Световид свое письмо,— заставляет меня думать, что на земле столь же мало людей, которые бы прямо могли называться людьми, сколь немного сыщется беспристрастных судей и некорыстолюбивых секретарей».

Во II письме сильфа Дальновида излагаются впечатления, полученные им якобы от посещения Парижа, но все сказанное одинаково относилось и к Петербургу. Не может быть счастлив монарх, который не заботится о своих подданных и разоряет страну: «Тщетно порочный государь мыслит, под защитою своего самодержавства, успокоить страх свой, который посреди величества его, славы и беспечности повсюду за ним следует и непрестанно его мучит и терзает до самого того времени, когда лишится он жизни, а вместе с оною и пышных своих забав, смешанных со многими скорбьми и мучениями». Придворный — это «невольник, носящий на себе золотые оковы», он проводит дни в мучительном беспокойстве о своем благополучии, не имеет ни одного истинного друга и должен поступать во всем по прихотям своего властелина. Духовные особы «непрестанно помышляют о приумножении своего богатства» и мучаются неудовлетворенным честолюбием: священник хочет стать архиепископом, тот кардиналом, а кардинал — папой...

Нет, среди сильных мира сего нельзя искать счастливого человека. Кто ищет минутных удовольствий, исполнения суетных помыслов, никогда не познает радости жизни. «Истинное и ни с чем несравнимое блаженство состоит в любви к добродетели и в собственном спокойствии духа».

Мысль, сходную с той, что составляет содержание главы «Спасская полесть» в книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», где рассказано о страннице Прямовзоре, показавшей государю истинную картину его царствования, выражает Крылов в IV письме «Почты духов». Сильф

Дальновид рассуждает о мизантропах; в подстрочном примечании автор поясняет это слово: «мизантроп — нелюдим или человеконенавидец». Однако дело вовсе не в недостатке характера, а в том, что мизантропы ненавидят пороки и предостерегают общество от гнусных страстей и заблуждений. Их следует почитать «за наставников и учителей рода человеческого». Какое счастие для народа, если б при дворе государей находилось несколько таких мизантропов! Не смущаясь ничего, громким голосом они вещают истину, и министры, судьи, вельможи трепещут при их появлении — все злодеяния и подлости сейчас же станут известны государю.

Мизантропы, которых описывает сильф Дальновид, врачуют общественные пороки, хоть лекарства их и горьковаты на вкус. «Врожденное людям самолюбие управляет с самого почти младенчества всеми их деяниями. Нельзя сыскать лучшего средства к исправлению их погрешностей, как изобразя гнусность тех пороков, коими они порабощены, обращать их в насмешку, а через то уязвлять сродное каждому человеку тщеславие».

Роль такого «мизантропа» и взял на себя Крылов в своей литературно-театральной деятельности.

В XX письме «Почты духов» сильф Дальновид рассуждает о государях и церкви. Он оплакивает «злополучие смертных, поработивших себя власти и своенравию таких людей, кои родились для их погибели. Львы и тигры менее причиняли вреда людям, нежели некоторые государи и их министры». В жертву тщеславию монархов приносятся миллионы подданных, а мнимых героев украшают пышными названиями «Великих» и «Победителей», хотя они причиняют человечеству беды горшие, чем язва и голод. Много зла приносит религиозная нетерпимость. Бесчеловечные Пустосвяты уничтожают инаковерующих, они в тысячу раз свирепее наилютейших зверей.

В одном из писем «Почты духов» (XXIV) Крылов рассматривает понятие «честный человек», примечательно совпадая в толковании его с тем смыслом, какое дал ему Радищев в «Беседе о том, что есть сын отечества», опубликованной несколькими месяцами позднее.

«Великая разность между честным человеком, почитающимся таковым от философов, и между честным человеком, так называемым в обществе»,— пишет Крылов. Первый — мудрец, который всегда старается быть добродетельным и честными поступками заслуживает от всех почтение, вто-

Титульные листы журналов И. А. Крылова и его товарищей

рой же — хитрый обманщик, скрывающий под притворной наружностью множество пороков, или, в ином случае, человек, не причиняющий другим зла, но и не приносящий никому пользы. «Честными людьми» в обществе называют льстеца-придворного, мота, богача-расточителя, надменного вельможу, равнодушного судью, но все они не заслуживают столь высокого имени.

По-настоящему честным человеком можно считать только того, кто сохраняет все добродетели. «И самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья». Среди простых людей честность можно встретить гораздо чаще, чем среди тех, кто занят придворной, статской или военной службой.

Совпадают взгляды Крылова и Радищева еще в одной теме, развернутой в XV письме «Почты духов». Кстати сказать, совпадения эти касаются наиболее общих мест, связанных с критикой придворного быта и неведения государей об истинном положении своих стран, причем сатира Крылова значительно уступает по силе и глубине радищевской. Сильф Выспрепар описывает первый день правления молодого государя, похоронившего своего отца. Вельможи домогаются

у него денег и должностей, требуют новых назначений и не допускают к государю писателя, который скитался по всей земле в поисках истины и теперь хочет поведать ее монарху. Писателю удается быть выслушанным. Он советует государю не доверять придворным ласкателям и обращаться за советами к мудрецам, не боящимся говорить правду, т. е. к тем «мизантропам», о которых Крылов писал в IV письме своего журнала. Мудрец научит отличать подлинную похвалу от фальшивой, не позволит государю развратиться атмосферой лести и поможет ему стать достойным владыкой. В письме осуждается «подлость льстецов, которые, кажется, полагают в том свою славу, чтоб сердца монархов отвращать от добродетели, и заграждают истине путь к престолу».

В заключительном XVIII письме «Почты духов», адресованном философу Эмпедоклу, волшебник Маликульмульк развивает пессимистическую мысль о том, что «большая часть людей злобны и развращены» и что с помощью нравоучений можно только обязать людей исполнять их обязанности, не нарушать правил чести и благопристойности — не больше. Однако и этим заниматься необходимо. Дальше Крылов как бы намечает программу своей литературной деятельности, к которой он обратился в басенном творчестве:

«Но нравоучительные правила должны состоять не в пышных и высокопарных выражениях, а чтоб в коротких словах изъяснена была сама истина. Люди часто впадают в пороки и заблуждения и не оттого, чтобы не знали главнейших правил, по которым они должны располагать свои поступки, но оттого, что они их позабывают, а для сего-то и надлежало бы поставлять в число благотворителей рода человеческого того, кто главнейшие правила добродетельных поступков предлагает в коротких выражениях, дабы оные глубже впечатлевались в память».

Насколько хорошо Крылову удалось в своих баснях выполнить эту задачу — общеизвестно: меткое и лаконичное слово его с детства запоминается каждому.

Журнал «Почта духов» не собрал большого числа подписчиков. Всего, если судить по списку, опубликованному в одной из книжек, их было восемьдесят. Крылову, вероятно, указали, что чересчур злой и резкий тон его критики неугоден правительству. Этим можно объяснить появление в последних номерах, наряду с разоблачительными выпадами, более или менее смягченных по тону рассуждений. Но, видимо, уступки было уже недостаточно.

2

В следующие за изданием «Почты духов» два года Крылов почти не печатается. За это время окрепли его дружеские связи с знаменитым актером И. А. Дмитриевским, возникла дружба с литератором-разночинцем А. И. Клушиным и родилась мысль открыть собственную типографию, печатать книги и выпускать новый журнал. К товарищам присоединился актер и литератор П. А. Плавильщиков, и вчетвером, на деловых началах, сложив деньги, они завели свое предприятие. С февраля типография «Крылова с товарищами» начала выпускать ежемесячный журнал «Зритель».

«Почта духов» была журналом только по названию: скорее, это сборник сатирических очерков, выпускаемых ежемесячно. В «Зрителе» есть статьи, стихи, проза, рецензии; к участию, кроме издателей, привлечены некоторые авторы — А. Бухарский, В. Варакин, Г. Хованский, И. Захаров и другие. Но львиная доля материала принадлежит Крылову, Клушину и Плавильщикову.

«Зритель» выходил с февраля по декабрь 1792 года, в продолжении одиннадцати месяцев, и набрал 169 подписчиков — вдвое больше, чем «Почта духов».

Как бы напоминая читателям о журнале Н. И. Новикова «Живописец», выходившем двадцать лет назад, в 1772—1773 годах, редакция нового издания во «Введении» к первой книжке «Зрителя» советует читателям журнала представлять себе «человека, который любопытным взором смотрит на все и делает свои примечания. Сей-то воображаемый зритель позволяет себе, выбрав из самой природы, образовать разные свойства по своему рассуждению, не дерзая нимало касаться личности; подобно как живописец, желая написать на своей картине различные страсти, рисует человека во всех правилах естества; но ничьего прямо лица не изображает».

Программным выступлением группы были статьи Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских», посвященные доказательству творческой мощи русского народа. Плавильщиков ставит вопрос о том, чему и как можно учиться у иноземцев.

«В этом вся важность,— говорит он.— Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но сообразовал его со свойством воинов своих... Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благорассмотрению и

оттого превзошел своих учителей. Итак, напрасно отрицают, что будто у россиян нет творческого духа... Напрасно отрицают у нас свойство, которого ни один народ не имеет: оно состоит в непостижимой способности все понимать... Понимать же — значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо: в таком случае человек сам бывает творец и может превзойти своего учителя».

Крылов напечатал в «Зрителе» несколько значительных и принципиальных произведений: «Ночи», «Каиб», «Похвальная речь в память моему дедушке», «Речь, говоренная повесой в собрании дураков», и другие. Сатирический талант его развернулся с полной силой. Антикрепостническим пафосом проникнуты здесь многие страницы. Картина воспитания дворянского сынка Звениголова, во всех деталях типичная для эпохи («Похвальная речь...»), написана с предельной резкостью, с благородным гневом и сатирической злостью.

«Не думайте, любезные слушатели, чтоб я выставлял его примером в одной охоте; нет, это было одно из последних его дарований,— говорит Крылов о Звениголове,— кроме сего имел он тысячу других, приличных и необходимых нашему брату дворянину; он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдинов вырабатывают в год; он знамениты‹ подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год раза два-три с пользою; он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдался величайший пост... искуснейшие из нас не постигали, что еще мог он собрать с своих крестьян».

В «Мыслях философа по моде» Крылов очерчивает портрет щеголя, помещает правила поведения «молодого благородного человека». Первое из них гласит: «С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человек, что ты дворянин и, следовательно, что ты родился только поедать тот хлеб, который посеют твои крестьяне,— словом, вообрази, что ты счастливый трутень, у коего не обгрызают крыльев, и что деды твои только для того думали, чтобы доставить твоей голове право ничего не думать». В таком направлении воспитывают дворянскую молодежь наемные учителя-французы, «которые, кончив на галерах (т. е. на каторге.— *А. З.*) свой курс философии, приехали к нам образовать наши нравы».

П. А. Плавильщиков

Гравюра А. Осипова

Произведение Крылова «Каиб», помещенное в «Зрителе», названо в подзаголовке «восточной повестью». Но это вряд ли могло кого-нибудь обмануть. Перенесение действия на Восток было обычным приемом маскировки рассуждений об отечественных непорядках: «Каиб» — острая сатира на русскую крепостническую действительность, и прежде всего на самодержавие.

«Каиб был один из восточных государей: имя его наполняло вселенную», однако, когда ему понадобилось тайно уехать, всемогущего монарха заменили куклой, и никто не заметил его исчезновения. Первые вельможи государства — Дурсан, Ослашид и Грабилей, их «значащие имена» служат им достаточной характеристикой. В «Каибе» Крылов нападает не на отдельные недостатки режима: речь идет о борьбе со всей системой феодально-дворянской монархии с демократических позиций. Однако своей положительной программы Крылов не имеет. Бунтарский протест не подводил еще писателя к осознанию революционных путей борьбы, которыми уже шел Радищев.

Крылов едко высмеял в «Каибе» идиллические представления дворянских сентименталистов о жизни народа. Сцена встречи Каиба с пастухом, «запачканным творением, загорелым от солнца, заметанным грязью», пародирует строки «Писем русского путешественника» Карамзина, посвященные пастухам в Швейцарии, якобы счастливым и беззаботным людям. При виде любезной карамзинский пастух «чувствует электрическое потрясение в сердце» и бежит навстречу ей. Крылов же говорит о пастушке, которая «поехала в город с возом дров и с последней курицей, чтобы, продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимой от холодных утренников». Он протестует против замалчивания в литературе подлинных фактов действительности.

В «Зрителе» Крылов печатает «Ночи» — начало незаконченного романа. Произведение это, тесно связанное с традициями русской сатирической журналистики, в то же время знаменует поиски Крыловым новой художественной формы. Завязка «Ночей» похожа на завязку «Почты духов»: и там и здесь автор становится секретарем волшебных, мифологических существ и выполняет их литературные поручения.

Сатирический портрет новиковских журналов, немногословный и схематичный, в повести «Ночи» сменяется предпринятой Крыловым попыткой создать психологическую повесть, насыщенную конкретным бытовым материалом. Темой

ее является картина упадка нравов, разоблачение испорченности дворянского общества. Петиметр Вертушкин, как бы двойник щеголя Припрыжкина из писем «Почты духов», фигурирует здесь как один из героев. Но уже иными чертами наделен Крыловым образ Маши, горничной, которая выдает себя за француженку из модной лавки и влюбляет в себя богатых бездельников. Молодая и красивая Маша, пролагая дорогу в жизни, жертвует добродетелью. Историю падения юной золотошвейки Крылов рисует также в VII письме «Почты духов»: подобная биография представляется ему типичной для современного общества.

В прозе своей Крылов часто прибегает к пародии. Особенно охотно он пародирует строй похвальных или поминальных речей, позволявших дать многостороннюю характеристику объекта сатиры, нарисовать иронический портрет. Сохраняя стилевые признаки жанра — высокую торжественность, витийство, риторические приемы, Крылов наполняет их новым содержанием, нарочито выдавая недостатки за непревзойденные достоинства и превращая свои похвалы в злейшие обличения. Так построены «Похвальная речь в память моему дедушке», «Речь, говоренная повесой в собрании дураков», «Мысли философа по моде» («Зритель»), «Похвальное слово Ермалафиду» («Санкт-Петербургский Меркурий»).

В статье «Театр», имевшей принципиальное значение для программы «Зрителя» и написанной Плавильщиковым, излагался взгляд на роль театра как центра просвещения. Театр утверждает добродетель в сердцах людей: «Выставленные на позорище дурачества... забавляют общество и предостерегают даже от самых слабостей». Сценические образы содействуют исправлению нравов зрителей, видящих себя на сцене, как в зеркале. Особенно высоко оценивает Плавильщиков пользу, приносимую театральными представлениями на историческую тему. «Для сердца, преданного отечеству, — говорит он, — нет ничего усладительнее, как видеть давно умерших великих людей своего отечества, как будто воскресших и перед его глазами являющих древние свои добродетели».

Герои древности напоминают зрителям об их долге патриотов и граждан, зовут следовать своему примеру.

В этом свете особую важность представляет подбор репертуара. «Отечественность в театральном сочинении, кажется, должна быть первым предметом», — пишет Плавильщиков. Он не видит нужды в зрелище страдающей Дидоны и ревни-

вого Ярба, в показе добрых дел татарского Чингис-хана. «Надобно наперед узнать, что происходит в нашем отечестве». Темой для драматургов Плавильщиков выдвигает деятельность Кузьмы Минина. Спектакль о нем послужил бы «совершенным училищем, как должно любить отечество».

С чувством оскорбленной национальной гордости Плавильщиков говорит о предубеждении «некоторых большого света особ» против всего русского и порицает манеру судить о достоинстве русских сочинений по степени близости их к чужестранным творениям. Подтверждая свои мысли, Плавильщиков приводит в пример гениального Ломоносова и за ним ряд других людей из народа, достигших больших знаний и подлинного мастерства. «Кулибин и тверской механик Собакин суть два чуда в механике... Если бы я стал вычислять все подобные умы, то бы я написал здесь целый словарь»,— прибавляет он.

Плавильщиков подчеркивает неустрашимость русских людей в бою, хлебосольство, а также «главное их свойство, что они во всем тверды». Он говорит и о достоинстве русской музыки и пляски. Статья его направлена против «модного воспитания» и «чужебесия», т. е. увлечения всем иностранным.

Взгляды, изложенные в статьях «Нечто о врожденном свойстве душ российских» и «Театр», разделялись остальными участниками издания «Зрителя». Плавильщикову удалось коротко и четко сформулировать основные положения, которые защищал «Зритель» в борьбе за признание достоинств национального характера русского человека.

Общественно-политическая позиция журнала «Зритель», его демократические симпатии, критика феодального режима не могли не насторожить правительственные органы. Революционный подвиг А. Н. Радищева испугал императрицу. В апреле 1792 года московский главнокомандующий князь Прозоровский арестовал Н. И. Новикова, обыскал книжные лавки и начал следствие по его делу. Вслед за этим были приняты в Петербурге полицейские меры против Крылова и его товарищей.

Летом 1792 года в типографии «Зрителя» производился обыск: разыскивались сочинение Крылова «Мои горячки» и поэма Клушина «Горлицы», о существовании которых стало известно полиции. Рукопись Крылова нашли и доставили императрице. Содержание и дальнейшая судьба ее остаются неизвестными, однако нельзя сомневаться в политической актуальности и злободневности этого произведения Крылова,

если даже в поэме умеренного Клушина было высказано сочувствие к французской буржуазной революции. В результате обыска за Крыловым был установлен полицейский надзор.

Писать, как было нужно, как хотелось, стало совсем невозможно. Товарищество распалось, его покинули Плавильщиков и Дмитриевский. Оставшись вдвоем, Крылов и Клушин предприняли в 1793 году издание нового журнала «Санкт-Петербургский Меркурий», но социальная острота поднимаемых ими проблем становится все более приглушенной и, с трудом доведя журнал до конца года, они прекратили его издание.

3

А. И. Клушин был сотрудником Крылова в журналах «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». Подобно Крылову, он не остается равнодушным к судьбе крепостного крестьянства. Выразительными штрихами Клушин рисует фигуры жестоких и невежественных помещиков, мучителей подвластного им народа. Таков, например, Расточилов, который «за две своры гончих собак отдал с величайшим хладнокровием пять семей крестьян, а триста крестьян, оторвав от земледелия, сделал актерами и музыкантами». Имение Ветрогона, «нажитое трудами праотцов, сдается селениями во французские и английские магазины». Помещик Преглуп заставляет своих крестьян обливаться слезами и кровью. Такие же и еще более дерзкие выпады против крепостничества мы находим и в журнальных статьях Крылова, причем оба автора иногда совпадают в изображении деталей сатирических сцен и портретов.

Вместе со многими передовыми авторами эпохи Клушин протестует против роскоши, царящей в быту дворян-крепостников. Он видит, что непомерные траты помещиков приводят в упадок благосостояние страны, что роскошь дурно влияет на уровень нравственности. Однако перед решительной постановкой проблемы общественного переустройства Клушин теряется и отступает: он критикует лишь отдельные пороки, не затрагивая их причин. В начале очерка «Утро» Клушин, например, задается вопросом, для чего «один имеет больше, нежели надобно, другой едва ли насущный кусок хлеба», но отказывается искать серьезный ответ на него, заявляя: «припишем все сии действия слепому случаю», и далее развивает мысль о том, что «провидение для каждого состояния особые предназначило сведения и способности».

В журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» была напечатана повесть Клушина «Несчастный М — в», в отдельном издании впоследствии озаглавленная «Вертеровы чувствования, или несчастный М—в, оригинальный анекдот» (СПб., 1802). Клушин написал сентиментальное произведение, построенное на теме социального конфликта. М—в (Маслов), бедный, незнатный человек, попавший в богатый дом на должность домашнего учителя, полюбил свою ученицу Софью. Отец, узнавший об этой любви, отказывает ему, и М—в, окончательно сраженный холодным письмом Софьи, составленным ею под диктовку отца, кончает самоубийством, оставляя подробный дневник—запись своих переживаний в последние часы. Софья безутешно рыдает, отец ее раскаивается в жестокости.

Юноша М—в не принадлежит к числу «гениальных» натур, одаренных огромной способностью мыслить и чувствовать, он не из тех «бурных гениев», которых, с легкой руки Гете, любили изображать немецкие авторы. Герой Клушина гибнет в результате мучительной борьбы разума и страстей в их традиционном для дворянского классицизма понимании. В повести Клушина заметно отчетливое противопоставление разума страстям, и как следствие победы страстей происходит гибель человека, поддавшегося их безрассудной силе. Тезис этот не раз высказывается Клушиным: «Сердце, лишенное спокойствия, потрясается; разум становится рабом страстей».

При всем том повесть Клушина, возникшая под впечатлением успеха «Бедной Лизы», привлекла читателей трогательностью сюжета, попыткой психологизации образа, манерой изображения природы, сложными переживаниями героя. «Западный ветер завывал, ударяя со страшным стремлением в стены дома, дождь сильный, подобный стремлению морских волн, разливался, беспрестанная молния мелькала, громовые удары один другого преследовали со страшным треском: казалось, настал час всеобщего разрушения,— казалось, вся природа с мучительным стоном желает исчезнуть вместе с несчастным М — м...» Так изображается состояние природы в минуты размышления М—ва о самоубийстве и делаются очевидными черты преромантизма, свойственные творчеству Клушина.

Из других изданий 1790-х годов следует назвать «Сатирический вестник» Н. И. Страхова, ранее участвовавшего в издательских предприятиях Н. И. Новикова. В 1790 году Страхов выпустил шесть частей «Сатирического вестника»,

в 1791 году вышла седьмая и восьмая части, в 1792 — девятая и последняя.

Журнал Страхова представляет собой сборник сатирических очерков и заметок. Автор порицает дворянское общество за грубость нравов, пустоту и развратность так называемой светской жизни, за мучения десятков тысяч крестьян, за презрение к науке. Ни разу не пытается Страхов сбавить резкость тона, смягчить упрек, нигде не позволяет себе польстить Екатерине II или ее влиятельным фаворитам. Им руководит стремление «научить юношество любить истину в собственном ее виде».

Шутливый тон автора, рассказывающего о помещичьем быте, не может скрыть его тревоги за судьбу тех, чьими трудами создается это видимое благополучие дворянских семей. Для помещиков их крепостные только машины, вырабатывающие средства на беспечальную жизнь господ. «Странные уставы, произведенные свойством века нашего, нашими нравами и нашими обычаями! — восклицает сатирик.— Кто не ужаснется, видя, что состоянием и благом целой жизни располагалось с таким безвниманием, равнодушием, жестокостью и небрежением».

Страхов не ставит вопрос об уничтожении крепостного права, но уродливость и жестокость крепостнической эксплуатации находят в нем сурового обличителя. Он полон сочувствия к угнетенным крестьянам, и вместе с тем его тревожат пагубные последствия рабовладельческой системы для всего государства.

Одним из важнейших общественных пороков Страхов считает бессмысленную погоню за модой, увлечение щегольством, расточительность и мотовство русского дворянства. В своих обличениях моды и подражания французам Страхов продолжает сатирическую линию, на русской почве представленную именами Кантемира, Новикова, Фонвизина, Крылова. Статистические таблицы показывают, что значительная доля расходов дворянства приходилась на предметы роскоши и моды. Мемуары современников рисуют потрясающие картины погони за «демоном моды», захватившей не только столицы, но и глухую провинцию.

Для Страхова было очевидно, что такой образ жизни дворянства ухудшает экономику страны, разоряет крестьянство. Он звал помещиков к разумному хозяйствованию в их усадьбах, предостерегая от увлечения мотовством на столичный лад. Но при этом он был далек от идеализации сельской

жизни, картины которой начинали появляться в сочинениях писателей сентиментального толка. Страхов хорошо знает русскую деревню и не надеется найти там сцен из пастушеских идиллий.

В литературной манере Страхова заметно желание передать особенности речи своих героев, снабдить их образной манерой изложения, дать языковые характеристики. Одним из постоянных приемов писателя является пародия. Страхов пародирует «Ведомости» — газету со всеми ее отделами, помещает извлечение из «Модной энциклопедии», «руководство сочинять книги, не учась ничему», печатает сатирические объявления о продаже чести, совести, о покупке ума, о поисках богатых невест и женихов, о продаже модных товаров. В этом роде он продолжает сатирическую манеру «Трутня», раскрытую объявлением о «молодом российском поросенке» и «рецептом для г. Безрассуда». Часто в «Сатирическом вестнике» Страхова печатаются корреспонденции из различных городов и уездов, зашифрованных первыми буквами их названий. По сравнению с ровной, отделанной прозой Карамзина слог сатирика грубее, однообразнее, однако и темы его иные, требовавшие гражданского пафоса, иронии: временами он говорит языком оратора, убедительным и точным. Заметки публицистического характера иногда сменяются бытовым очерком, написанным верной и легкой рукой.

Гуманистические взгляды автора, разоблачение пороков дворянского общества позволяют считать Страхова продолжателем лучших традиций сатирической журналистики 1769—1774 годов и союзником молодого Крылова.

ИЗДАНИЯ Н. М. КАРАМЗИНА

Писатель Н. М. Карамзин в молодости, в 80-е годы XVIII века, был близок к московским масонам, хотя мистические искания «братьев» остались ему чужды. Карамзину в известной мере были свойственны идеи дворянских просветителей — Фонвизина, Новикова, их враждебность деспотизму, ненависть к варварству и невежеству дворянского класса, сочувствие угнетенному крепостному крестьянству. Карамзин не хотел быть — и не был — рядовым «слугой престола», он не вступал в официальную службу и стремился сохранить личную независимость.

При всем этом дворянский либерализм Карамзина был весьма ограничен. Он всегда полагал, что России необходимы крепостной строй и монархия.

Консервативность мировоззрения Карамзина не вызывает сомнений, но не замечать Карамзина, не соотносить с ним своих творческих исканий для литераторов конца XVIII — начала XIX века было невозможно. Карамзин воплотил в своем творчестве достижения русского дворянского сентиментализма в смысле внимания к личности, к миру ее чувств и мыслей, к пейзажу и природе в целом. Однако счастливые находки писателя были разменены на гроши его неудачливыми подражателями и эпигонами, объявившимися сразу же после появления «Бедной Лизы».

Между тем Белинский признавал большие заслуги писателя, считая, что «Карамзиным началась новая эпоха русской литературы».

Во второй статье о Пушкине он заметил, что Карамзин «первый на Руси заменил мертвый язык книги живым языком

общества» и способствовал увеличению числа читателей книги. «До Карамзина нечего было читать по-русски, потому что все немногое, написанное до него, несмотря на свои хорошие стороны, было ужасно тяжело и торжественно и годилось для одних ученых, а не для общества. Карамзин умел приохотить русскую публику к чтению русских книг».

В журналистику Карамзин вошел, участвуя в одном из новиковских изданий — журнале «Детское чтение для сердца и разума» в 1785—1788 годах, где выступал в качестве переводчика. В 1789—1790 годах он провел восемнадцать месяцев за границей, посетил Германию, Швейцарию, Францию, Англию и по возвращении на родину вновь обратился к журналистскому труду.

С января 1791 по декабрь 1792 года Карамзин издавал «Московский журнал», в котором напечатал ряд своих сочинений и произведения Державина, Дмитриева, Львова, Нелединского-Мелецкого и других. Журнал выходил ежемесячно, собрал триста подписчиков и в 1801—1803 годах был полностью переиздан Карамзиным: интерес к нему сохранился.

В «Московском журнале», ссылаясь на опыт иностранных периодических изданий, Карамзин ввел четкое дробление материалов по отделам, расположив их следующим порядком: «русские сочинения в стихах и прозе, разные небольшие иностранные сочинения в чистых переводах, критические рассматривания русских книг, известия о театральных пьесах, описания разных происшествий и анекдоты, а особливо из жизни славных новых писателей». Так были названы эти отделы в объявлении о выходе журнала, и в таком виде они появлялись на страницах его книжек.

Приглашая читателей к сотрудничеству, Карамзин предупреждал их о том, что будет принимать «все хорошее и согласное», с планом его издания, «в который не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантические и сухие пьесы». Публиковаться будет лишь то, «что в благоустроенном государстве может быть напечатано с указного дозволения». Это значило, во-первых, что свой журнал Карамзин желал избавить от масонских материалов религиозно-нравоучительского свойства — он отошел от прежних друзей и московские масоны сразу поняли это, а, во-вторых, что журнал не станет касаться политических вопросов и что ему будет не тесно в рамках «указного дозволения».

Важным нововведением в журнале Карамзина явились отделы библиографии и театральных рецензий. До него

рецензии и отзывы о книгах и пьесах были редкими гостями в русских журналах, среди которых исключением являлись только «Санкт-Петербургские ученые ведомости» Н. И. Новикова — специальный библиографический журнал, правда, существовавший очень недолго. Таким образом, «Московский журнал» занял видное место в истории русской литературной и театральной критики, ранними образцами которой были рецензии самого Карамзина.

В «Московском журнале» Карамзин напечатал переведенные им сцены из драмы великого индийского писателя Калидасы «Сакунтала» (1792, май, июнь). Он воспользовался немецким переводом этой драмы, вышедшим в свет годом ранее. В сценах, выбранных Карамзиным, хорошо передается обаяние таланта Калидасы и заметны особенности индийского театра и драматургии.

Изображение тончайших оттенков чувства, столь удавшееся Калидасе, не могло не вызвать дружественного отклика у Карамзина, ощутившего прежде всего «чувствительность» индийского писателя и близость его к «Натуре». Разумеется, то, что привлекло Карамзина, не исчерпывает глубокого содержания пьесы, но в целом он понял ее верно, и перевод «Сакунталы» на русский язык делает ему большую честь. Следует заметить также, что, желая приблизить текст пьесы к читателю, Карамзин снабдил сцены подстрочными примечаниями, объясняющими названия индийских цветов, деревьев, зверей. Кое-где он не удерживался и от восторженных восклицаний по адресу автора: «Прекрасная черта! Чувствуй, кто может чувствовать!».

На страницах «Московского журнала» впервые появилась повесть Карамзина «Бедная Лиза». Успех ее был необычайно велик. Окрестности Симонова монастыря в Москве, описанные Карамзиным, стали излюбленным местом прогулок чувствительных читателей. Судьба Лизы заставляла проливать слезы, незамысловатая история крестьянской девушки, доверившей свое сердце красивому, но ничтожному человеку из «благородных», была близка и понятна многим. Тезис Карамзина «и крестьянки любить умеют» обращал внимание читателей дворян на то, что подвластные им крестьяне хотя и рабы, но люди. Напоминание это, данное к тому же в столь высоко художественной выразительной форме, было далеко не лишним и гуманная идея произведения имела свою ценность. Принципиально иначе ставил вопрос Радищев: разоблачая дворянский деспотизм, он считал, что только крестьянское

сердце способно к истинному чувству, лишенному корыстных расчетов, свободному от предрассудков дворянской среды. До такой постановки темы Карамзин, разумеется, подняться не мог.

Однако осуждение ветреного дворянина проведено в повести достаточно сильно. Сравнение нравственных качеств представителей двух сословий было явно в пользу крестьянства. К тому же Карамзин правдиво показал, что в поступках Эраста не было ничего исключительного, злодейского. Это не Ветрогон, Злорад или Змеяд, каких любили выводить писатели всего несколькими годами ранее, подчиняя характер героя одной ведущей черте. Эраст — недурной от природы человек, он по-своему добр и великодушен, честен и благожелателен, он только испорчен своей средой и воспитанием. Перед читателем — обыкновенный дворянин, каких весьма много было в стране, и поведение его не представляет ничего исключительного.

Как установил акад. В. В. Виноградов, Карамзину также принадлежат напечатанные в «Московском журнале» произведения «Разные отрывки (Из записок одного молодого россиянина)» и письмо к другу «Сельский праздник и свадьба». Первое из них «представляет собою как бы квинтэссенцию исканий и убеждений Карамзина в то время и — вместе с тем затаенную исповедь передового интеллигента той эпохи» [1]. Второе посвящено описанию праздника, который устроил добрый помещик своим крестьянам после уборки хлебов, как делывал он ежегодно. Мирные радости поселян, процветающих под властью добрейшего барина, изображены Карамзиным в обычной для него манере, стилем, близким тексту «Писем русского путешественника».

«Можно предполагать,— замечает акад. В. В. Виноградов,— что это произведение в какой-то степени соотнесено с предшествовавшими революционно-разоблачительными изображениями крепостной деревни и помещичьего произвола в сочинениях Новикова, Радищева и других прогрессивных писателей и в известной мере противопоставлено им. Но был бы ошибочным и односторонним вывод, что Н. М. Карамзин в этом письме выступает как защитник крепостного права и идеализатор, идиллический фальсификатор отношений между крепостными крестьянами и помещиками. Письмо

---

[1] В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. Гослитиздат, 1961, стр. 264.

На жатве

Рисунок на титульном листе книги «Деревенское зеркало или общенародная книга», часть II, СПб., 1798

Карамзина — это своеобразная инструкция масонам-гуманистам, как следовало бы на основе масонских принципов этического, духовного равноправия людей — при неравенстве социальных взаимоотношений между классами и сословиями, на основе высоких принципов гуманистической морали — вносить мир и идеальную гармонию в современный им несовершенный общественный строй» [1].

«Письма русского путешественника» Карамзина, начатые печататься в «Московском журнале», были произведением, открывшим новую страницу в истории русской прозы.

Карамзин отправился путешествовать, будучи подготовленным к тому, чтобы наблюдать и оценивать. Он много читал, был заочно знаком с людьми, которых ему предстояло

[1] В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. Гослитиздат, 1961, стр, 365.

встретить, и о каждом из них мог сказать свое мнение. Его собственные литературные занятия развили в нем строгий вкус, он знал, что, с его точки зрения, нужно принимать и что следует отвергнуть в интересах русской культуры. Отчетом о поездке писателя по европейским странам и явились «Письма русского путешественника». Две первых части их были опубликованы в «Московском журнале» 1791—1792 годов.

В основе «Писем» лежит записная книжка путешественника, в которую вносились дорожные впечатления, наброски сцен, мысли и переживания, причем в первые месяцы более систематично и подробно, чем в последующие. Позднее, при обработке текста для печати, Карамзин справлялся с литературными пособиями и уточнял свои впечатления по описаниям других путешественников, дополняя их историческими анекдотами и сведениями, почерпнутыми из различных книг, ссылки на которые рассыпаны в «Письмах».

С большим вниманием следит Карамзин-путешественник за различными проявлениями общественной жизни. Он встречается с представителями западноевропейской науки и литературы, беседует с крестьянами и ремесленниками, посещает видных граждан Женевы, бывает в парижских салонах, присутствует на праздниках, смотрит спектакли — и всюду извлекает материал для наблюдения, везде заносит в свою записную книжку новые факты и мысли. Молодой человек далеко не склонен обольщаться всем виденным — он достаточно подготовлен для критического восприятия Европы и судит о ней с известной строгостью и беспристрастием. Он видит, как мелка и ограничена мораль среднего англичанина, как глупы и чванливы прусские офицеры, как плохо организована немецкая администрация, и многое другое.

Тупая ограниченность прусской военщины сразу же бросилась в глаза Карамзину. В Кенигсберге он отмечает скудость интересов немецких офицеров, их пошлые шутки за обеденным столом. В письме из Мариенбурга Карамзин рассказывает о своем разговоре с прусским офицером, который жаждал поскорее «драться», потому что «солдаты наши пролежали бока: нам нужна экзерциция, экзерциция». Нетрудно распознать в этом нетерпеливом убийце, требующем новых упражнений, предка немецко-фашистских варваров, заливших мир потоками крови.

Карамзин порицает грубость немецких почтальонов, жадность трактирщиков, попрошайничество детей. Прожив

несколько месяцев в Женеве, он убедился в скудости умственных интересов так называемого «общества» и мещанской ограниченности женевского «света». При ближайшем знакомстве хваленая швейцарская республика оказалась только «прекрасною игрушкою на земном шаре», как иронически определил Карамзин.

Путешественник не раз вспоминал за границей о родине. Приехав в Швейцарию, красотами которой он так восторгался, Карамзин записал: «Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу к отечеству, надобно из него выехать...».

Писателя поражает неосведомленность иностранцев касательно России. Ему приходится разъяснять заграничным знакомцам, что в России есть своя литература, что говорят там не на немецком, а на русском языке, что в Петербурге не ездят зимой на оленях.

Карамзин был в Париже весной 1790 года, в разгар событий французской буржуазной революции, и осудил восставших против феодальной монархии. В представителях французского народа он увидел «пьяных бунтовщиков», «нищих и празднолюбцев», не желающих работать со времени «так называемой французской свободы». Сознавая, что дворянство Франции не может противостоять восставшему народу, он рекомендует надеяться на волю провидения.

Все же Карамзин пытался осмыслить историческое значение французских событий 1789 года и оценить их. В опубликованной им во Франции в 1797 году статье о русской литературе он привел цитату из «Писем русского путешественника», которую не включил в русский текст: «Французская революция принадлежит к числу событий, определяющих судьбы человечества. Начинается новая эпоха; я вижу это, а Руссо это предвидел... События следуют друг за другом, как волны в бурном море; а думают, что революция уже кончена. Нет! Нет! Мы увидим еще поразительные вещи; крайнее возбуждение умов предсказывает это». На русском языке Карамзин не решился выразить эти мысли.

Писатель и журналист, Карамзин тщательно отделывает фразы, стремится к мерной, звучной и гладкой речи. С легкой руки Карамзина и его последователей складывается особый словарь, состоящий из ровных, благозвучных и стройных речений, приятных для ушей самой скромной дворянской девицы. «Пичужечка» — это приятно, «парень» — отвратительно, потому что заставляет вспомнить пьющего квас дебелого мужика.

Слог Карамзина строится на образцах благопристойной светской речи. Писатель опирался на разговорный язык дворянского общества, он избегал старославянских выражений и вводил неологизмы. С Карамзиным появляются в нашем языке слова «промышленность», «общественность», «человечность», «повсеместный», «общеполезный», «достижимый», «вкус» (в смысле литературного, эстетического), выражения типа «трепетали о жизни милых своих», «убивать время» и т. д. Но несмотря на успешные языковые искания Карамзина, он стоял настолько далеко от живой народной речи, что реформа его имела хоть и положительное, но ограниченное значение. Неправильность этого пути развития понял Пушкин, который широко пользовался богатствами народной речи и явился поэтому родоначальником нового русского литературного языка.

Закончив издание «Московского журнала», Карамзин предполагал весной следующего 1793 года выпустить альманах «Аглая», однако не сумел наладить сотрудничество друзей-литераторов. Он выпустил первую книжку в 1794 и вторую в 1795 году, составив их почти целиком из собственных произведений. Там напечатаны были отрывки из «Писем русского путешественника», богатырская сказка «Илья Муромец», прозаический отрывок «Сиерра-Морена», рассказ «Остров Борнгольм», несколько стихотворений и статей.

«Остров Борнгольм» говорит о новых чертах творчества Карамзина. Рассказ о загадочной женщине, томящейся в заключении на острове под охраной благородного старца, о молодом человеке, вынужденном страдать в разлуке с нею на берегах Англии, заинтересовывает читателя своей таинственной атмосферой. Дикая северная природа, старый замок с его тайной, загадка отношений героев между собой, причина, по которой законы осуждают их любовь, возвышенный слог автора — все говорит о том, что в этой повести Карамзин отдал щедрую дань романтизму. Первым в русской литературе он разработал подлинно романтический сюжет, продолжив затем свои опыты в отрывке «Сиерра-Морена», который появился во второй части альманаха «Аглая» в 1795 году. Таким образом, и здесь Карамзину удалось показать направление, идя по которому следующее поколение писателей создало замечательные образцы романтической прозы.

После «Аглаи» Карамзин в 1796—1799 годах одну за другой издал три книжки альманаха «Аониды», составленных из стихотворений русских авторов. В предисловии к первой

книжке он писал: «Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных стихотворцев; под их щитом являются на сцене и некоторые молодые авторы, которых зреющий талант достоин ее внимания. Читатель похвалит хорошее, извинит посредственное — и мы будем довольны. Я не позволил себе переменить ни одного слова в сообщенных мне пьесах».

В «Аонидах» напечатаны стихотворения Хераскова, Державина, Капниста, Дмитриева, Кострова, Нелединского-Мелецкого, В. Л. Пушкина, Клушина, Николаева и других поэтов, представившие читателю состояние русской поэзии в обширной и умело расположенной редактором картине.

Следующим журнальным предприятием Карамзина стало издание «Вестника Европы», начатое им в 1801 году. Это был серьезный литературно-политический журнал, снабжавший читателя обширной информацией о современных общественно-политических событиях в Европе, Америке, Азии и Африке, разумеется, освещенных с позиций дворянско-монархических и сугубо консервативных. Однако рассмотрение этого журнала выходит за хронологические рамки наших очерков.

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЖУРНАЛ»

1

Среди полутора десятка изданий, существовавших в мрачные годы царствования Павла I, в самом конце XVIII столетия наибольший интерес представляет «Санкт-Петербургский журнал», выпускавшийся ежемесячно в 1798 году. Название его, как бы отвечавшее своей безыскусственностью популярному «Московскому журналу» Карамзина, служило прикрытием весьма острого и содержательного литературно-общественного материала, публикация которого в условиях жесточайшего цензурного гнета вызывает невольное уважение к смелости и тактической гибкости его издателей.

На титульном листе нового издания стояло: «Санкт-Петербургский журнал, издаваемый И. П. Пниным». Эпиграф, почерпнутый из сочинений Лабрюйера, гласил: «Как трудно быть кем-нибудь довольным».

Иван Петрович Пнин (1773—1805) был внебрачным сыном крупного вельможи, фельдмаршала князя Н. П. Репнина, и в наследство от него получил свою «усеченную» фамилию. Пнин учился в Благородном пансионе при Московском университете, а затем в Артиллерийско-инженерном корпусе в Петербурге и рано пристрастился к литературе. В 1789 году, выпущенный из корпуса в чине подпрапорщика, он принял участие в русско-шведской войне, а по окончании ее служил в артиллерийских частях на западных границах России. Выйдя в отставку в 1797 году, он поселился в Петербурге вместе со своим другом Александром Федоровичем Бестужевым, отцом четырех сыновей — будущих декабристов. Бестужев, хоть имени его и не означено на обложке, стал соиздателем Пнина по «Санкт-Петербургскому журналу».

В извещении о выходе нового журнала, напечатанном в газетах, говорилось о том, что «благотворные лучи просвещения» проникли в пределы Севера, сделали ощутительным «полезное преобразование умов и сердец», и теперь священный долг каждого гражданина — помогать по мере сил общественному благу и пользе.

«Пробуждаемы будучи сим неотменяемым долгом, — писали издатели,— и ревнуя похвальному других примеру, сим извещаем: что будущего 798 года будет издаваться „Санкт-Петербургский журнал“, который имеет состоять из различных нравственных, романических, физических, философических, исторических и политических сочинений, из полезных с иностранных языков переводов, на творения лучших писателей анализов, сочинений в стихах и прозе и проч.».

В журнале, кроме самих издателей, принимали участие И. Мартынов, Е. Колычев, А. Бухарский, А. Измайлов, Н. Скрипицын, Н. Шатров, переводчики Н. Яновский, Н. Анненский — малоизвестные литераторы, не определявшие своими произведениями лица журнала. Большинство же материалов «Санкт-Петербургского вестника» не имеет подписей, и установление имен авторов и переводчиков очень затруднительно. Однако можно с уверенностью считать, что ряд стихотворений, статей и переводов принадлежит Пнину и Бестужеву, потому что многие вещи позже вновь появлялись в печати за их подписями.

Как показал В. Н. Орлов, «Санкт-Петербургский журнал» пользовался покровительством великого князя Александра Павловича и его друзей — Чарторижского, Строганова, Новосильцева. На их средства и отчасти по их инициативе на страницах этого издания велась систематическая пропаганда идей новейшей политико-экономической школы [1]. Однако деятельность Пнина и Бестужева своим размахом и содержанием неизмеримо превосходила те поручения, которые давались Пнину и Бестужеву «молодыми друзьями». Вероятно, именно по этой причине они отказали в своей помощи издателям. Лишенные материальной поддержки, Пнин и Бестужев в конце 1798 года прекратили выпуск «Санкт-Петербургского вестника».

Цензурные притеснения в ту пору были необычайно тяжелы. Чиновники Павла I, подталкиваемые императором,

---

[1] В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов, изд. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 110.

ожесточенно боролись с малейшими проявлениями свободомыслия в обществе и в печати, с «развратом умов», опасаясь вторжения в Россию идей французской буржуазной революции.

А между тем в «Санкт-Петербургском журнале» велась пропаганда просветительных взглядов, материалистических идей, печатались переводы из Гольбаха и Вольнея, с похвалой говорилось о Руссо, проскакивали намеки на крепостнические порядки в России, на тиранический режим Павла I. То, что такие мысли выражались Пниным и Бестужевым, для них вполне естественно. Удивительным представляется тот факт, что все это могло проходить через печатный станок. Вероятно, тут играли свою роль связи издателей с Александром Павловичем, о которых было известно цензорам. Нужно также иметь в виду, что смелые высказывания соседствовали в журнале с порицаниями французской революции и фразами о том, что помещики могут быть «отцами» своих крепостных. Такая противоречивость материалов «Санкт-Петербургского журнала», возможность по-разному толковать его позиции, видимо, ослабляли бдительность цензуры и помогали издателям публиковать действительно острые политические статьи и стихи.

Основной курс «Санкт-Петербургскому журналу» давали произведения Пнина и Бестужева, переводы сочинений из Гольбаха и Вольнея, из книг политэкономов Верри и Стюарта. Литературный материал был более нейтральным и не занимал главенствующего положения. Переводы двух отрывков из «Руин» Вольнея и одиннадцати глав «Системы природы» и «Всеобщей морали» Гольбаха были напечатаны без имен этих авторов, атеистов и врагов королевской власти. Переводчик или издатель свободно обращался с текстом: «делал перестановки, вносил сокращения, допускал собственные дополнения. В ряде случаев купюры и дополнения существенно искажали смысл оригинала; как правило, отбрасывались либо приобретали сглаженный, смягченный характер прямые выпады Гольбаха против „дурных правительств“ и его открытые атеистические суждения» [1], что, по мнению исследователя, вызывалось необходимостью приспособить статьи к требованиям цензуры. Но общий смысл тезисов материалистической этики Гольбаха при всех условиях бывал сохранен.

---

[1] В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов, изд. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 141.

В. Н. Орлов подчеркивает, что, «разделяя взгляды материалистов в области мировоззрения, издатели журнала занимали гораздо более скромную позицию в решении вопросов социально-политических. Между их принципиальными теоретическими положениями и практическими выводами обнаруживается явное противоречие»[1]. Одним из подтверждений этого является переводная статья «Рассуждение о предрассудках» (ч. II, стр. 22—62, 171—217), которую издатели сопроводили примечанием, указавшим на ее принципиальную важность. В статье читатели предостерегались от крайностей, в какие склонен впадать человек, порицалась «необузданная любовь к свободе» и рекомендовалась политическая умеренность.

Автор и согласные с ним издатели советовали беречься от насильственных потрясений общества, от народных волнений, во время которых массы отказываются повиноваться законной власти. Некоторые реформы, частные улучшения необходимы, но их следует проводить осторожно и в дозволенных пределах.

2

«Санкт-Петербургский журнал» был рассчитан на серьезного и вдумчивого читателя и не преследовал никаких развлекательных целей. Издатели очень строго смотрели на обязанности литератора, полагая, что талант его должен быть отдан на службу обществу для поддержки добродетели, чье владычество надо распространять повсеместно.

В журнале было помещено несколько произведений швейцарского писателя и ученого Альбрехта Галлера, автора политических романов, написанных под влиянием Фенелона и Монтескье. Человек весьма умеренных взглядов, противник всеобщего равенства, Галлер был защитником аристократической республики. Вряд ли можно считать случайным это внимание «Санкт-Петербургского журнала» именно к Галлеру, очевидно, он как-то отвечал умонастроению издателей.

При всем этом в прозаическом переводе ранней поэмы Галлера «Альпы», где автор передавал впечатления от красоты гор, было подчеркнуто восхищение трудовой жизнью крестьян. Швейцарские пастухи не знают над собой мелочной полицейской опеки, а в городах жить небезопасно, там «жестокий тиран поругается жизнью рабов своих и порфира его

---

[1] В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов, изд. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 141.

обагрена еще дымящеюся кровию граждан» (ч. I, стр. 39). Это печаталось в то время, когда простое упоминание о «вольности» и «свободе» горных жителей могло рассматриваться цензурой как призыв к возмущению против государственного строя!

Обстоятельный трактат А. Ф. Бестужева «О воспитании военном относительно благородного юношества», основанный на идеях просветительной философии, рекомендовал общественные формы воспитания не в семье, а в учебных заведениях. Человек родится ни зол, ни добр, рассуждал Бестужев, от общественной среды зависит его развитие и рост в нем тех или иных наклонностей. Продолжая мысли передовых умов Европы и России, Бестужев писал в журнале о том, что «благородство» человека обусловлено вовсе не его происхождением, а личными качествами, его участием в жизни общества.

В четырех книжках журнала (июль — октябрь) были опубликованы два письма Фонвизина из Франции «некоторой знатной особе в России», т. е. графу П. И. Панину, и его автобиографические записки «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Со времени смерти писателя прошло всего четыре года, и, помещая произведения Фонвизина, издатели «Санкт-Петербургского журнала» отдавали дань уважения и признательности великому русскому таланту.

Из номера в номер в журнале печатались выдержки из сочинения итальянского ученого Пьетро Верри «Рассуждение о государственном хозяйстве». Верри держался новых экономических взглядов, был сторонником свободной торговли и советовал укреплять мелкую земельную собственность, потому что собственные участки крестьяне будут обрабатывать с особым старанием. Косвенным образом из работ Верри читатель мог увидеть невыгоду рабского труда крепостных крестьян.

Большой интерес представляет статья «Гражданин», автором которой следует считать И. П. Пнина. В ней определялись права и обязанности человека как члена общества.

«Истинный гражданин есть тот, который, общим избранием возведен будучи на почтительный степень достоинств, свято исполняет все должности, на него возлагаемые. Пользуясь доверенностью своих сограждан, он не щадит ничего, жертвует всем, что ни есть для него драгоценнейшего, своему отечеству, трудится и живет единственно только для доставления благополучия великому семейству, коего он есть поверенный» (ч. II, стр. 218).

Эти требования к гражданину нельзя не сопоставить с мыслями Радищева, изложенными в статье «Беседа о том, что есть сын отечества» (журнал «Беседующий гражданин», 1789, № 12). Важно, что такие же вопросы волновали Пнина, что, несмотря на цензурный террор, он заговорил об идеале гражданина, о служении обществу.

Тем не менее смысл, вложенный Пниным в его статью, отличается от радищевского понимания темы. Пнин не касается двух главных проблем, поставленных Радищевым в его «Беседе». П. Н. Берков показал, что «ни вопроса о крестьянах как гражданах, ни вопроса о революции как условии превращения крепостных рабов в ,,сынов отечества“ Пнин не ставил. Из остальных передовых идей радищевской ,,Беседы“ Пнин усвоил учение о демократии. Он говорит об ,,избрании“ граждан на посты управления, о святом выполнении ими своих ,,должностей“, т. е. обязанностей, однако у нас нет уверенности, что основное понятие, разделявшее дворянских либералов и революционера Радищева,— понятие ,,народ“ истолковывалось Пниным так же, как и Радищевым» [1]. Под словом «народ» дворянские писатели подразумевали свой класс, богатое купечество и высшее духовенство, а крепостных крестьян и городских трудящихся называли обычно «простым» или «подлым» народом. Радищев же представителями народа считает прежде всего крестьян и сочувствием к ним горячим желанием облегчить их тяжелую судьбу проникнуты все его произведения.

3

В каждой из четырех последних книжек «Санкт-Петербургского журнала», с сентября по декабрь, помещались «Письма к издателю», помеченные местопребыванием автора, городом Торжок, и подписью «Читатель». Содержание их составили критические заметки по поводу новых книг, причем их выбор и направление литературно-критических отзывов весьма примечательны.

В первом «Письме из Торжка» — если принять установившееся за ними в науке сокращенное обозначение — речь идет о книге немецкого мистика Эккартсгаузена «Верное лекарство от предубеждения умов», вышедшей в 1798 году на русском языке в переводе М. Антоновского. Переводчик, сам слывший масоном и мистиком, в свое время был членом «Общест-

[1] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 383.

ва друзей словесных наук» и участвовал в журнале «Беседующий гражданин», где выступил и Радищев. Теперь он издал в своем переводе книгу заведомо реакционную, пропитанную ненавистью к литературе и печати. Писатели для Эккартсгаузена «не иное что, как развратители, соблазнители и враги общества, старающиеся посевать в сердце оного семена пороков и заблуждений... Книгопродавцы для него суть самые гнусные люди, коих алчба к корысти есть источник нравственного зла» и т. п.

Рецензент решительно возражает против выпадов немецкого реакционера и энергично защищает свободу печати. Ведь только благодаря ей человеческий разум добился успеха в своем развитии, стало возможным общение людей на земном шаре. Там, где нет стеснения разума, где поощряются науки, и покровительство защищает ученых от бедности — пороки и заблуждения исправляются, рассудок опровергает ложные мнения и воцаряются добродетель, честность и благонравие.

Эккартсгаузен расхваливал совершенство «естественного человека» из среды неиспорченных цивилизацией народов, на свой лад переделывал Руссо. Рецензент, опровергая такие домыслы, говорит о том, что в обществе нечего искать «естественного человека», а необходимо изучать «человека гражданственного», на примерах его истории воспитывая новые поколения людей. Этим путем удобно образовать характер и направить его к утверждению чести и добродетели. История — вот главная и лучшая школа — доказывал рецензент, и такое понимание ее воспитательной роли оказалось свойственным передовой дворянской интеллигенции начала XIX века.

В трех последующих «Письмах из Торжка» разбираются книжки некоего Глеба Громова, о характере которых говорят их названия: «Любовь, книжка золотая», «Любовники и супруги, или мужчины и женщины (некоторые...)», «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами (продажными), изображены и сравнены Правдолюбом». Эти скверные книжки вышли в 1798 году, только что появились на рынке и пользовались спросом у неразборчивых читателей. Никаких литературных достоинств они не имели и, пожалуй, не заслуживали столь серьезного и старательного разбора, какому их подверг «Санкт-Петербургский журнал». Некоторым объяснением может послужить лишь то, что издатели, уделявшие много места в журнале вопросам воспитания благородного юношества, сочли нужным затронуть половую проблему, которую обошел в

своем трактате А. Ф. Бестужев. Очевидно, они желали осудить легкость нравов дворянского общества, продажную любовь, предостеречь молодежь от разврата, и свои советы адресовали воспитателям.

Вопрос об авторе «Писем из Торжка» остается пока открытым. В. П. Семенников приписывал их Радищеву на том основании, что глава «Путешествия из Петербурга в Москву», посвященная цензуре, соотнесена с городом Торжок и что Радищев, взяв это название, намекал читателям на то, что письма издателю «Санкт-Петербургского журнала» принадлежат ему [1]. В. Н. Орлов считает автором писем И. П. Пнина [2]. Возражая им, П. Н. Берков замечает, что «основное положение, из которого исходили В. П. Семенников и В. Н. Орлов,— о том, что в Торжке у журнала, несомненно, не было никакого сотрудника,— не подкреплено никакими аргументами и поэтому совершенно неубедительно. Вовсе не исключена возможность, что в Торжке действительно были читатели „Санкт-Петербургского журнала“ и что один из них и написал эти письма» [3].

«Санкт-Петербургский журнал», выходивший на рубеже XIX столетия, как бы передавал новому веку добрый заквас материалистической философии, просветительских идей, под знаком которых складывалось содержание прогрессивных журналов второй половины XVIII века. В изданиях, связанных с левым крылом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» 1800—1810-х годов, проявились лучшие традиции передовой печати предыдущей эпохи, воспринятые затем журналистикой декабристов, первых дворянских революционеров.

---

[1] В. П. Семенников. Радищев. Пг., 1923, стр. 454.

[2] В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов, стр. 135 и сл.

[3] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 385.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Васильевич Западов

Русская журналистика XVIII века

Утверждено к печати Редколлегией научно-популярной литературы Академии наук СССР

Редактор Издательства *В. И. Алексеев.* Художник *Ю. П. Тропаков*

Технический редактор *Н. Ф. Егорова.*

Сдано в набор 17/IX 1963 г.
Подписано к печати 20/XII 1963 г. Формат 84 × 108[1]/32
Печ. л. 7. Усл. л. 11,48. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 6300 экз.
Т-13656. Изд. № 2182. Тип. зак. № 2725

Цена 32 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Г-99,
Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»